

Рассказы,
эссе,
воспоминания

*Моим родителям
Ольге Ивановне
и Василию Дмитриевичу
посвящаю эту книгу*

Юрий НЕЁЛОВ

И
СНЕГ
БЫВАЕТ
ТЁПЛЫМ

Рассказы,
эссе,
воспоминания

МОСКВА
2012

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Н 38

Неёлов Ю.
Н 38 И снег бывает тёплым: Рассказы, эссе, воспоминания / Юрий Неёлов. –
М.: Луч, 2012. – 304 с.

ISBN 978-5-88915-064-0

Мужеством высказаться определил в предисловии позицию автора, 16 лет возглавлявшего Ямало-Ненецкий автономный округ, член Совета Федерации РФ, председатель Совета Министров СССР (1985–1990) Николай Иванович Рыжков. И мужество это заключается в том, что мемуары Юрия Неёлова облечены в художественную форму, в рассказы. Потому изначально автобиографические строки вдруг становятся признаниями в любви и дружбе всем тем людям, с кем свела героя повествования судьба. Он уверен: ему с ними повезло. Им же посвящены и вошедшие в книгу эссе и воспоминания. Ведь когда такие люди рядом – и снег бывает тёплым...

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Охраняется законом об авторском праве

ISBN 978-5-88915-064-0

© Неёлов Ю.В., 2012
© ООО ИД «Луч», 2011

МУЖЕСТВО ВЫСКАЗАТЬСЯ

Не мною открыто: политик – призвание мужественных. Само существование в перманентно конфликтной ситуации требует от выбравшего данное поприще мужество принимать решение, отстаивать его, отвечать за сказанное и сделанное.

Мой давний добрый товарищ Юрий Васильевич Неёлов – из их числа. Тому доказательством 16 лет губернаторства в Ямало-Ненецком округе. Во времена если не самые трудные, то одни из тяжелейших. В округе, на котором держится, не побоюсь громкого слова, бюджет России.

Перед нами его первая книга. То, что он написал её, – неудивительно. Странно было бы обратное: если бы человек с его жизненным опытом, опытом общения с самыми разнообразными людьми не оставил потомкам ни единого слова. Удивительно другое: то, что прожитое Юрий Васильевич облёк в художественную форму, – более половины книги занимают рассказы (как известно, наиболее русский жанр). А вот это уже мужество. Я бы даже сказал: дерзость. Отказавшись от традиционного для политика жанра мемуаров, он заранее рискует, подставляясь под огонь возможной критики.

Будучи автором нескольких книг, пусть и не художественных, осмелюсь высказать своё, сутобо субъективное мнение читателя.

Кто из нас в студенческой молодости не подрабатывал сторожем, дворником, грузчиком? Оставаясь лишь биографической строкой в жизни любого из нас, эти подробности пребывают личным архивным делом каждого. Но облечённые в художественную форму, они заставляют нас вместе с героем, скажем, рассказа «Любовь детсадовская», заново пережить все перипетии юношеского познания мира, со всеми его радостными и горестными открытиями. Всё вроде бы узнаваемо, но увиденное глазами (а у него зоркий глаз, много подмечающий из окружающего) студента, ещё почти мальчика, описанное превращается в реальный мир, где происходят события и душевные движения, которым невозможно не сопереживать.

Опять же, не будучи профессиональным литературоведом, рискну высказать мнение, что рассказы исполнены мастерски. И одна из наиболее привлекательных их черт – то чувство юмора, с которым автор преподносит нам коллизии вроде бы порой и трагические. И в этом мудрость автора, давно понявшего и принявшего, что мир наш не выкрашен в две краски. В том же рассказе «Любовь детсадовская» за героем, студентом, сторожем в детском садике «Золотой петушок», гонится мужик с топором, спьяну перепутавший садика и в алкогольном чаду считающий, что именно здесь и с этим студентом изменяет ему жена, воспитательница совсем другого садика. Какой уж тут юмор! Но вот бедолага скручен подоспевшим нарядом милиции, и перед ним открывается действительность:

« – Там на стенах рыбки были! – тоже на шёпот перешёл мужчина. – А здесь – петушки...

Милиционеры понимающе переглянулись:

– Здравствуй, белочка.

– А белочка-то тут при чём? – окончательно запутался я...»

Юный герой ещё не знает, что такое белая горячка. И пока в его потрясённом испугом сознании комично перепутались петушки, рыбки, белочки...

Тему рассказа «Тундра со всеми удобствами» можно было бы определить канцеляритом советской эпохи: становление личности комсомольца. Но комсомольцы в тундре не сидят по кабинетам. Им надлежит собрать по стойбищам детей коренных жителей на учёбу в город, в школу-интернат. И не все ненцы такому предложению рады. Так что иной раз вместо тёплого приёма, которым славятся местные жители, можно нарваться и на пулю. И где тут место юмору? Но повествование о жизни в тундре идёт на фоне вроде бы обычной житейской ситуации – покупки дивана (дефицитного в советском прошлом!) для райкома комсомола и доставки его на санях, в которые запряжён комсомольский конь Серко октябрятского возраста. Неумелые руки возницы могут направить лошадь в кювет. Главный герой рассказа спросонья падает с дивана и саней и на какое-то время остаётся один на один с тундрой и её вполне конкретными опасностями. Умелое чередование драматических и комических коллизий даёт тот самый эффект, который позволяет дочитывать рассказ с лёгкой улыбкой. Именно с лёгкой, потому что автор вовсе не педалирует комизм ситуаций, не стремится во что бы то ни стало рассмешить. Потому что мудро помнит – смешное и горестное всегда рядом.

Об опыте малознакомом обычному читателю повествует рассказ «Кубинский шторм». Кто вообще задумывался: каково

это – быть руководителем советской делегации, выезжающей за рубеж? И перед нами очень личностный и крайне любопытный опыт. Сбегающие из группы за рубежом диссиденты. Словесные схватки с непримиримыми политическими врагами. Коварство зарубежных спецслужб. И посреди всех этих более чем стрессовых ситуаций – задёрганный руководитель группы, постоянно думающий о том, что по головке его за произошедшее никак не погладят... Но на помощь приходят русская смекалка, не менее русский авось и даже... стихия.

Не менее любопытен в этом отношении рассказ «Пустое место на площади». Опыт первого же дня работы председателя райисполкома города сталкивает его с посетителями хоть и разными, но одинаково непредсказуемыми в своих просьбах и требованиях. Герою кажется, что все сумасшедшие города сговорились проверить его психологическую устойчивость. Тут тебе и инопланетяне, и город будущего и (вновь!) топор с угрозой. Абсурд? Но именно такой зачастую и была настоящая реальная жизнь в совсем недавнем прошлом! Герою на время даже приходится стать чуть ли не детективом, выясняющим, почему на площади сидит некий субъект, призывающий с помощью голодовки бороться со «сволочами-начальниками». Но голодовка оказывается липовой, субъект не прочь втихаря принять порцию пельменей под сто граммов. И комизм этой частной ситуации лишь подчёркивает историческую трагедию всей страны: площадь, лишённая некогда стоявшего здесь памятника вождю, теперь открыта любым проходимцам с их самыми завиральными идеями и лозунгами. И рассказ неожиданно приобретает философскую серьёзную глубину.

И недаром изредка в самых разных местах появляется такой знаковый герой повествования, как... топор. О нет, автор отнюдь не призывает «Русь к топору». Он лишь вскользь, но значимо напоминает: если не думать, не заботиться о чаяниях народа, он сам может подняться за свои интересы. И тогда, как предупреждал классик, не дай бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный.

Многоплановый и композиционно непростой рассказ «Охота на голубей» ненавязчиво ведёт нас к мысли о том, что не всё продаётся и покупается. И привитая в детстве родителями любовь к братьям нашим меньшим окупится сторицей не материальными, но духовными и душевными свершениями.

Особо отмечу рассказ «Ну что вам рассказать о них?». По моему, автор был просто... обязан написать его. Да, в литературе, кинематографе уже заклишировался образ коренного жителя Севера. Ханты, манси, ненцы ли – это уже заведомо нечто простодушное, приветливое, открытое, бесхитростное. Но как человек, знающий этих людей через многолетнее личное общение, автор вдруг уходит от привычного, назойливого образа, представляя нам и другие ипостаси, казалось бы, изученного наизусть. И в этом тоже большое мужество автора и политика.

И тем не менее мемуарный раздел в книге всё же присутствует. От традиции невозможно уйти. Да и не стоит. Чувство большой человеческой благодарности переполняет автора, вспоминающего многих из тех, с кем свела его судьба на жизненном пути. И мне особенно приятно, что нашлись у автора тёплые слова и для вашего покорного слуги.

А большое комсомольское прошлое просто-таки вынудило

автора поделиться с читателем наболевшим по отношению к такой сложной проблеме, как отношение государства к молодёжи. И на поставленный автором вопрос «Хорошо быть молодым?» он сам себе не может дать положительного ответа. Будем надеяться – пока не может.

А как венец книги следует, на мой взгляд, рассматривать эссе «Музей – каждому!». Вроде бы опять частное дело, создан автором собственный музей. Настоящий музей, в реальном доме, где собраны вещи – свидетели прошедшего. Тут и бабушкина прялка, и её радио, по которому услышала она объявление о начале войны, и много всякого разного, накопленного за всю жизнь. Просто большинство из нас избавляются от ненужных (как нам кажется!) вещей, а Юрий Васильевич хранит. И вот повествование о содержимом экспозиций набирает силу, и в орбиту музея, памяти, пусть символически, входят люди и события из жизни «хранителя». И сам музей, «Река с простым названием Жизнь», и его предназначение обретают большой философский смысл, когда начинаешь вспоминать идеи Вернадского и Фёдорова, Циолковского и Чижевского...

Но это и другие прочтения и разборы оставлю профессионалам.

А лично от себя пожелаю многоталантливому русскому человеку Юрию Васильевичу Неёлову ещё и мужества быть прочитанным и услышанным.

Николай Рыжков

член Совета Федерации ФСРФ,

председатель Совета Министров СССР (1985–1990)

РАССКАЗЫ

ЛЮБОВЬ ДЕТСАДОВСКАЯ

Кого-то, может, и радовала наступившая осень. Может, даже она сама себе радовалась. И не скупилась в выражении чувств – лихо разбрасывала разноцветные листья, щедро поливала окружающее время и пространство дождями.

Эти самые листья и капли дождя в избытке доставались и мне, первокурснику индустриального. Ещё недавно гордившийся обретением весёлого звания студент, ныне я, пригорюнившись, сидел в скверике перед главным корпусом института. Полчаса назад я понуро вышел из дверей деканата, где представительная дама в огромных модных очках бесстрастно поведала мне с интонацией автоответчика, что «второкурсники в этом году общежитием не обеспечиваются». Ждите, добавила она более человеческим тоном.

И вот я уже полчаса сидел в скверике и ждал. Чего? Осени этот вопрос тоже представлялся весьма интересным. И она вовсю хлопотала вокруг меня с уже дважды не к ночи будь упомянутыми листьями и дождями. А прибывающие лужи напоминали, что моя летняя обувка к разыгравшейся непогоде отнюдь не приспособлена.

Вспомнилось, как абитуриентами вчетвером снимали мы комнатку у вечно пьяненькой бабы Нюры. Человек редкой

профессии, даже не знаю, как её специальность числится по бюрократическим категориям, она торговала ею же сделанными венками у городского кладбища. Каждодневное употребление легендарного напитка «Солнцедар» постепенно лишило её необходимой квалификации, и она, помимо малой mzды за аренду жилища, обложила нас ещё дополнительной данью – по три венка с абитуриентского носа в неделю. Через несколько дней мы могли плести ритуальные принадлежности уже с закрытыми глазами. Тем более что крепко поддавшая баба Нюра требовала всё время гасить свет, мешавший ей мирно поживать в чаду алкогольных видений.

– Юрка, – вопила она приярких лучах полдневного светила, – да выключите же вы свет!

Я для виду щёлкал выключателем, что умиротворяюще действовало на нашу хозяйку.

– Вот теперь другое дело! – одобрительно бормотала она и мирно отправлялась в объятия не менее хмельного Морфея.

Однако наш идиллический симбиоз вскоре распался. Хотя мы-то в радужных мечтах полагали, что и студенческое время проведём за этим жизнеутверждающим венкоплетением под сенью бабнюриного крова.

Однажды баба Нюра предупредила:

– Сынок у меня скоро из тюрмы возвращается. Ищите, ребята, другой кров. Сроку – два дня.

А куда нам идти? Да и сессия на носу. Осмелев от отчаяния, я подошёл к бабе Нюре, не раскрывая, показал быстро, пряча в ладони, студенческий билет.

– Не хотел говорить, баб Нюр. Но вот моё удостоверение, я

общественный инспектор. И по закону должен сообщить куда следует, что венками ты торгуешь незаконно.

Перепуганная бабка не нашла ничего лучшего, как сказать:

– Ну так ты, Юрка, оставайся, а остальные – уходите!

В общем, уговорили ещё на какое-то время.

Вернувшийся из тюрьмы сын бабы Ньюры, огромный детина в наколках на всех видимых, а надо полагать, и не только видимых частях тела, обретение отчего дома счёл праздником, достойным двух авосек водки. И теперь мрачно сидел на кухне, обклеенной жизнерадостными обложками журнала «Огонёк», и, методично принимая внутрь стопарь за стопарём, судя по всему, размышлял о будущем. Вряд ли оно представлялось ему светлым. Особенно для нас. Потому что на второй день пребывания в семье блудного сына баба Ньюра резюмировала:

– Шли бы вы, хлопцы, отсюда. Вам же лучше будет.

И многозначительно посмотрела на дверь кухни. В этот утренний час бабка была ещё трезва и речи её на пьяный бред не походили. Да и дешёвый фокус со студенческим билетом тут, перед физиономией громилы-урки, шансы на успех имел нулевые. А наkostenять мог запросто. Мы поспешно собрали манатки.

– Н-да, нелётная погодка, – пробормотал я, оглядывая институтский двор. Он не предлагал ничего утешительного. Все вакансии дворников, вахтёров, сторожей и библиотекарей были плотно оккупированы студентами более старших курсов. Объявления на заборах изучены, немногочисленные знакомые опрошены – свободного тёплого и недорогого угла не предвиделось.

– Нелётная, – повторил я.

И тут, как пишут господа литераторы, меня осенило. Аэропорт!

В аэропорту можно перекантоваться. В нелётную погоду народу там много собирается, никто на тебя внимания не обратит, если ты несколько дней покемаршишь на скамейке в зале ожидания.

И я вылетел в аэропорт. Ну, то есть, конечно, поехал на автобусе, от всей души желая этому представителю пассажирского наземного транспорта сверхзвуковой скорости. Но ЛиАЗ полз со стремительностью, дозволенной ему заводом-изготовителем и впереди идущим транспортом. И за время часового пути не раз меня посещали мысли легковесные, неземные: а может, плюнуть на этот индустриальный, ведь я всю жизнь мечтал об авиационном вузе? Для поступления туда, правда, требовался производственный стаж. Ну так что ж? Пойти в армию. Там по крайней мере крыша над головой даже осенью имеется, о пропитании думать не приходится, стаж необходимый набежит... Родители, конечно, не обрадуются. И даже знаю, что скажут: поучись тут, потерпи, потом переведёшься... Да и как в глаза соседским девчонкам смотреть...

Зал ожидания аэропорта Рощино, распухший от пассажиров многочисленных отменённых из-за непогоды рейсов, равнодушно принял новичка. Я довольно скоро отвоевал себе закуточек около буфета. Сзади теперь меня прикрывала лестница, ведущая на второй этаж аэровокзала, справа – буфетная стойка. В общем, угол. С двумя стенами. И пахло здесь вполне по-домашнему – пирожками. Я засыпал под ровный шум аэропорта, когда даже громкие объявления кажутся лишь частью общего фона. Просыпался, принимал водные процедуры в туалете и, перекусив буфетными пирожками, отправлялся в вуз грызть материю более плотную – гранит науки.

На пятый день пребывания под гостеприимным крылом Аэрофлота я стал подсчитывать финансы – пирожки медленно, но неукротимо расширяли брешь в моём бюджете. Стипендия в 37 рублей с полтиной, кажущаяся столь полновесной в момент получения, как-то неожиданно стремительно таяла сразу после выхода из стен бухгалтерии.

– Что, финансы поют романсы?

Я вскинул голову на подсевшего мужчину и быстренько убрал кошелёк. Этого мужика я уже давно заметил. Он частенько подходил к буфетной стойке, перекидывался фразами с продавщицами. Те охотно отвечали. Его постоянно смеющиеся глаза невольно вызывали симпатию. Уходил он через служебную дверь. Наверное, всё-таки не бомжара-жулик, подумал я. Вон какое солидное пальто с каракулевым воротником. И рубашка такая стильная виднеется, зелёная...

– Не поют, уже еле пищат, – уныло признался я.

– Так этот стон у нас песней и зовётся, если верить классику, – продемонстрировал знакомство с великой русской литературой новоявленный сосед, вновь улыбаясь одними глазами. – Студент без вида на жительство?

– А... как вы догадались?

– На бича не похож, к дежурному по аэровокзалу не бегаешь – значит, не пассажир. Днём исчезаешь. Вечером учебники читаешь. Как думаешь, сложно догадаться?

Мы разговорились. Через десять минут мужчина, Альберт Николаевич, как он представился, поднялся.

– Ну, пошли, студент. Будем решать твою проблему.

И я безропотно двинулся за ним. А что мне было терять?

И чего с меня было взять? Двинулся по направлению к той самой служебной двери, в которую сам бы ни за что не осмелился войти, хоть и нравы в аэропорту в те далёкие семидесятые царили отнюдь не столь суровые, как нынче.

Мы шли вдоль заборов и ангаров, врुбаясь в непогоду и шум прогреваемых, но пока не востребованных двигателей.

– Если тяжёлой работы не боишься – поладим, – сказал он, когда мы подошли к кирпичной котельной в три окна с зелёной дверью.

В помещении, ставшем тёплым пристанищем для четырёх человек, если судить по койко-местам, пахло углём, паром, въевшимся табачным дымом и сырой одеждой, висящей на верёвках над пузатой металлической печкой. В углу на столике стоял подкопчённый чайник, полка с немудрящим кухонным скарбом венчала пейзаж.

– Ну вот, та койка свободна. Скоро мужики на обед придут, познакомишься. Народ не злой, но... Свободных воззрений на жизнь, если можно так выразиться. Ну то есть почти студенты. Применительно к житейским обстоятельствам, – то ли шутя, то ли серьёзно пояснил мой спутник. – Работа не сложная, но нелёгкая – разгружать вагоны. На слабака ты не похож. А лишняя копейка и кров над головой не помешают. Как?

Я глазам и ушам не верил. Происходящее мгновенно решало все мои проблемы: и бытовые, и финансовые. Средняя сестра Надюшка давно взывала ко мне о помощи, также по-студенчески бедую в своём медицинском вузе. А я пока не мог ей выслать и копейки, при этом прекрасно понимая, что у девчонок запросы повыше, чем у нашего брата.

Послышался шум шагов, и в котельную ввалились трое. К моему появлению они отнеслись с философским спокойствием – видать, контингент менялся так часто, что заводить крепкие отношения здесь не было принято. Вывалив на стол свёртки с едой и скинув ватники на койки, мужики принялись за харчи. Старший из них, чернобородый Егор Дмитрич, как его окликали остальные, лишь коротко кивнул:

– Присоединяйтесь.

– Давай, давай, – подбодрил мой благодетель. – Ты теперь полноправный член бригады.

Он глянул на часы.

– Ну, мне пора. Знакомьтесь в порядке общения.

– Юрий, – представился я, присаживаясь к столу и провожая тоскливым взглядом спину выходящего из вагона Альберта Николаевича. Мне почему-то вдруг представилось, что я, кажется, сваял большого дурака, согласившись на предложение совершенно незнакомого человека, но который теперь, в кругу совсем уж чужаков, показался добрым знакомым. – Приятного аппетита, – торопливо добавил я.

– Держи-ка, – сказал Егор Дмитрич, сооружая устрашающих размеров бутерброд из полбатона со здоровенным куском любительской колбасы.

А и проголодался же я, как вдруг выяснилось. Мужики с распросами не приставали, на печке мирно закипал чайник.

В котельной я прожил почти месяц. Мужики выдали мне спецодежду: ватник, тёплые брюки, сапоги. Без такого снаряжения я быстренько обтрепался бы на разгрузке вагонов. А разгружать приходилось всякое-разное. Больше всего отравляли нам

жизнь вагоны с сыпучими материалами: углём, мукой, цементом. Продукты в коробках радовали значительно больше. Иной раз какая-нибудь картонка вдруг (ну совершенно случайно!) разваливалась в могучих руках Егора Дмитрича.

– Не бойсь, студент, – басил он. – Усушку с утруской ещё никто не отменял.

В общем, к столу нам кое-что перепало. Но мужики не нагтели. Жизнь их уже научила, где начинается та грань, за которой... Понятно, в общем.

Витёк, малый лет тридцати, но уже плешивый, с редкой светлой растительностью на лице, своими мутно-голубыми глазками смотрел на жизнь, казалось, не всматриваясь. Ничто из происходящего, судя по вечно флегматичному виду, не трогало ни душу его, ни ум. Да и ума этого, как мне казалось с высоты юношеского максимализма, была явно не палата. Но, как говорится, не суди о книжке по обложке. Однажды незакреплённый контейнер с картошкой чуть не ахнул на меня из вагона. Я даже не видел опасности, скатывая предыдущий контейнер. А два центнера груза уже падали мне на спину, слетая с колёс. Я только услышал крик Егора Дмитрича, обернулся, а Витёк уже успел подставить свою спину и держал эту тяжесть, пока не подоспели мужики.

– Спасибо, Витёк, – выдохнул я.

– Чё спасибо-то? – удивился он, словно я сморозил несусветную глупость. И ничего на лице его и в глазах не отразилось.

И о чём он думал всегда так, что ни за что не догадаешься.

А вот третий наш компаньон таких ребусов окружающим не загадывал. Сашка Филатов, или в простонародье Филя, всегда

конкретно знал, что почём. Сколько стоит разгрузить тот или иной вагон (с ним всегда советовался Егор Дмитрич, прежде чем браться за работу), куда какие составы приходят, в каком магазине чего сегодня «выбросили», как правильно похмеляться и похмеляться ли вообще, и т. д. Ходячее справочное бюро.

Вот и в тот вечер, когда мы решили отметить месяц моего пребывания в доблестной бригаде из котельной, он, приняв вторую рюмку водки (между первой и второй чтоб пуля не пролетела!), назидательно вещал, обращаясь в основном ко мне:

– Похмеляться – дело гибельное. Сколько нашего брата через это пропало – страшное дело. Они-то думали, что из-за баб спиваются или там из-за неприятностей в судьбе... Не-ет. Похмеляться не надо. А уж коли не вмоготу...

И тут в дверном проёме возникла фигура. В форменном обмундировании. Нюх у них, что ли, особенный?

Не зря у нас милицию не жалуют. Хмурый лейтенант мрачно оглядел нашу компанию, буркнул:

– Вот они, голубчики, асоциальные элементы.

И потребовал, как водится, документики. Явившийся следом запыхавшийся Альберт Николаевич пытался что-то доказать лейтенанту, но тот лишь отмахивался:

– Разберёмся!

Со мной разговор состоялся отдельный.

– То, что подрабатываешь, нормально. Но смотри, как бы не скатиться туда, куда и они. Так и понесёт по жизни: без настоящего дела, без жилья, без семьи... Чем такая история заканчивается, объяснять, думаю, нет необходимости? А ты вон уже и к рюмке с ними прикладываешься, и ночуешь с ними...

И стал читать лекции. Или нотации их ещё называют. Ну те самые нудные словеса, которые никому не нравятся.

– А где же мне ночевать? А рюмку, ну так... Чуть-чуть, за компанию...

– Во-во. Так с чуть-чуть и начинается. Насчёт же ночлега не понял. А общежитие?

Я пожал плечами.

– Говорят, второкурсникам не положено.

– Не положено? – изумился лейтенант. – Как так? Ну-ка поподробнее...

Я и изложил.

– Ладно, сегодня поздно. Ещё раз переночуешь в котельной. Надеюсь, в последний раз. – Он погрозил пальцем. Мне показалось, не только мне погрозил. – А завтра с утречка...

Назавтра с утречка мы нагрянули в деканат. Вернее, нагрянул лейтенант. Я тащился за ним в виде привязанной к хвосту консервной банки. И ни на что особо не надеялся.

– Подожди меня здесь, – сказал лейтенант, отворяя обитую чёрным дерматином дверь.

Я сел в коридоре под стендом с факультетскими объявлениями и стал ждать. Сначала за дверью бубнили довольно мирно. Но затем градус разговора стал нарастать. Наконец дверь рывком отворилась.

– И об исполнении – доложить, – рявкнул было лейтенант, но, увидев меня, осёкся, видимо, вспомнив, что не у себя в отделении милиции. – В общем, через неделю проверю, – уже более миролюбиво, но решительно заключил он, молодежато козырнул и вышел в коридор. – Через неделю будешь с общежитием, –

пообещал он мне, – и двинулся по лестнице, неся на спине моё неверящее «Спасибо!».

Я не стал дожидаться реакции деканата, ссыпался по лестнице вслед за лейтенантом.

Нет, зря у нас милицию не жалуют. Есть там стоящие ребята!

– Ну и чего ты тут сидишь?

Я поднял голову. Передо мной стояла однокурсница Юлька. Весёлая, рыжая, неутомная Юлька, с которой мы всегда пересмеивались, когда встречались на переменах. Сейчас Юлька, подпрыгивая на месте, насмешливо рассматривала меня. Подол короткой юбки подпрыгивал. И мало того, ткань этого самого подола ещё и просвечивала. Я слегка покраснел и сказал:

– А чего делать-то?

– Чего делать-то... – передразнила она. – Я тебя целое утро ищу, а он тут сидит, прохлаждается.

– Зачем ищешь?

– За-ачем? Нет, вы только поглядите на него, – она чуть не захлебнулась от негодования. – А кто каждого встречного-поперечного умоляет найти угол для несчастного студентика? Сейчас же поехали!

– Куда?!

Но она уже не слушала, а стартовала в сторону троллейбусной остановки, нетерпеливо маня меня за собой.

И в троллейбусе непрерывно тараторила о том, как она, Юлька, а вернее, не она, Юлька, а её подруга Люська, и даже не подруга Люська, а её пёс Багира чуть не забежал на территорию детского садика, устроив переполох среди воспитанников и воспитательниц, и пока Люська оттаскивала Багиру от гомоня-

щей малышни, то успела разглядеть на калитке детского садика объявление о том, что там требуется этот... как его...

– Да кто?! Не тяни ты, ближе к делу! – не выдержал я.

– А я, по-твоему, не о деле, – обиделась Юлька, – не интересно, могу вообще не рассказывать. Стараешься тут для него, а он...

– Интересно-разынтересно, – взмолился я. – И спасибо тебе большущее за хлопоты! Какое объявление?

Юлька оглядела пассажиров и, понизив голос, таинственно прошептала:

– Детсадику требуется сторож. Ночной!

Я чуть было не сказал: «Иди ты!».

– Ну хоть один мужчина в нашем кефирном заведении, – сказала заведующая Любовь Гавриловна, тучная дама, своими габаритами, должно быть, внушавшая страх и трепет не только малолетним воспитуемым, но и родителям. Не говоря уж о персонале.

Действительно, в отличие от аэропортовской котельной в детском саду «Золотой петушок» во всей красе был явлен матриархат. Заведующей, завхозом, воспитателями, поварами, нянечками служили дамы. Как на подбор – среднего возраста, и почти все – одинокие. С детьми или без. Я ощущал тут себя белой вороной. Хорошо хоть, что сторожил я ночью. Но и то порой вечерами детсадовские тётки задерживались на работе. И устраивали небольшие посиделки. Накрывали стол, прикупали винца. Впрочем, много ли им надо было. Так, бутылочку сухого.

– Ты уж, Юрок, заведующей не говори, – извиняясь, просили они.

Я и не собирался. Мне от их посиделок шёл прямой профит. Готовить они умели. Так что хватало не только мне подхарчить-

ся, но и на долю моих собратьев по институту оставалось. Вечно голодных бедолаг-студентов упрашивать не приходилось. Они с нетерпением ждали вечеров, когда дружный детсадовский коллектив устроит очередное отмечалово. А повод в нашей стране для маленького праздника всегда находился. И тогда тётки, приняв по символической стопке, затягивали свои песни. Почти всё время одни и те же, словно выполняя чей-то постоянный и неперменный заказ. Звучали «Окрасился месяц багрянцем», «Что стоишь, качаясь», «Вот кто-то с горочки спустился» и так далее. Репертуар известный – о любви несчастной, неразделённой, о коварном любовнике.... Но в исполнении русской бабы уж так ли жалостно и протяжно звучат строки, с детства известные, что невольно отложишь учебник, да и задумаешься... О чём?

Порой мне вспоминалась одноклассница Наташка Подлесиных. Она сидела на последней парте в ряду у окна, а я в ряду у входной двери, на второй парте. Так что к концу каждого урока у меня начинала болеть шея от постоянного наблюдения за объектом сердечного внимания. И вполне возможно, пришлось бы мне с моей шеей к врачам обращаться, но Наташкиного отца, военного комиссара нашего города, вскоре перевели служить в другие края. Увы... От класса к классу одновременно с моим взрослением и изменением симпатий и пристрастий этот самый объект сердечного внимания претерпевал изменения. Им становились Люда Печкурова, Таня Плясунова, Люда Котова...

Вечером «отведать котлеток» прибежала и Юлька. Она жила только с отцом, мать умерла родами. Так что кулинарными изысками её с детства не баловали. Но по её неунывающей физиономии никто бы не сказал, что перед вами полусиротка. Вот и

в этот вечер, навернув будь здоров, что, впрочем, никак не сказывалось на её изящной фигурке, она нарочито потянулась, отчего майка плотно обтянула её девичью грудь (без лифчика!), и полувопросительно сказала:

– Ну что, я пойду?

– Да сиди, как хочешь, – сказал я нерешительно. – Не мешаешь...

– Ах, не мешаю, – возмутилась она, вскакивая. – И на этом спасибо. Надеюсь, Люське я тоже не мешаю?

И с этими словами она выскочила из кухни. Я пошёл за ней, чтобы закрыть дверь, а по дороге чувствовал, что постепенно краснею. Надо же, догадалась! Дело в том, что я действительно ждал попозже Люську. Нет, никаких романтических историй у нас с ней не происходило. Пока во всяком случае. Хотя, положив руку на сердце, я бы не стал отрицать, что Люська мне симпатична. Как и Юлька, она тоже была очень живой, насмешливой. Но только в её больших тёмных глазах где-то на самом дне таилась грусть. И мне ужасно хотелось понять, что не так в жизни этой славной девчонки.

Но ждал я не только Люську, но и её немецкую овчарку Багиру. На обширной территории «Петушка» располагался ещё и продуктовый склад. И потому приходилось по ночам частенько совершать обход территории. А вечный недосып на успеваемости сказывался только отрицательно. Вот мы с Люськой и решили, что Багира на ночь будет оставаться у меня. И мне спокойней, и собаке хороший моцион. А пока Люська приводила её ко мне, чтобы пёс привыкал. Я щедро подкармливал будущего напарника по охране обильными отходами с детсадовских сто-

лов. Судя по умильной роже Багиры и её хвосту, контакт у нас устанавливался надёжный.

Когда собака наелась, Люська тоже как-то неуверенно сказала:

– Ну, мы пойдём?

Да что они, сговорились сегодня! Но я не нашёл ничего лучшего, чем повторить:

– Да не спешите, не мешаете.

И поперхнулся. Что я весь вечер несу?!

– Ну, то есть, наоборот, помогаете. С вами даже спокойнее.

– Вот это кавалер, я понимаю, – фыркнула Люська.

Я не нашёлся, что ответить. И мы молча минут пятнадцать наблюдали за рыщущей по площадке собакой.

Когда я закрывал за ними калитку, Люська не выдержала:

– Один не забоишься? А то у моей бабушки бессонница. Могу прислать на подмогу.

И очень обидно засмеялась.

Я обошёл территорию сада, проверил замки на складе, вернулся в здание. Поднялся ветер. Вообще неуютно как-то стало. Я пошёл на второй этаж, в приёмную заведующей. Сел за стол, раскрыл учебник по сопромату. Но наука впрок не шла. Растеребили меня девчонки. Юлька, Люська... И почему-то ребята из котельной вспомнились. Как-то они сейчас, где в такую непогоду? Я знал, они ждут не дождутся прихода весны, чтобы рвануть на юг. Собственно, вся жизнь их была настроена так, чтобы летом непременно отбыть в тёплые южные края, а всё остальное время – так, что называется, перекантоваться, не важно, где и как... А я чего хочу от жизни, если честно?

Внизу в дверь постучали. Юлька, Люська?

Я сбежал вниз. Но дверь сразу не открыл. Что-то меня остановило. Я выглянул в окно.

Не Юлька и не Люська. И даже не её бабушка. На крыльце стоял мужик. Во всяком случае виднелся тёмный силуэт в длинном пальто с поднятым воротником и в кепке.

– Чего вам надо? – каким-то не своим голосом спросил я.

– Открывай, сейчас узнаешь, – донёлся голос незнакомца. И слова его звучали явно недружелюбно.

Он повернулся к окну, за которым я стоял, и при свете дальнего уличного фонаря что-то сверкнуло у него в руках. И это что-то весьма смахивало на лезвие топора!

Я отпрянул от окна. Грабители? Но продуктовый склад вон там, в углу участка. А в саду что брать?

– Я тебе покажу, как за чужими бабами ухлёстывать, – проревел незнакомец и, судя по звуку, сунул лезвие топора в дверную щель.

«А замочек-то там хлипенький!» – мелькнула мысль. И ещё: «Какие бабы? Юлька, Люська?!»

Я опрометью кинулся по лестнице вверх, всеми мурашками спины ощущая, как со скрежетом отходит дверной замок. В вестибюле раздались торопливые шаги.

– Я тебя всё равно достану! Не спрячешься!

Влетев в приёмную, я захлопнул дверь за собой. Английский замок здесь был понадёжнее. Но против топора долго не продержится. Ладно, если что – в окно. Второй этаж всё-таки. Я торопливо, срываясь пальцем с отверстий телефонного диска, стал набирать 02.

Каблуки незнакомца простучали мимо двери приёмной. Он,

судя по всему, полагал, что я есь духу мчусь впереди него по коридорам на вторую боковую лестницу, ведущую вниз, в вестибюль.

Не зря у нас милицию недолюбливают. Гудки тянулись изматывающе долго.

– Дежурный по городу капитан Мельников, – наконец отозвалась трубка.

– Это сторож детского сада «Золотой петушок», – прошептал я торопливо, даже в такую минуту понимая, как идиотски звучат мои слова.

– Какой петушок? Говорите громче! – потребовала трубка.

– Не могу, – сипел я. – Тут грабители.

Кое-как удалось мне убедить дежурного капитана, что не петушков тут воруют, а налёт на детский сад. Про «баб» я упоминать не стал.

А налётчик ещё пару раз протоптал по коридору мимо скрывающей меня двери, выкрикивая угрозы.

Нет, зря у нас милицию недолюбливают. Дежурный наряд приехал, как я потом понял, действительно быстро. Как раз в тот самый момент, когда малый с топором на очередном круге наконец притормозил у двери приёмной, начиная соображать, что гоняет вхолостую.

Хорошо было слышно, как стражи порядка решительно скрутили борца с обольстителями чужих баб. Я вышел в коридор.

– Ты, что ли, звонил? – спросил дюжий старшина, крепко держа завёрнутую назад руку, секунду спустя сжимавшую топор. Оружие борьбы с соблазнительями чужих возлюбленных уже ва-

лялось на полу. Обычный плотницкий топор, с замызганным топорщищем, с выщербленным лезвием, повстречавшем на своём веку немало поленьев и досок.

– Да это же не он! – вдруг прохрипел, уставившись на меня задержанный, оказавшийся довольно молодым мужчиной. Винные пары свидетельствовали о его серьёзных жизненных коллизиях. Налитыми кровью глазами он оглядел помещение. – И дом не тот!

– А какой тот? – зачем-то шёпотом спросил я, вдруг вспомнив «Преступление и наказание», читанное совсем недавно.

– Там на стенах рыбки были! – тоже на шёпот перешёл мужчина. – А здесь – петушки...

Милиционеры понимающе переглянулись:

– Здравствуй, белочка.

– А белочка-то тут при чём? – окончательно запутался я...

На следующий день во время занятий в институте меня вызвали в деканат. Там меня ждал уже знакомый лейтенант.

– Ну вот, как и обещал. Тебе товарищи, – он кивнул на известную мне даму в огромных очках, – выхлопотали общежитие. По-моему, стоит сказать спасибо.

Я поблагодарил. Мы вышли с лейтенантом в коридор.

– Я слышал, у тебя вчера ночное приключение было, – сказал благодетель в погонах. – Так ты того... Не подавай заявление...

– Какое заявление? – не понял я.

– Вечером поймёшь, – кинул он через плечо, спускаясь по лестнице.

А вечером на территорию садика пришёл тот самый мужик с топором. Нет, на этот раз он был без топора. Но даже такой его мирный вид особой радости мне не внушал.

– Открой, – сказал он как вчера. – Да не бойся. Я поговорить, извиниться...

Я открыл, но в помещение пускать его не стал, помня вчерашние наши забеги. Сам вышел к нему на крыльцо. Накрапывало.

– Закуришь?

Я почти не курил, так, иногда баловался. Но тут взял предложенную сигарету из красной пачки «Примы». Мы прошли к грибочку, примостились там, как курочки. Наверное, потому, что в «Петушке».

Мужик затынулся, окинул сумрачным взглядом окрестности.

– Понимаешь, – начал он, и я увидел, как тяжело даются ему слова. – Жена у меня того... Загуляла... Тоже в садике работает... В другом только. Ну и понесло меня... Понимаешь? Только с садиком спьяну обознался. Тот – «Золотая рыбка».

Он с тоской посмотрел на меня. А меня уже тошнило от этих рыбок и петушков. А может, и от выкуренной крепкой сигареты.

– В общем, в милиции мне сказали, что если ты... Если вы заявление подавать не будете, то они... То ты... В общем, срок мне могут намотать... А за что?!

И он посмотрел на меня ещё более тоскливо.

Мы сидели под весело раскрашенным грибочком, по крышке которого уже не шутя лупил дождь. Малый курил. Я рассматривал раздуваемый ветром горящий кончик моей сигареты. Какое там заявление, думалось мне. Конечно же не буду подавать.

И вот ещё что мне думалось. Неужели осенью бывает только детсадовская любовь?

ПАРТИЯ ДЕДА МАТВЕЯ

Бум! Бум! Бум!

Я ошалело откинул капюшон спальника.

– Подъём! Подъём! – трубно вещал на весь сеновал староста Сундуков.

Вчерашние абитуриенты, потирая заспанные лица и отряхиваясь от сена, стали сползать со стогов.

– И так ещё целый месяц, – проворчал мой сосед по ночлегу Генка Леханов.

– Неужели всех первокурсников гоняют на сельхозработы? – спросил я, выживая из-за шиворота колкую соломинку. – Интересно, авиационный институт отправляют?

– Всех, – мрачно подтвердил Генка. – Нам ещё повезло – на зерно. На картошке, говорят, совсем тяжко.

– Веселей, веселей, – подбадривал Сундуков.

Весной демобилизовавшийся, он, кажется, с удовольствием припоминал свои сержантские замашки.

Поплескав в лица у рукомойников, студенты гуськом потянулись к столовой. Оттуда аппетитно пахло жареной картошкой с лучком и свежезаваренным чаем.

Сентябрьские ночи уже прихватывали разбитую дорогу лёгким морозцем. Засасывающая днём сапоги вязкая грязь теперь пихала под ноги застывшие комья и гребни. Даже вечно бодрый Сундуков пару раз чертыхнулся, споткнувшись.

– И откуда ж вас, молодых, столько сюда понагнали? – поинтересовался дедок, сидевший в клубах махорочного дыма на лавочке возле столовой.

– Из института, дедуля, из института, – отозвался Генка.

– Ишь ты, – уважительно сказал дедок. – Студенты, стало быть.

– Ага, – сказал Генка и схватил меня за рукав, поскользнувшись в колее.

– Ну, так и учились бы! – удивился дедок. – Здесь-то зачем?

– А ты разве не слышал, дедушко? – понизил голос Генка. – Битва же идёт!

– Иди ты! Какая же? Неужели с мериканцем? – оживился старик, выпуская очередную порцию сизого дыма.

– Ещё серьёзней. За урожай, дед, за урожай, – пояснил Генка. – И вам, колхозникам, одним эту битву не выиграть. Вот нас на помощь вам и прислали.

Дед придиричиво оглядел наше бредущее на завтрак войско.

– На битву мужики нужны, – задумчиво рассудил он. – И техника какая-никакая. А вы ишо... того... зелены больно...

– Как вас, батя, зовут? – вмешался я.

– Да уж лет тридцать как дедом Матвеем кличут, – охотно ответил он.

– Так вот, уважаемый дедушка Матвей, насчёт молодо-зелено... У нас своё войско. Не мужицкое, а комсомольское. А если партия сказала «Надо!», комсомол ответил «Есть!». – И я молодец вато взял под козырёк. – Слышал такую присказку?

– Как, как? – радостно переспросил дед Матвей. – Чего партия сказала? Это когда?

– Давно и надолго. Извини, дед, завтракать пора.

– Ну, ну. Ступайте. Приятного аппетита.

После завтрака пришлось вновь общаться с дедом, который, кажется, наш приезд в его деревню Суклём Упоровского района рассматривал как личное развлечение.

– Иди-к сюда, хлопец, иди, – поманил он меня. – Как там, говоришь, партия сказала?

– Партия сказала «Надо!», комсомол ответил «Есть!» – уже без энтузиазма повторил я.

Вот же надоедливый субъект пенсионного возраста! Неужели я тоже буду таким занудой в его возрасте?

– Ох и здорово сказала, в самую точку, – одобрил дед. – По такому случаю – угощайся, – достал он кисет и газетный обрывок.

Я тогда почти ещё не курил, так, баловался. Но, глядя на Сундукова, который сейчас небрежно прикуривал от импортной зажигалки, предмета его гордости и нашей зависти, я согласился. Деловито скрутил громадную козью ножку, щедро сыпанул махры. Дед одобрительно покряхтывал:

– Так, так... Это по-нашему!

Первая же затяжка, по глупости глубокая, повергла меня на мгновение в ступор. Я застыл, взирая на мир сквозь выступившие слёзы. «А ближайшая больница в Упорове километрах в сорока. Не успеют довезти!» – мелькнула дикая мысль. Из развёрстного рта валил дым. Подошедший Генка быстро всё понял и бессердечно расхохотался:

– Извержение Везувия! Гибель Помпеи, – жизнерадостно комментировал он на всю улицу.

Подтянулись однокурсники. Сундуков отобрал у меня самокрутку, деловито загасил её, сурово бросил мне:

– Салага! Аж позеленел!

Сердобольные однокурсницы принесли из столовой воды. В общем, минут через десять я уже перестал думать о конце света. Правда, мутило жутко.

– Видать, партия не сказала: «Курить!» – задумчиво промолвил дед.

И весь день, пока мы лопатили зерно, махорка постоянно напоминала о себе. То вдруг приступом кашля, то тошнотным позывом, то кратковременной дурнотой. За обедом первые же ложки борща настоятельно попросились обратно. Я сбежал из-за стола, не желая портить аппетит соседям. Чёрт, ну почему мне так не везёт? Вот и в авиационный не поступил. И ведь все экзамены сдал на отлично и хорошо. Так нет, в первую очередь брали тех, у кого стаж. Или отслуживших. Таких, как Сундуков. Мрачное настроение грозило вылиться ненавистью на ни в чём не повинного старосту.

– Ну, теперь ты долго не закуришь, – сказал Генка, отыскав меня на задах столовки, куда я скрылся, чтобы не видеть деда. Да и чтоб вообще никого не видеть! – У меня такое тоже было. Правда, батя подстроил. Чтобы надолго отбить охоту. И пока не тянет.

На этот раз голос его звучал сочувственно.

Потянулись сентябрьские сельхоздни. Погода то баловала солнечными деньками, то накрывала низкими тучами. Незменными оставались лишь план по зернопогрузкам, трубный подъёмный голос Сундукова да каждодневно вопрошающий дед Матвей:

– Так как там партия сказала?

И особо спрятаться от его вопроса было негде. Ну не оббегать же каждый раз деревню по задам? И я терпеливо отвечал, как надоевший урок:

– Партия сказала «Надо!».

– А комсомол-то, комсомол? – делал вид собеседник, что забыл.

– Ответил «Есть!» – бодрился я.

– Вот это по-нашему! – одобрял дед Матвей.

Слава богу, махорки не предлагал.

Намаявшись за день с лопатами и мешками, мы с трудом добредали до столовой. Казалось, только поужинать, и камнем упадёшь в манящее душистое сено. Но ещё не холодный вечер с его ранними звёздами вдруг, словно целящей ладонью, снимал усталость. Тянуло на улицу, шутить, смеяться, петь песни.

Мы брали гитару и, оставив усталость сеновалу, шли по деревне. Местные парни сначала, как и положено, встретили нас настороженно. Понятно, городские, мол, сейчас выпендриваться будут. Но после пары мелких стычек, закончившихся дружным распитием деревенского самогона, мы объединились во круг гитары и вечерних песен.

В один из таких вечеров, когда мы уже отправились на ночлег, я отошёл от ребят в кусты. Темень, только редкие звёзды сквозь разрывы плотных облаков. Сделав пару шагов, я... полетел. И не в кювет, как поначалу подумалось. Глубже.

Приземлился на бок. После чувствительного соприкосновения с землёй-матушкой, не сразу понял, где я и что со мной. Пошевелиться поначалу не смог, крепко застряв в капкане, об-

разованном, как я определил, неуклюжим ощупыванием вокруг, отвесной стеной ямы и каким-то деревянным столбом. Сверху продолжала осыпаться какая-то труха. Пришла беда – отворяй ворота!

Я вывернул шею и посмотрел вверх. Звёзды виднелись чётче. Я и с детства знал, что из колодца ночные светила видны и днём. Неужели заброшенный колодец?! И как же я отсюда вылезать буду?

Невольно усмехнулся: страстное желание связать свою жизнь с авиацией, с полётами реализовалось способом весьма экзотическим. Но то был смех сквозь слёзы.

Сверху и издалека донёсся голос Генки:

– Юрка-а! Где застрял? Расстройство, что ли?

Парни загоготали. Смешно им, так и этак. Даже отзываться не хотелось. Но не торчат же здесь всю ночь!

Кое-как, извиваясь ужом, выбрался из капкана, поднялся. Вытянув руки, не смог дотянуться до края провала.

– Генка! – заорал я. – Здесь я!

– Где? – после секундной паузы отозвался приятель. Голос его звучал ближе.

– Здесь! Иди на звук! Только осторожнее, здесь какая-то яма!

Слабый свет приближался к краю. На меня посыпался мусор, комки земли.

– Да аккуратнее вы! – сделал я шаг назад, упираясь спиной в столб.

Неверное пламя сундуковской зажигалки показалось над головой, метрах в полутора. Староста присвистнул:

– Эх же тебя угораздило! Не покалечился?

– Вроде нормально.

– Ну, тогда с мягкой посадкой, авиатор! – не удержался Генка.

– Да иди ты! – огрызнулся я.

– Ладно. Тихо всем! – распорядился Сундуков. – Генка, остаёшься здесь. Для моральной поддержки. Остальные – на сеновал, я там лестницу видел.

Утром мы с Генкой в первую очередь сбегали к проклятой яме. И меня аж пот прошиб.

– Ничего себе! – ахнул Генка. – А ты ещё носишь, что тебе не везёт!

Внизу из середины ямы торчал толстый заострённый кол! Выкопанное непонятно зачем сооружение давно забросили, его закидало свеху листьями, ветками, прочим мусором. Вот мы её днём и не видели.

Дед Матвей уже был в курсе ночного происшествия:

– Или партия сказала «Летать!», а комсомол ответил «Есть!»?

Вот же ядовитый дедок, подумал я. Прямо как его махорка!

Но в последний день нашего пребывания в деревне распрощались мы с ним тепло. Как и с местными ребятами и девочками. Ей богу, даже жалко было уезжать...

А по прибытии в город пришлось нам расстаться и с Генкой. Первокурсников расселили по разным общежитиям. По другим корпусам разъехались Серёга Пospelов, Валя Гаврилов, Витя Попов. И даже Сундуков!

Я же оказался в комнате с семьёю пятикурсниками! Смотрел я на них примерно так: дяденька, достань воробушка. А им и было-то едва за двадцать. Мне же они казались матёрыми мужиками. Но отнеслись они ко мне вполне доброжелательно, без всяких

сундуковских «салаг». Да и заняты они были постоянно своими уже довольно взрослыми делами.

Оказавшись в одиночестве, без друзей, я вновь загоревал об авиационном. Нет, конечно, с ребятами мы встречались на лекциях. Но ходить я на них стал всё реже. Иногда просто гулял по городу и устраивал допрос самому себе.

Ну и что ты тут делаешь? Ведь зря только время тратишь. Самый простой способ попасть в авиационный – пойти в армию, отслужить, а потом примут как миленького! А как же родители? А что родители? Я не собираюсь у них на шее сидеть – пойду служить!

И эти мысли крепили день ото дня, обретая всё новые и, как мне казалось, всё более весомые аргументы. Да я уже видел себя студентом авиационного. Ровно через два армейских года. И мешал мне осуществить мечту лишь этот ненавистный институт! Да в гробу я его видел! Решимость зрела ежедневно...

– А сдаётся мне, хлопец, что ты захандрил, – сказал мне как-то утром сосед, пятикурсник Игрунов. – Да и в институт всё реже заглядываешь. Как прикажешь понимать?

Хм... Мне-то казалось, что они мало обращают на меня внимания.

– Да знаешь, Игорёк, не по мне это. Хочу в другой институт. Я уже решил.

– В авиационный? – неожиданно подтвердил он.

– Ну да... – растерялся я.

– Ну вот что, – он поднялся с кровати, застёгивая рубашку на мускулистой груди. – Сейчас я бегу. А вечером поговорим.

Он серьёзно посмотрел на меня, погрозил пальцем и ушёл.

И вся моя железобетонная позиция как-то на глазах стала осыпаться.

А вечером трое соседей устроили мне, что называется, разбор полётов.

– Для начала пойми, – открыл заседание Игрунов, – что ты не первый и не последний оказываешься в такой ситуации, что выбор института кажется тебе ошибочным. И мы на таких бедолаг здесь насмотрелись, уж поверь.

Он посмотрел на сокурсников, те дружно кивнули.

– Ты хочешь учиться в авиационном, правильно? Кто же тебе мешает, отучившись курс здесь или два, потом перевестись туда, куда хочешь? Ведь всё равно предметы, которые проходят на первых курсах, во всех вузах практически одни и те же. А перевод в другой вуз – дело вполне реальное. Многие так поступали. Чего ты огород-то городишь с армией?

Мою попытку что-то ответить пресёк второй выступающий, Миша Королёв, или, как его все звали, Камчатка, откуда он прибыл:

– Я сам поступал после армии. Да, вроде бы преимущество, служба засчитывается как производственный стаж. Но легче ли мне было поступать? Ой, не факт. Ведь за два года я почти всё забыл. Это только кажется, что будешь в армии учебники штудировать. Казарма – не библиотека. А строевые занятия на плацу – не лекционная аудитория. Первый год службы единственное, чего ты будешь хотеть, – есть и спать. Спать, хотя бы прислонившись к стене!

– А о родителях ты подумал? – резко вмешался Сергей Беложёров, чемпион института по лыжам. Он даже вскочил с кроватки.

ти и заходил по нашей тесной комнате. – Ты думаешь, в армию ушёл, мол, на шее у них не сидишь и всё, да? Вот такая большая радость вам, папа и мама? Так ты думаешь? На рубли, что ли, отношение родителей к себе меряешь? А как им в глаза соседям смотреть? В чём это измерять? Сейчас-то они рады и горды – как же: сын в большом городе, в институте учится... А ты вернёшься, в какой сундук им свою радость прятать?

Этот артобстрел с трёх сторон продолжался часа два. Отбиваться от трёх учёных и умудрённых опытом мужиков я оказался просто не в состоянии. Слишком не равны были силы. Да и внутренне понимал я, что правы они. А я просто смалодушничал, надумал все свои проблемы одним махом решить. Просто сбежав от них. Да, да, сбежав!

– В общем, так, – подвёл итог Игрунов. – Сейчас отбой, а завтра мы с тобой идём в деканат. И ты там дашь слово, что все хвосты подтянешь.

– Да я же столько пропустил! – взмолился я. – Да не сдам же!

– Сдашь! – жёстко сказал Белозёров. – Партия сказала «Надо!», комсомол ответил «Есть!».

Я чуть не подавился.

– Откуда?... Почему ты это сказал?

– Потому что я кандидат в члены партии, – пожал широкими плечами Белозёров. – А ты – комсомолец, так?

– Так, – сказал я. – Именно так.

А уснул лишь под утро, прокручивая, как магнитофонную плёнку, вечерний разговор.

Разговор в деканате получился долгим и тяжёлым. Но разрешение на сессию мне выдали. Я бегал по ребятам-однокурс-

никам, собирал конспекты, просиживал над ними. Как заведённый, не замечая ни времени, ни усталости. Под ободряющие слова соседей по комнате и при их деятельной поддержке сдавал зачёты и лабораторные. А потом и экзамены: на три пятёрки и одну четвёрку.

– Вот теперь к родителям вернёшься как человек, которому не стыдно им в глаза посмотреть! – сказал Белозёров, крепко пожимая мне руку.

А ночью, перед отъездом домой на каникулы, снился мне дед Матвей. Он показывал рукой на яму со вбитым колом, оттуда поднимался сизый махорочный дым и лукаво вопрошал:

– Так что сказала партия?

– «Летать!» – уверенно отвечал я.

КУБИНСКИЙ ШТОРМ

«Ураган Кейт по интенсивности и размерам ущерба, причинённого о. Куба и побережью полуострова Флорида, оказался одним из самых свирепых за последние 50 лет; порывами ветра и набегаящими на берег океанскими волнами были разрушены многие тысячи домов, из зон бедствия пришлось эвакуировать более миллиона человек, были и человеческие жертвы».

Из газет

Сегодня до Кубы можно долететь напрямую. Из Москвы «Боинг» или Аэробус А-330 доставит вас в гостеприимную Гавану или прямо на сказочные пляжи Варадеро через какие-нибудь 12–13 часов.

В 70–80-х годах, страшно сказать, прошлого века наши аэрофлотовские «тушки», как кузнечики, вспархивали в Москве, приземлялись в Шенноне, взмывали над Ирландией и вновь приземлялись уже в канадском Гендере. И уже оттуда направляли полёт к Острову свободы.

Очередная туристическая группа, которую я вёз на Кубу, особых треволнений не вызывала. Да, молодые ребята с разных концов страны конечно же отличались многим друг от друга.

Но в целом производили впечатление надёжности. Но я знал, что расслабляться нельзя. Всегда найдётся кто-нибудь, пусть не намеренно, а просто по безалаберности, но способный выкинуть неожиданный фортель.

Перелёт до Шеннона прошёл нормально. А в Гендере, едва спустились по трапу, как один парень, из профсоюзных работников, вдруг со всех ног кинулся к турникету, перепрыгнул через него и заорал истошно:

– Прошу политического убежища!

Я рванул следом, попытался схватить его через турникет, но стоявший у ограждения полицейский решительно отстранил мою руку. Возникший как из-под земли сухощавый, но жилистый мужик в штатском негромко сказал по-русски с лёгким акцентом:

– Давайте не будем устраивать скандал.

– Верните его сейчас же! – решительно потребовал я.

– Зачем? Человек просит политического убежища. Имеет право. Мы сами с ним разберёмся.

А бежавший профсоюзник ещё раз выкрикнул:

– Прошу политического убежища!

Я обернулся. Наши стояли, застыв в немой сцене. Я посмотрел на Васильева. Наш негласный представитель КГБ посмотрел на часы и слегка пожал плечами. Нас ждал уже другой борт.

– Ну и что я мог сделать? – спросил я его в самолёте. Под крылом бескрайне синела Атлантика. Кажется, её штормило. Как и меня.

– Ничего, – бесстрастно сказал Васильев. – По прибытии в Гавану сообщите в посольство.

Я уставился в иллюминатор. Сообщить-то сообщу. Но отдых на солнечном острове уже не казался таким безмятежным. Чёрт бы побрал этого профсоюзника. И как я его не разглядел, не прочувствовал?! Ещё этот штатский как по заказу. Где-то я его видел... А! Да ведь он как брат-близнец Эрика...

Мне вспомнилась моя первая группа. Та поездка вообще стояла особняком. Впервые комсомольцы Страны Советов официально прибывали в Германию. И не в ГДР, что представлялось случаем достаточно обыденным. А в самую что ни на есть ФРГ. В Западную, то бишь Германию, к буржуям, капиталистам и прочей классово чуждой нам компании. В общем, не ёжик начхал. Наши ребята, весело гомонившие на борту родного Аэрофлота, сразу притихли, когда нас высадили во Франкфурте-на-Майне и автобусом повезли в Мюнхен. Всё, начиная от автобуса и его водителя и до видов из окна, просто пугало своей чистотой, какой-то прилизанностью. И то сказать, немцы есть немцы. А разве это что-то объясняет, спросил я сам себя. Ну почему у нас нет такой чистоты? Ну, у нас проблем больше. Это почему же у вас их больше? Так какую войну пережили. Но война-то и была как раз с ними. И досталось им, если честно, тоже будь здоров. А они вон, цветут и пахнут. Да? А ты пооди, обустрой такие пространства, как у нас! Да от отчаяния руки опустишь, если на себя не наложишь. Им проще... Так по дороге проводил я политбеседу с самим собой, но всё равно обида за нашу великую страну оставалась: когда же мы всё обустроим по-человечески?

Немцы прикрепили к нашей группе двух экскурсоводов: девушку Иннар и того самого Эрика, молодого мужика. Сухощавого и жилистого. Говорившего по-русски с лёгким акцентом. Я-то

знал, что помимо своих прямых по отношению к нам обязанностей, есть у них и другие. И они тоже знали, что я догадываюсь об их истинных намерениях. Но тем не менее они радостно объявили, что сегодня мы размещаемся в отеле, а завтра нас ждёт удивительная поездка в горы: сказочные виды, пиво, шашлыки, интересные собеседники. Вас принимает немецкая семья и их гости! В общем, дружеское застолье, дружба-фройндшафт.

Всё оказалось почти так, как они и обещали. Пропетляв по горному серпантину с видами заснеженных вершин, автобус привёз нас к опрятному, изящному, как с рекламного проспекта, коттеджу. Во дворе стояли столики, окружая бочку, дымилась мангалы. Бочка оказалась с пивом. А жареное на решётках мясо, как нам пояснили, не шашлыки, а барбекю.

Когда нас рассадили за столики, что-то меня напрягло. Что-то не так было в окружающих нас немцах. «Интересные собеседники» сплошь оказались мужиками почтенного возраста. Многие с палочками, а то и костылями. Тут я и понял, что меня напрягло. «Ветераны Второй мировой!» – сообразил я. И вряд ли они воевали на Западном фронте. Попали комсомольцы на передовую!

Я оказался за столиком с бравым герром Михаэлем Краузе и Валюшкой, молоденькой ткачихой из Смоленска.

– О! Из Смоленска? Колоссаль! – на ломаном русском восхитился герр Краузе, молодцевато вскидывая породистую голову с плотным ёжиком серебристых волос. – Я здорово воевать вас, русских, в Смоленск.

Эта тема мне сразу не понравилась. Я попытался увести старого вояку к другим проблемам:

– Хорошо у вас тут, красиво.

– О да. У нас красиво. У вас не красиво. И воевать вы не красиво. Моя нога, – не унимался воинственный тевтонец, демонстрируя массивную палку тёмного дерева с резным набалдашником, – ранен осколком ваша подлая «катюша». Вы воевать как свиньи! – вдруг резко выкрикнул он. – Но я хорошо бить вас, свиней, в Смоленск.

И он уставился прямо в лицо застывшей Валюшке. Я не успел ничего сказать. Над столом взлетела кружка, и всё её пенное содержимое разлетелось по холёной физиономии герра Краузе.

– Валюшка, да ты что?! – прошипел я, с ужасом ожидая последствий. Пена образовала нечто вроде шкиперской бородки на лице нашего собутельника.

– А ничего, – громко сказала посреди повисшей во дворе тишины побелевшая Валентина. – У меня дед погиб под Смоленском. – И добавила: – Нас защищая, от этих вот...

У герра Краузе оказалась стальная выдержка. Он молча взял салфетку, вытер лицо, стряхнул капли с пиджака. Сохраняя внешнюю невозмутимость, надменно сказал:

– Я же говорить: вы, русские, всегда есть свиньи!

Тут уж я подумал: в пятак ему, что ли, засветить? Отставить, приказал я сам себе.

– Ребята, перекурить надо, – сказал я своим, взмахом руки призывая их из-за столов.

Когда они собрались у нашего столика, уже освобождённого от присутствия герра Краузе, я горячо попросил:

– Ребята, держитесь. И руки не распускайте.

И по их глазам я видел, что прозвучавшее из моих уст пре-

дупреждение явно не лишнее. Видимо, и за другими столами беседы шли не о вышивании крестиком. Впрочем, дружеское застолье и дружба-фройндшафт оказались уже безнадежно испорчены. Мы быстренько загрузились в автобус и в мрачном молчании поехали в отель.

Лишь у гостиничных ворот Эрик взял микрофон и сообщил, что хотел бы загладить этот неприятный инцидент, и на следующее утро предложил нам пройтись по магазинам, «отвлечься от этой чёртовой политики». Так и сказал.

Хотя поход по магазинам для нашего брата скорее означал экскурсию, поскольку валюты меняли очень немного.

Но «чёртова политика» настигла нас и среди безукоризненно вышколенных продавщиц роскошного мюнхенского бутика. Неприятность свалилась на нас в виде бухгалтерши из Саратова, той самой свистушки, как я её прозвал, Люськи Серовой, с которой всю дорогу было что-то не так. Ну бывают же такие создания, что все приключения сыплются именно на их... гм... голову. Ну видит бог, не хотел я её брать в свою группу. Ещё в Москве она заморочила мне голову дурацкими расспросами о том, можно ли из ФРГ ненадолго выбраться во Францию, потому что она, Люська Серова, без ума от Парижа, и если она, Люська Серова, расскажет подружкам по саратовской бухгалтерии, что она была в Париже, то они, подружки, умрут от зависти, потому что только одна из них, Райка Белоусова, и была за границей и то в Болгарии...

– Ребята, – взмолился я в бюро «Спутник», – помилосердствуйте, заберите от меня Люську!

– Юрка, старик, – взмолились они в ответ, – если ты её не

возьмёшь, никто не возьмёт! А за неё просили, ты же понимаешь. Пожалей ты её, дурочку..

Пожалел. На свою голову. И ведь постоянно держал её в поле зрения. Но всё же на какой-то момент, видимо, отвлёкся. Да и ведь не одна же она у меня! А ей и секундного ослабления моей концентрации оказалось достаточно! Или кому-то другому, кто тоже понял, что собой представляет саратовская бухгалтерша. На выходе из магазина, когда я мысленно уже поздравлял себя, что всё обошлось, громила-охранник вдруг из всей нашей толпы безошибочно вычислил именно Люську и настоятельно попросил её открыть сумочку.

– Но у меня там ничего нет! – всполошилась дурёха. – Вот, только сувенир! Я заплатила.

– Битте, фройляйн, – неумолимо повторял охранник.

И та открыла сумочку. И достала сувенир – какую-то дурацкую кружку. А под ней из сумочки что-то сверкнуло. Кулон. Судя по всему, золотой. Ах ты, семь-восемь!

– Это не моё, – закудаhtала несчастная Люська, тут же распуская нюни. А вместе с ними и обильную краску с глаз.

Но жалеть её времени не было. Естественно, тут же возникли полицейские, шум-гам, ах, эти русские, протокол, засверкали фотовспышки и т. д.

– Вот что, ребята, – сказал я своим мужикам. – Берите-ка её в плотное кольцо и никому ни под каким видом не отдавайте. Можете даже руки распускать.

Мужики выстроили вокруг зарёванной Люски подобие Брестской крепости. А я насел на полицейских, требуя немедленно приезда представителей посольства или консульства.

Полицейские не очень слушали меня, всерьёз настроенные забрать эту фройляйн Люську Золотую Ручку в участок и устроить нешуточный скандал с конкретными обвинениями. Мужики мои из группы тоже отступить не собирались. В воздухе отчётливо запахло отголосками битвы на Чудском озере.

Но ожидаемую свалку внезапно прекратил Эрик. Всё это время безучастно наблюдавший за происходящим, он вдруг решительно вклинился между противоборствующими сторонами.

– Айн момент! Это недоразумение! Это сюрприз! Это шутка! – выкрикивал он, успокаивающе поднимая руки и призывая оппонентов к сдержанности. – Это я подарил фройляйн Люся.

– Как – шутка? – не понял я. – Как подарил? Чего ты несёшь? А почему же он у неё в сумочке?

И тут Эрик в уже более спокойной обстановке поведал, обращаясь скорее к нам, чем к полицейским, что заметил, с каким интересом фройляйн Люся разглядывает кулон и решил подарить ей. Сделав сюрприз – незаметно подложив в сумочку. Чтобы веселее было.

– Ну и шутки у тебя, – сказал я. – Веселее некуда.

Я облегчённо выдохнул. Полицейские как-то незаметно ретировались. Приехавший представитель нашего консульства лишь констатировал лёгкое недоразумение.

А вот произошедшее в Гендере к разряду лёгких недоразумений отнесено быть не может. Это я понимал отчётливо.

Нет, к недоразумениям с иностранцами я был готов. И не зарубежье меня вышколило. А родная сторона. Фестиваль молодёжи и студентов в Москве призвал меня под свои знамёна руководителем «секции № 11». В неё входили ребята и девчата из

разных стран. В общем, зарубежная молодёжь. И в первый день мы с ними общались вполне мирно, даже обнимались.

А ночью в дверь моего номера гостиницы Высшей комсомольской школы настойчиво забарабанили.

– Юрий Васильич, вставай!

– Да что случилось-то?

Но шофёр дежурной машины ничего толком объяснить не мог, только смущённо хихикал.

По ночной Москве мы быстро домчались до гостиницы «Космос». Я влетел в вестибюль, огляделся и... на несколько мгновений опешил. В правом крыле вестибюля, у газетных киосков стояла моя «секция № 11» в полном составе. Но до крайности неузнаваемая. Поскольку из одежды на них, то есть на представителях обоих полов, присутствовали только плакаты. И те они держали в руках, особо себя не прикрывая. Рядом с ними стояли два сконфуженных милиционера и какая-то ошарашенная дама, видимо, представитель гостиницы. Я поначалу решил, что произошло массовое ограбление, и уже лихорадочно прикидывал, к кому обращаться, как извиняться... Но подойдя поближе, разглядел плакаты, а затем и услышал отчётливое:

– Мы протестуем!

Обслуживание им, что ли, наше не понравилось?

– Что им не так? – спросил я у гостиничной дамы.

– Им-то всё так! – злобно сверкнула она очками на заграничные телеса. – А не так у нашей молодёжи, у которой, по их мнению, нет никаких свобод. И опять же, по их мнению, – подчеркнула она, – наша молодёжь нуждается в их протестах. Вот в таком вот виде!

И она возмущённо махнула рукой в сторону «секции № 11».

– Рихард, – поманил я к себе высокого тощего австрийца, с которым мы вчера особенно душевно общались на темы молодёжных движений.

Откинув длинные пряди светлых волос со лба, он гордо выступил вперёд, неся перед собой рукотворный плакатик с единственным словом «Pozor!» как знамя борьбы за вселенскую справедливость.

– Рихард, – сказал я, – вы вообще соображаете, что творите?

Он оглянулся на подельников и твёрдо повторил:

– Позор!

– Позор – это то, чем вы сейчас занимаетесь, – как можно спокойнее сказал я. – Сейчас же прекращайте.

– Свободу советской молодёжи! И немедленно пригласите прессу! – фальцетом прокричал он.

– Свободу! Прессу! – поддержала его толпа голышей.

– Через минуту не прекратите – свобода понадобится тебе и твоим товарищам, – всё так же спокойно сказал я. И пояснил: – По нашим законам вы ведёте себя недопустимо. И последствия для тебя могут быть очень нехорошие. Ты станешь просто невъездным. Подумай – жизнь не кончилась. Хочешь так протестовать – сколько угодно. Но только у себя на родине. А сейчас...

Я подозвал милиционеров:

– Вызывайте перевозку, – громко попросил я. – Всю эту гопкомпанию отправим в тюрьму. Да, именно в тюрьму! – ещё громче повторил я.

Такой поворот в развитии сценария «секцией № 11», види-

мо, не рассматривался, что привело в лёгкое смятение протестующих. Им-то ярко представлялось, как они среди фотовспышек, протянутых к ним микрофонов и диктофонов дают бойкие интервью об отсутствии свобод у советской молодёжи. А вот перспектива оказаться в тюрьме и при этом даже краем уха прессой не услышанными выглядела весьма непривлекательно. К тому же они ещё вдобавок и замёрзли стоять в вестибюле. Мурашки наблюдались отчётливо.

– А в Сибири ещё холоднее, – добавил я для убедительности.

Упоминание о легендарном крае их доконало.

– Siberia! – ужасом прошелестело по их рядам.

И они мгновенно ретировались.

– Им-то чего спокойно не живётся? – покачал головой пожилой сержант, взглядом знатока оценивая круглые попки скрывающихся в лифте демонстранток.

В общем, недоразумение оказалось несерьёзным. Не шторм, так лёгкая зыбь, думалось мне у иллюминатора. В ЦК комсомола меня даже похвалили: быстро, мол, снял проблему...

А самолёт уже заходил на посадку, разворачиваясь вдоль береговой линии. И впереди нас ждали солнечные дни и пляжи, тёплые встречи с горячими кубинскими ребятами. Так мне представлялось.

Да так оно и происходило целых три дня. А следующей ночью я проснулся мокрым. И не от духоты. В широко распахнутое окно гостиничного номера потоком влетала вода, словно её вливали вёдрами – одно за другим. Занавеска взлетала к потолку, и мокрой рыбацкой сеткой норовила заловить меня в свои объятия. Я вскочил с кровати и оказался по щиколотку в воде. За ок-

ном душераздирающе ревел ветер. Даже в сумерках было видно, как в воздухе пролетают листья, ветки...

Я пробежался по третьему этажу и всех наших попросил собраться в вестибюле.

– Главное – документы не забудьте!

Потом мы сидели в тёмном вестибюле и выслушивали лекцию Славика, аспиранта из МГУ:

– Слово «циклон» имеет греческое происхождение: оно означает «кольцо змеи». Тем самым подчёркивается круговое вращение воздуха в циклоне. А слова «ураган» и «тайфун» на языках аборигенов островов Карибского моря и Центральной Америки и соответственно жителей Юго-Восточной Азии означают «сильный ветер». То есть явление, особенно характерное для этих огромных вихрей тропических стран.

Я его не перебивал. В сложившейся ситуации размеренная речь Славика вносила хоть какой-то элемент спокойствия. Мы толком не знали, что делать. Ни света, ни связи. За окнами светопреставление. Работники гостиницы только руками разводят: ураган Кейт!

Какие могут быть шутки со стихией, я знал не понаслышке. Буквально накануне нашей поездки на Кубу я возил группу по средиземноморскому круизу. На бывшем трофейном корабле «Адольф Гитлер». Поездка интересная, погода отличная. И вот конечный пункт – Одесса. Нам предстояло переночевать здесь и разъезжаться по домам. А нам предложили: утром наш корабль пойдёт в Новороссийск. Оттуда удобнее уехать. Не могу объяснить, но мне этот план почему-то не понравился. Собрал группу, сказал: никто не разъезжается, ночуем здесь, я пока разберусь, у

кого куда какие билеты. А утром наш корабль, как и намечено, отходит из Одессы. И в него врежется сухогруз. Триста человек утонули. Не подвела меня интуиция. Когда моя группа увидела это по телевизору, они здорово прибалдели. А называлось то судно «Адмирал Нахимов»...

– Итак, – продолжал Славик, – тайфуны обычно называют человеческими именами. Вначале это были только женские имена, теперь, когда женских стало не хватать, в ход пошли мужские. А традиция эта возникла в начале 40-х годов нашего столетия. Поначалу это была неофициальная терминология у метеорологов ВВС и ВМС США. Они её применяли для удобства обмена информацией об ураганах, обнаруживаемых на картах погоды, и облегчения передачи такой информации при прослеживании движения ураганов. Короткие имена помогали избежать путаницы и сокращали текст радио- и телеграфных передач. В последующем присвоение ураганам женских имён вошло в систему и распространилось на другие тропические циклоны. На тихоокеанские тайфуны, штормы Индийского океана, Тиморского моря и северо-западного побережья Австралии. Пришлось упорядочить и самую процедуру присвоения имён. Так, первый ураган года стали называть женским именем, начинающимся с первой буквы алфавита, второй – со второй и так далее. Имена выбирались краткие, которые легко произносятся и легко запоминаются. Для тайфунов существовал список из 84 женских имён. С 1979 года тропическим циклонам начали присваивать и мужские имена...

Размеренную лекционную речь Славика прервал шум моторов. Вестибюль прорезали яркие лучи фар. Что-то всё-таки на улицах происходило, помимо буйства стихии.

У входа застучали каблуки башмаков и в вестибюль влетела орава бородатых крепких парней в камуфляжной форме и с нашими «калашами» в руках. Господи, это ещё что такое!

Парни образовали коридор. И по нему в вестибюль энергично проследовал... Фидель Кастро! Сам легендарный Фидель быстро подошёл к нам, цепким взглядом оглядел замершую от невероятного зрелища нашу делегацию, отдельно осмотрел застывшего с полуоткрытым ртом Славика, удовлетворённо кивнул. Что-то коротко спросил у подскочившего к плечу охранника. Тот перевёл:

– Товарищ Фидель интересуется, как у вас дела. Не нужна ли какая помощь? Никто не пострадал?

– Нет, всё нормально, – тут же ответил я. – Передайте товарищу Фиделю спасибо, что поинтересовался.

Видение исчезло столь же стремительно, как и появилось. А может, нам всё показалось посреди этой inferнальной стихии?

Подошедший работник гостиницы пояснил, что наш отель – самый престижный на побережье и конечно же товарищ Фидель не мог не посетить его. И работникам гостиницы товарищем Фиделем предложено сделать всё возможное для благоустройства гостей...

Значит, мы действительно видели его!

В последующие дни наш быт действительно наладили. Но время, отпущенное нашей делегации на пребывание здесь, увы, истекло. А мы не могли вылететь на родину – авиатранспортное сообщение с Островом свободы было категорически прервано безжалостной Кейт. По сути, мы жили уже в долг. И отработы-

вали его как могли: вместе со всеми кубинцами выходили на расчистку улиц, обрезали сломанные ветки пальм, распиливали и растаскивали упавшие стволы, убирали мусор... Никто не скулил, выходили дружно, как на субботник. Взамен нам предоставляли бесплатное жильё в той же гостинице, обеспечивали горячей пищей.

Не дремало и наше посольство, улаживая различные формальности. И практически первым же возможным рейсом нас отправили домой. Прощались с кубинцами тепло, со многими сдружились за время «субботников».

Удивительный остров оставался за бортом самолёта. Когда под крылом лайнера вновь засинела Атлантика, непрошенные мрачные мысли, всю дорогу отгоняемые, вернулись.

Подведём итог, размышлял я. Итог оказывался неутешительным: сбежавший в Гендере профсоюзник и опоздание группы на несколько дней. Такие дела. И за них меня по головке вряд ли погладят. И, как говорится, прощай, свободная стихия...

Мне вспомнилось лицо Хуана, руководителя нашей группы, совершавшей круиз по Амазонке. Да, в тот раз я входил в группу как рядовой турист, чем был очень доволен. Хорошо, никакой ответственности, думал я, глядя на мечущегося Хуана.

– Ради бога, – умолял он, – только не опускайте в воду руки или ноги.

Я смотрел на бескрайние мутно-жёлтые воды Амазонки и живо представлял себе, как в её глубинах поджидают нас свирепые легендарные пираньи... Стоит только за борт опустить конечность, как в мгновение ока обглодают до кости... Бр-р!

Я даже с каким-то облегчением сошёл тогда на берег прогуляться по песочку. Земля – дело более надёжное.

– Миссис Дженкинс, – продолжал хлопотать Хуан, – прошу вас, что вы делаете?!

Надменная сухопарая американка средних лет, вся в каких-то блестящих побрякушках, своенравно вздёрнула голову в крашенных светлых кудёрышках и, решительно усевшись на деревянные мостки, опустила ноги в воду. На лице её, полуприкрытом огромными солнцезащитными очками, явно проступило блаженство. В общем-то понятно: духота невыносимая.

– Миссис Дженкинс!

И тут у мостков вскипел бурун, что-то мелькнуло в воздухе, и миссис Дженкинс, теряя очки, по замысловатой дуге ушла в воду.

Больше мы её не видели.

И никто не видел. Приезжали потом во множестве джипы и катера, забрасывались сети. Помимо пираний тут ещё в изрядном количестве водились и крокодилы.

Так вот лицо смуглого от природы Хуана в те минуты побелело, как зимние поля моей родины...

...Я оторвался от иллюминатора. Кто-то склонился над моим креслом. Я поднял голову.

– Ты всё сделал правильно, – бесстрастно сказал Васильев. – Шторм тебя не заденет.

И ушёл на своё место.

Я отвернулся к иллюминатору. Сглотнул комок. Вот же поддержка у парня!

ТУНДРА СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

— З

наешь, что такое куропашкин чум? – проорал Витёк, стараясь перекрыть вой ветра.

– Какой чум?

Я повернулся к нему, и тут же снежный заряд старательно и заботливо облепил мою физиономию крупными липкими хлопьями.

– Куропашкин, – повторил он, наклоняясь к самому уху моему.

– Не, – помотал я головой, утираясь.

– Ненцы так ночуют в пути, если буран застал. В сугроб заезают. Нырют, как куропатки. – И как заворг нашего райкома, то есть человек увлекающийся, во всю глотку перешёл к истории вопроса: – Нет, вообще-то нормальный ненец устроится среди оленей. С ними, понятно, теплее.

Этот вариант меня больше устраивал, чем неведомый куропашкин чум. Я с надеждой посмотрел на нашу упряжку. Все четверо оленей ещё стояли, отдуваясь после езды по сугробам.

Витёк перехватил мой взгляд.

– И не надейся, – прокомментировал он. – Они чужака среди себя не потерпят. Так что остаётся куропашкин чум. А вообще зря мы поехали. Может, завтра повернём домой?

– Ни в коем случае. Кто же за нас стойбища объезжать будет?

– Как скажешь. Значит, остаётся куропашкин чум.

Дался ему этот чум! Однако дело шло к вечеру, а непогода, судя по всему, только входила во вкус. Давно уже небо смешалось с землёй, и в этой мешанине мы находились уже часа три. И люди, и животные давно выбились из сил.

– Ну что, готов освоить новаторский метод? Где твоя активная жизненная позиция, комсомол?

Вот же запас жизнелюбия у человека, внутренне позавидовал я.

– Ну, показывай, – без энтузиазма поинтересовался я.

– Смотри, повторять уже не смогу. Подходишь к сугробу. – Он спиной подобрался к свеженанесённому холмику. – Руки делаешь вот так. – Он выставил одну руку перед собой локтем вперёд, другую прижал к груди. И как куропатка в сугроб – бац!

И он спиной стремительно опрокинулся в сугроб. Только ноги мелькнули. А вскоре и их занесло. Был заворг Виктор Залуцкий, и нет его.

А я остался один на один со стихией. И с оленями, которые тоже принялись укладываться, подбирая под себя ноги.

Я ещё минут двадцать посидел на нартах, слабо веря в происходящее. Исчезнувший Витёк, inferнальные непогоды, торчащие рогатые головы оленей...

Однако разошедшийся не на шутку ветер возвращал к действительности весьма требовательно. Становилось холоднее. Даже легендарная малица не спасала. Нет, температура воздуха, может, и не понижалась, но я, продуваемый безжалостно, всё явственнее ощущал потребность хоть в каком-то крове над голо-

вой. Да и с боков бы стены не помешали. Очень желательно с печкой посередине.

Почему это я им чужой, возмущённо подумал я, глядя на неподвижно лежащих оленях. Мы с ними уж который час вместе. Пуд соли, может, и не съели, но к тому дело идёт. А вообще давно пора своим транспортом обзаводиться.

Вон, когда пожар на Аксарку шёл, подняли весь комсомол, чтобы обежали всех жителей, вывели на улицу. Сообща с народом тогда все дома отстояли. Но это ж как нам пришлось побегать! А был бы транспорт, ещё бы быстрее управились!

Н-да, пожар... Костерок бы не помешал. Но как его и из чего тут разведёшь? Я вспомнил, что у народов севера есть такой вид спорта – прыганье через нарты. Говорят, мировой рекорд – тысяча нарт. Что ж, теперь понятно – запрыгаешь, когда стужа накроет...

Я покинул нарты и осторожно двинулся к нашим животным. Но при первой же моей попытке внедриться к ним в стаю и стать своим они, негодуяще фыркая, стали подниматься. И на их мордах отчётливо проступало: «Вот же гад какой! И сам не спит и другим не даёт!».

Я ещё минут десять побродил вокруг упряжки, надеясь сам, не зная на что. Однако холод доконал. Мысль одна, но чёткая, сурово погрозила пальцем: «Замёрзнешь, к чёрту, дурачок!».

Я подошёл к тому месту, где, по моим предположениям, уже с полчаса назад как должен был замёрзнуть неутомонный заворг. В сугробе явственно виднелось небольшое отверстие. И из него шёл парок, тут же сминаемый ветром!

Я наклонился к отверстию.

– Витёк, ты там как... живой?

В ответ ни звука.

– Витька! – заорал я так, что олени, было опять устроившиеся на ночлег, встревоженно подняли головы.

– Да ложись ты уже, – донёлся приглушённый подземный, но заметно раздражённый голос. – Вечно от тебя никому покоя! То собрания, то заседания... – и он ещё что-то ворчал, но всё глуше, видимо, засыпая.

Ах ты ж, семь на восемь!

Я отошёл на пару шагов от Витькиного лежбища, повернулся спиной к сугробу и, как матрос, уходящий в последнее плавание, ахнулся спиной в неизведанное.

Снег обложил меня со всех сторон, сразу сделалось неуютно лицу, захотелось смахнуть облепившее, но руки не так-то просто было выпростать. А вскоре надо мной обтаяло, образовался над физиономией некий купол с отверстием от дыхания... И самое главное, становилось всё теплее! А может быть, я просто замерзаю, подумалось почему-то без всякой тревоги. Ну да и ладно, лишь бы тепло...

Проснулся я от того, что занемевшее тело потребовало перемен. Но пошевелиться я не мог. Перед глазами маячил светлый снежный купол с отверстием посередине. Куропашкин чум! И никаких признаков холода. Я энергично задвигался подобно крепко спеленатому младенцу. Младенцы в таких случаях ещё и орут. Я и заорал:

– Витёк! Витька!

Сверху наплыла тень.

– Ага! И у лягушки бывает простуда! – послышался голос заворга, чему я был несказанно рад.

Через пару минут он извлёк меня на свет божий, разительно переменившийся за ночь к лучшему. Вьюга улеглась. Ветерок налетал, но так, факультативно, без особого ущерба для здоровья и благостного мировосприятия. Олени уже стояли, поглядывая на нас укоризненно: мол, ехать пора, сколько можно прохладиться?

– Я же тебе показывал, как руки делать, – назидательно комментировал Витёк моё возвращение в боевой строй. – Одну руку вот так локтем выставляешь, чтобы, когда проснёшься, пробить наст. Теперь запомнил?

– Запомнил! – завопил я, обнимая его за пояс и поднимая. – Своим транспортом надо обзаводиться!

С этой крепко засевшей мыслью я через два дня направился в райком партии.

Во дворе райкома стоял Николай Яковлевич. Николай Яковлевич Будылдин пребывал в превосходнейшем состоянии духа. К такому состоянию первого секретаря райкома приводило лицемерие новенького вездехода УАЗ-469.

– А, здорово, комсомол, – мельком глянув на меня, сказал он, возвращая лучезарный взор к симпатичному продукту отечественного автопрома. – А? Хорош? – вопрошал он. И сам себе отвечал: – Хорош!

Такое настроение партийного вожака райкома упускать было никак нельзя.

– Ещё как хорош! – поддержал я. – Вот и я о том же, Николай Яковлевич. Может, теперь отдадите нам старенький уазик? А то как побирушки – то оленей клянчим у ненцев, то вездеход у газиков, то вертолёт у нефтяников. А район-то, сами знаете, –

не маленький. Помотайся тут. Сами же и спрашиваете с нас работу. А как её делать?

– Работу делать надо – это точно, – продолжал благодушествовать Будылдин. – Только вот что, ребята, пулемёт я вам не дам.

– Но...

– И не просите. А Залуцкому передай, пусть зря воду не мутит.

Витёк и в самом деле с утра примчался в райком и всех взбудоражил вестью о том, что райком партии получил новую машину.

– А? Юрк? Представляешь, сколько дел можно понаделать на уазике?

Но его восторженная физиономия говорила о том, что больше его привлекает возможность покрасоваться за рулём почти что личного автомобиля.

– Нет, ребята, уазик я вам не дам, – повторил Будылдин и улыбнулся, вновь вспомнив фразу из знаменитого фильма. – Вот именно, что он старенький. За ним уход нужен. А вы только гонять его горазды. А отремонтировать всё равно нам придётся.

– Да нет, мы сами, – попытался уговорить его я, уже понимая, что надежда обзавестись собственным автопарком становится всё более призрачной.

– Ну а коли сами с усами, – сказал Будылдин, – есть у меня для вас транспортное средство. Так и быть. Только уговор – всё действительно сами. Холить и лелеять и пылинки сдувать.

– Да мы... – чуть не задохнулся я от радости, вновь обретая потерянную было надежду.

– Ну, тогда пошли.

Он подчёркнуто вежливо обошёл узик, почтительно похлопав запаску на задней двери, и двинулся к хозяйственным постройкам.

– Вот, – сказал он, открывая широкие двери. – Теперь он ваш.

Собственно, я сразу догадался, как только он подошёл к дверям. И теперь мы оба лицеизрели нашу «транспортную единицу».

– Конь Серко, – деловито продолжал Будылдин. – Мерин гнедой масти, пяти лет от роду. Здоров, неприхотлив, работающ. Теперь вы за него отвечаете. Забирай и не благодари. Но ежели он пожалуется на плохой уход, спросим по всей строгости.

Конь Серко кивнул и потянулся ко мне губами.

– А что? И возьмём, – вдохновился я. – И уход обеспечим не хуже вашего.

– А стайка у вас тёплая для него есть? А корма? – опустил меня на землю Будылдин.

– Ммм... Придумаем, – почесал я в затылке.

– Думай, комсомол. Только быстрее. Пока я не передумал.

Когда я вошёл во двор райкома комсомола, ведя под уздцы послушно шагавшего за мной Серко, на крыльце увидел девчужку в малице. Молоденькая ненка сидела на ступенях и всхлипывала.

– Ну и кто тебя обидел, красавица?

Ненка подняла к нам заплаканное лицо.

– Лошадка, – сказала она. – Никто. Я сама.

– Сама себя обидела? Это зачем же?

– Так получилось. Не успела собрать членские взносы с двух стойбищ – они уже далеко откочевали. Мне до них не добраться.

– Ну ты даёшь! – восхитился я. – Всем бы так относиться к своему делу. Так что прекращай зря рыдать. Лично я за тебя от души рад.

Тут на крыльцо высыпали все наши. Посыпались комментарии:

– Ух ты, конь-огонь!

– Зверь бежит – земля дрожит, упадёт – три дня лежит!

А кто-то даже затянул:

– «Не морозь меня-а-аа, моего коня-а...»

Собрание тут же, во дворе, получилось само собой.

– Вот такой расклад, братцы. Есть у нас теперь гужевое транспортное средство мощностью в одну лошадиную силу. Конь Серко. Отныне он полноценный член нашего коллектива.

Полноценный член довольно равнодушно осматривал гомонящую молодёжь.

– А потому наша обязанность обеспечить его крышей над головой и довольствием. И пока мы эти проблемы не решим, в отпуск никто не пойдёт. Пока трава есть – все на сенокос. Объявляется мобилизация. Предложения есть?

– Есть! – тут же поднял руку всезнающий Витёк. – На соседней улице дядя Саша живёт. Я его хорошо знаю. Мужик справный. У него и стайка тёплая есть. Человек в возрасте. Мы сенца для его коровы накосим, а он нам – место для нашего...

Он вздохнул, оглядев коня, и закончил:

– Однако, узик определённо был бы лучше.

Дядя Саша, богатырского роста старик из ссыльных, сначала выслушал наши торопливые объяснения через калитку, затем открыл надёжные ворота в аккуратно подметённый двор.

Устроив коню тщательный осмотр, дед свернул самокрутку и затянулся пахучей махрой.

– Ну что ж, конёк ладный. Судя по зубам – лет пять ему. Для комсомола ещё молод. Ну а в октябрюта, пожалуй, можете и принять.

И захохотал, словно из пушки выпалил. Аж Серко вскинулся.

– Ну ты брось эти политически безграмотные разговорчики, – сурово сказал Витёк.

Но не выдержал и тоже рассмеялся.

Уж коли везёт, так во всём. На следующий день нам позвонили из потребкооперации:

– Комсомол? Вам диван выписали. На базе в Харсаиме. Можете забрать в течение недели? А то другим отдадим. Желающих хоть отбавляй!

Кто бы сомневался. В советские времена повального дефицита даже такую не самую роскошную вещь, как диван, можно было достать только по блату. А с мебелью в нашем Приуральском райкоме дело обстояло примерно так же, как с транспортом. Обшарпанные столы да кривые стулья. Ну не вдохновляла такая обстановка, прямо скажем. Новенький диван представлялся нам серьёзным прорывом на фронте борьбы за светлое и красивое для всех будущее.

– Ах, как Серко кстати, – хлопнул себя по колену Витёк. – Хотя, конечно, «Москвич» был бы лучше. Однозначно.

С этой его позиции сбить было трудно.

И на следующий день с утра мы выехали из нашего районного центра Аксарка в Харсаим.

Да, трудно тогда было у нас на севере с товарами – всё ведь

прибывало сюда, в тундру, так называемым северным завозом, пароходами. Ничего на месте не производилось. Привозилось летом, когда моря и реки судоходны. Накапливалось на базах, а потом распродавалось. В Харсаиме – ненецко-хантыйском посёлке рыбаков – при местной кооперации работал магазин таких привозных товаров. Потому что в Харсаиме имелась причальная стенка, к которой суда с грузом и подходили.

– Надо ещё в Выл-Поел на рыбацкий стан заехать, – сказал я, устраиваясь в санях. – У меня для них сюрприз.

– Заедем, – весело ответил Витёк, собирая вожжи подобно опытному извозчику. – Н-но, милай!

И Серко послушно потрюхал по укатанной до крепкого наста дороге. Для него это было первое задание от нашей районной комсомольской организации.

Витёк правил, может быть, даже представляя себя и водителем уазика, кто знает. Но говорил он совсем о другом.

– Нет, тундра всё-таки дело совсем особенное. Климат, нравы – всё тут неповторимое. Вот ты тут, Юрк, человек новый. Не знаю, как тебе. А меня просто завораживал этот мощный и своеобразный край. Заметил, люди в тундре совершенно другие? А их жизнь заставляет не быть злыми. Они нам кажутся податливыми. Мягкими, вроде бы даже и бесхребетными. Что называется, запрягай и поезжай. А они при этом всегда идут навстречу человеку.

Витька совершал свой монолог, даже не оборачиваясь ко мне. Тоже северная привычка? Что вижу, то пою?

– Когда тундру осваивали, тащили буровые вышки на тракторах, попадали приезжие в пургу, в морозы. И всегда ненцы их

выручали. Заметь, никому отказа не было. И паспорт не спрашивали. Всё давали: еду, тепло, свой чум предоставляли. Случались, конечно, неблагодарные... Но большинство из тех, кто осваивал нефтегазовую целину, помнят доброе к себе отношение. Тут ведь в чём дело? Просто незлобивость коренного населения помогает выжить. Если ты начнёшь мстить, то и сам погибнешь, и окружающие. Вот смотри, в любой части России за городом, если водитель встал, колесо там у него отвалилось или что, все мимо проезжают. У нас на зимнике этого никогда не допустят. Если только какая-то машина встала, все, кто мимо едет, останавливаются: чем помочь, что случилось? Надо, без вопросов оставят тебе и бензина, и еды. Вот он – северный характер! А ты говоришь!

Ничего я не говорил. Да и сложно было спорить с Витьком в этом вопросе: всё, что он высказывал, было правильно, по делу. Я и сам успел заметить и оценить житейскую мудрость коренных жителей. Вот бы все так на земле относились друг к другу!

От благодушных мыслей подкрадывалась дрёма. Не спалось ночью. То о Серко думал, как его лучше устроить и использовать, то о диване. Ну ведь мещанские же мысли! Однако ж почему-то было приятно представлять, как мы привезём его, где поставим...

– Приехали, стан! – разбудил меня оклик Витька. – А то, может, повернём, да на обратной дороге заедем?

Я заметил, что он терпеть не мог конечного результата. Увлекал его сам процесс. Как только маячило впереди окончание дела, так тут же его тянуло в другую сторону, к чему-то новому.

На рыбацком стане собрали молодёжь. Да она в основном там и работала.

– Вот, братцы, – сказал я, доставая из саней свёрток и разворачивая материю. – Тут к нам художники из Москвы приезжали. Я с ними договорился. Оформили они нам вот такую штуку.

Я поднял над головой и продемонстрировал красивую жестяную табличку с чёткой надписью большими буквами: «Комсомольско-молодёжная бударка».

– Лучшая бударка по итогам путины получит её на свой борт. А пока пусть повисит у вас в столовой...

– Щи хлебайте, да на ус мотайте! – закончил за меня Витёк.

И мы поехали дальше.

– Заметил, как у них глаза загорелись? – продолжал он свой монолог. – И чего мы раньше не додумались? А ведь ребята толковые, энергии – море. Их направить – горы свернут в это самое море!

Диван впечатлял. Обтянутый красной материей, раскладной, он сразу внушил нам уважение своей солидностью.

– Ну, чего смотрим? Глазам не верите? Ваш, ваш, – добродушно ворчал завбазой. – От сердца отрываю. Ну да для хороших ребят не жалко. Грузите. Да поаккуратнее, не поцарапайте. Петрович, помощи!

С помощью хромого сторожа Петровича мы водрузили наше сокровище на сани, привязали верёвками, выданными с обещанием вернуть. Я устроился на красном полотне, как на троне. Со всеми удобствами!

– Витёк, не гони только.

– Доставим в целости и сохранности! – заверил возница. – Одна только закавыка есть.

– Какая?

– Так по старинной традиции – не нами заведено – обмыть бы такое событие полагается. Не каждый день нам такие щедрые подарки отваливают.

Вообще-то он был прав. Но в дороге, в тундре...

– Приедем и все вместе обмоем, – предложил я.

– Не, – упёрся Витёк. – Это не по-нашему. Дороги не будет.

Я нехотя согласился. Мы скинулись и прикупили бутылку коньяку. Дорого, конечно. Но обмывать, так не портвейном же!

Отъехав для порядка от посёлка, остановились, приняли ароматного напитка, которого я в жизни-то и пробовал пару раз. Приняли, что называется, «из горла».

– Чтоб сносу не было!

Даже Серко, казалось, зашагал веселей.

– Ты только не гони, адский водитель, – вновь напомнил я Витьку, заметив огонь в его глазах. – Не на узике!

Ох и царское же у меня образовалось ложе. С дивана и виды и мысли открывались совсем другие. Словно обретённые Серко и диван радикально меняли для нас очень многое. И придавали дополнительные силы.

– Да, – энергично вещал Витёк. – По осени нам силы понадобятся. Ты вот ещё не сталкивался. А нам предстоит и такая весёлая работёнка, как сбор детишек из стойбищ в интернат. В августе закажем вертолёты, дадут нам и вездеходы... И вперёд по тундре, с комфортом...

– Надо – сделаем, – отозвался я из своего диванного комфорта.

Всё сейчас казалось совсем несложным.

– Сделаем... Ездить – не фокус, – развивал тему Витёк. – Да

только беда в том, что многие коренные не хотят отдавать ребятишек на учёбу в город. Мол, пусть занимаются оленеводством. Особенно пожилые ненцы: у меня оленей некому пасти, да малец ещё потом и в тундру не вернётся... Он по-своему, может, и прав. Только обязательное образование никто не отменял.

– Ну и как же уговаривать?

– Упираем на то, что вырастет парень у тебя безграмотным, ни писать, ни читать, что ж хорошего? А они на своём: да мне ваше образование ни к чему. И их можно понять: у них уклад жизни такой.

– Ну так удаётся всё-таки собрать ребят?

– Как ни странно, практически всех. Ну, может быть, где-то в районе Северного Ледовитого океана, где мы их и не разыщем даже с вертолётами, кто-то остаётся.

– Значит, проблема решаемая. Чего переживать?

– А то, что весной у этих самых ребятишек, собранных в интернат, всегда наступает ностальгия.

– Чего?

– Домой они рвутся. Хоть что с ними делай.

– И убегают?

– В том-то и дело. Бегут – ничем не остановишь. Никакими коврижками.

– Да на чём же они доезжают? – не понял я, оглядывая окрестности.

– Правильно, не на чём, дорог до стойбищ нет. Пешком дуют.

– Вот дают! – изумился я. – И добираются?!

– Не поверишь, добираются. Местность знают, ориентируются хорошо – это у них в крови. Но, – Витёк поднял палец, –

несчастные случаи происходили. Замерзали ребяташки. И за это нас, как сам ты понимаешь, по головке не гладят.

Я представил себе маленького ненца, одиноко бредущего по бескрайней тундре, без путей-дорог.

Сани дёрнуло так, что я еле успел ухватиться за спинку дивана.

– Куд-да, чёрт! – завопил Витёк.

Но было поздно. То ли зазевался возница, то ли конь задремал на ходу, но только снесло нашу транспортную единицу в кювет. В глубокую яму. Только уши с дороги виднелись. Сани, накренившись, нависли над кюветом.

– Станция Березай, – сказала я, поспешно соскакивая с саней. – Хочешь не хочешь – вылезай. Что ж ты, извозчик, с нами делаешь?

– Я не извозчик, – сказал Витёк. – Я – водитель кобылы.

– Это мерин, – машинально поправил я его, лихорадочно размышляя, как расхлёбывать эту кашу. Серко понуро стоял по грудь в снегу. Вид у коня был виноватый. На возницу он не пенял.

– Ничего, – вдруг уверенно сказал тот. – Со мной не пропадёшь.

– Это я уже понял, – с сердцем сказал я.

– Смотри сюда и не дрейфь.

Витёк пошарил в сене под диваном. На свет явились лопаты.

– Что бы вы без меня делали.

И мы принялись откапывать бедное животное, предварительно освободив его от саней.

Мокрый снег никак не способствовал быстрой работе, да и коня в спешке можно было задеть лопатой.

Однако через полчаса Серко оказался на свободе. То есть стоял на дороге и задумчиво всматривался в развороченный кювет. От нас валил пар.

Витёк впряг Серко, присел на сани.

– Ну, самое время – с устатку.

И достал початую бутылку. Надо признаться, опустошили мы её с большим удовольствием. Почти что на троих – Серко присутствовал при происходящем, даже намёком не осуждая нас.

– Так-то веселее, – констатировал Витёк, устраиваясь на своём месте. – Н-но!

Я вновь пребывал на диване. Как-то опять всё стало хорошо. Ну была проблема. Ну справились же? Так и со всем остальным. Главное – помощь, взаимовыручка. Коньяк действовал самым успокаивающим образом. Убаюкивал и монотонный говорок Витька:

– Н-да, не глядят нас за это по головке. Что делать? Как их в интернате удержать? Мы уж и посты вокруг по весне устанавливали. Беседы проводили: мол, ребята, давайте мы вас потом организованно всех развезём на оленьих упряжках. Потерпите чуть-чуть... А они...

...Очнулся я на дороге. И не сразу сообразил, что со мной происходит. Словно сон какой-то дурной с явюю накрепко переплёлся и никак они расстаться не могут. Сел, лицо крепко растёр, осмотрелся. Дорога сзади спускалась в ложбину, а впереди уходила на холм. И на дороге этой никого не наблюдалось! Крепко же я заснул. Видимо, когда сани пошли вверх, я и скатился с них. Вот тебе и коньячок со всеми удобствами. Темнело. Что ж, опять ночевать в куропашкином чуме?

Краем глаза заметил, как за придорожными кустами вдалеке что-то мелькнуло. Или померещилось? А если волки?!

Из рассказов бывалых охотников я знал, что этот умный и осторожный зверь всегда знает, есть ли у человека ружьё, способен ли он себя защитить. А едва почует слабость, всё, кранты! Тут уж в снегу не спрячешься... У нас в сене лежал карабин. Но это ж там, а я – здесь...

Подхватился как ошпаренный и бросился вверх по дороге. Ноги скользили по накатанному насту, коньячные пары стучали в висках.

Задыхаясь, выбрался на холм. Повозка виднелась уже на приличном расстоянии.

– Стой! – заорал я, хоть и понимая, что пока меня не слышно.

Чуть не кубарем скатился с холма. Расстояние сокращалось. Я обернулся на бегу. Никого. Вновь заорал.

Не слышит меня Витёк, так его и этак! Судя по тому, как рукой размахивает, ведёт горячий диалог с невидимой аудиторией. Со мной то есть.

Слава богу, Серко, утомлённый дальней поездкой, всех своих скоростных качеств не выказывал. А может, опасался вновь оказаться в кювете. Не торопко семенил. Что позволило мне наконец сократить расстояние между ним и мной до вербального контакта с возницей.

– Стой, чучело! Стой же ты!

Витёк, что-то всё-таки услышав, обернулся. Посмотрел на пустующий почему-то диван, потом на небо, вновь на диван. И только затем увидел бегущего меня. Остановил коня.

Но что-то в дальнейших движениях ямщика меня насторожило. Я надал ходу, выкрикивая:

– Не надо! Не поворачивай назад! Опять свалитесь!

Даже Серко обернулся.

Добежал я-таки до них. С размаху сел на край саней. Долго не мог отдышаться.

– Ах вы... Комсомольцы октябрятского возраста!

Только это и сказал. Ну, может быть, ещё пару слов прибавил. Ну да ладно. Устроился я опять на диване. И уже не спал. А Витёк как ни в чём не бывало вскоре завёл своё:

– А не рассказывал, как в нас стреляли? Нет?! Слушай. Я уже говорил, что мы в августе облетали стойбища, собирали детей в интернат. На этот раз полетели с Петей Шакиным, инструктором окружка партии. Подлетели к одному чуму. Сидит старик. Детей не видно. Я говорю: мы же раньше у тебя двоих забирали, где дети? Нету. Походили мы, походили, нет никого. И вдруг вижу, вдалеке за кочкой что-то шевельнулось. Мы с Петей побежали: точно! Мы их взяли – и к вертолёту. Ведём их. Они шибко не сопротивлялись. Знают, что такое интернат. Вот мы и идём – детишки по краям, а мы посередине. Вдруг слышу сзади выстрел: бум-м! Поворачиваюсь: а это дед вытащил двустволку и открыл по нам огонь. Пете попал в один бок. Ну, ниже спины... Ложись! Упали мы в мох. Слышим, дед успел перезарядить. Говорю: давай сделаем вид, что приподнимаемся, а когда он выстрелит, надо успеть добежать до него, пока не перезарядил. Начали приподниматься. Дед: бу-бух! Петя ковыляет – досталось ему. Я подбегаю, ружьё выхватываю. А дед старый, бить не будешь. Но ружьё шарахнул об землю, патроны отобрал. Говорю: ты чего делаешь?

Мы же детей не в тюрьму, в интернат везём. А он молчит, ничего не говорит. В общем, не все в тундре были согласны с тем, что мы детей забираем в школу-интернат. Пете потом дробинки из задницы выковыривали в районной больнице...

Я лежал на роскошном красном диване и слушал. Посматривая по сторонам, думал: хорошо, что у нас есть ружьё.

Но до самого дома доехали без приключений. Со всеми удобствами.

ПУСТОЕ МЕСТО НА ПЛОЩАДИ

Крайне неудобно, но я не успел запомнить её имя и отчество. Только что эти сумасшедшие выборы прошли, тут же новая должность обрушилась.

В общем, секретарша стояла в дверях моего нового кабинета и смотрела вопросительно:

– Так вы сможете его принять? Давно ходит...

– Э... – протянул я, внутренне чертыхаясь.

– Алевтина Карловна, – с пониманием подсказала секретарша.

– Да, да, я помню, извините, Алевтина Карловна. Как не принять, это же мой первый посетитель. Просите.

Хм... Алевтина Карловна... Мог бы и запомнить.

Я посмотрел в окно. Обычный осенний день. Обычный трудовой день обычного председателя райисполкома. Вот только за окном...

За спиной кашлянули. Я обернулся. В дверях стоял мужчина предпенсионного возраста в сером плаще и грубых ботинках на толстой подошве. Видавшую виды кепку он мял в руках. Гладко выбрит, тут же расчёской поправляет пробор, вглядываясь в стекло шкафа с различными грамотами и призами, обрётёнными районом под руководством моего предшественника.

– Присаживайтесь, – пригласил я. – Если жарко, снимайте плащ. Вон вешалка.

– Что вы, что вы, – замахал руками посетитель. – некогда рассиживаться. Вы мне побыстрее бумажечку подпишите, да я и побегу.

И он полез во внутренний карман. Сильно помятая и потёртая бумажечка, очевидно, давно вместе с хозяином бродила по инстанциям. А значит, без особого успеха. Н-да...

– Да вы присядьте, сейчас разберёмся, – вновь предложил я.

Он сел на краешек стула в полной готовности бежать по своим неотложным делам.

Осторожно развернув заслуженный документ, я прочитал:

«Прошу выдать подателю сего 32 (тридцать два) погонных метра железнодорожных рельс». И подпись: Фёдор Венедиктович Бурлаков.

– Хм... Фёдор Венедиктович... Э... Из документа мне понятно, чего вы просите. Но зачем вам рельсы? Поймите правильно, вы ведь частное лицо. И просьба ваша... ну... не совсем обычна. Вы понимаете? Рельсы – это же не дрова для отопления и не уголь...

Мне очень не хотелось начинать свою деятельность на новом посту с отказа. Понятно же, что сразу разговоры пойдут. И явно не в мою пользу.

– И распрекрасно понимаю, – вскочил со стула проситель. – Вы совершенно правы: просьба не обычная. Я и не спорю. Но ведь и дело у меня не обычное.

– Ну так расскажите, – предложил я, чувствуя, что здесь всё не так просто.

Посетитель подскочил к окну и указал на площадь:

– Видите? С одной стороны, перед нами вроде бы площадь. Правильно?

Я вновь посмотрел на площадь за окном. Нет, что-то там было не так. Но что? Посетитель не давал времени на размышления:

– А с другой, – он понизил голос и оглянулся на входную дверь, – а с другой – прекрасная площадка для приземления.

Он смотрел на меня со значением.

– Ну и... – подбодрил я его.

– А они, – трагическим шёпотом продолжал он, – приземляться здесь не хотят!

– Кто? – не понял я. А внутренний голос насмешливо подсказал: «Приехали!».

– Понятно кто, – пожал плечами собеседник. – Инопланетяне!

– Ага, – сказал я, – понятно. Ну... не хотят, это их дело. А рельсы-то зачем?

– Так для них же!

Кажется, Фёдор Венедиктович начинал сердиться.

– Они, извольте заметить, норовят приземляться у меня во дворе.

– Вот как? – я уже не удивлялся. – Ясно. Но рельсы...

– Да помилуйте, – изумился он моей непонятливости, – ведь у меня же во дворе, известное дело, не посадочная площадка. Грязь, извините за выражение. А рельсы и пошли бы на строительство более-менее приличного аэродрома для них. Я думал сначала из досок. Но посудите сами – выдержат ли они? Там же огонь какой из двигателей, страшное дело! Вот почему мне и нужны именно рельсы.

Он смотрел на меня ясным взором человека, который наконец встретил единомышленника. В моём лице. И я не подвёл.

– Я всё понял. Нет вопросов.

Сел за стол, взял ручку.

– Да вы присядьте. Смотрите, пишу резолюцию.

И я решительно в правом углу заявления наискось надписал: «Отдел снабжения. Выдать требуемое. При наличии на складе». И расписался.

– Рельс может и не быть, – пояснил я в ответ на его вопрошающий взгляд. – Время-то вон какое!

И подмигнул ему заговорщически. Он понимающе кивнул, бережно сложил бумажку и, откланявшись в дверях, ретировался.

В дверях появилась Алевтина Карловна:

– Вы извините, Юрий Васильевич. Я подумала лучше сразу.. Он давно ходит. По всем инстанциям. И здесь не раз на приёме был.. Но я смотрю, он вышел довольный. Неужели вы подписали?

– Ну да. Почему бы и нет?

– Почему бы и нет, – задумчиво повторила она. – В самом деле.

– У вас там больше никого нет?

– Что? Ах да! К сожалению, есть.

– Почему к сожалению, зовите.

Она как-то странно посмотрела на меня и вышла. А её место в дверях занял здоровенный дядька в телогрейке, армейских галифе, громадных кирзовых сапогах. И вообще всё у него было огромное: копна давно не стриженных жёстких курчавых волос, тёмно-синяя сумка в руках из атрибута «челноков».

Мужик без церемоний широкими шагами пересёк кабинет, плюхнулся на стул, сумка с тяжёлым стуком опустилась на пол.

– Я за тебя не голосовал, – решительно заявил он, вперяясь в меня чёрными жгучими глазами. – Это чтоб сразу понятно тебе было.

– Что ж, это личное дело каждого, за кого голосовать, – сказал я. – Тем не менее, как всё же избранный депутат, я обязан и намерен отстаивать права всех жителей района. И всех их я теперь считаю моими избирателями.

Мужик посмотрел недоверчиво. Вблизи он выглядел гораздо старше. Затем тяжко, по-бычьему вздохнул и полез в сумку.

Я вновь посмотрел в окно. Эта площадь...

Я повернулся на металлический звук. На столе лежал топор. Большой топор, серьёзный и много повидавший. Немало дровишек и веток им рублено. А может, и скотины разделано... А может..

– И что это означает? – по возможности спокойнее спросил я.

– А означает это то, что правды нигде нет. И как мне её добиться?

Он склонился над столом, накрывая тяжёлой лапой топориче. Спиртным от него не пахло. «А милиция на входе, чем они, гады, заняты?» – мелькнула судорожная мысль. Неужели все сумасшедшие района только и ждали, как я вступлю в должность?!

– Вы считаете, только с топором? Вот так, пугая людей?

– А что, страшно? – усмехнулся он.

– Скорее неприятно. Ведь вы меня совсем не знаете, а сразу с угрозами. А ведь вполне возможно, что дело ваше вполне ре-

шаемо обычными человеческими средствами. Может быть, расскажете, в чём состоит ваша проблема?

Мужик смотрел испытующе. Наконец выдохнул:

– Расскажу. Но если и ты не поможешь – держитесь...

Суть его злоключений состояла в том, что он не раз просил привезти сено, накошенное им за городом для коровы, к нему на участок. Сам он тратиться на перевозку не хотел, полагая, что власть обязана помогать малоимущим. Власть, однако, считала его сено делом частным и немилосердно отфутболивала.

– У меня банковских счетов нету. А за то, что всю жизнь горбатился, – пенсия копеечная!

– И это всё? – спросил я. – Только привезти сено? Больше вы ничего не требуете?

– Н-нет, – пожал он могучими плечами. – Что я? Совесть ещё не потерял, не то что некоторые.

– Тогда, стало быть, так, – сказал я, косясь на топор. – Вы это дело уберите, нехорошо, неприлично... А сено я вам вывезу. Сегодня не обещаю – идёт уборочная. А как только с транспортом полегче станет, думаю, через неделю, сено ваше окажется у вас на участке.

Мужик продолжал всматриваться в меня. Я постарался не отводить взгляд.

– Давай слово, – наконец сказал он. – Просто честное слово. Не надо никаких бумажек.

– Даю честное слово, – как можно весомее сказал я.

– Вот это по-нашему, – вдруг весело сказал он, – по-сибирски.

Встал во весь свой гигантский рост, сгрёб топор со стола, как шариковую ручку, кинул в бездну сумки.

– Прощевайте! – кинул через плечо.

И вышел. Я помотал головой. Тут же позвонил на вахту:

– Что ж вы!..

Положил трубку. В дверях стояла Алевтина Карловна.

– Вообще-то время приёма граждан по личным вопросам заканчивается, – сказала она. – Поэтому я могу попросить товарища...

– Нет уж, – решил я допить сегодняшнюю чашу до дна. – Зовите товарища.

– Марк Иванович, – представился вошедший пожилой товарищ интеллигентного вида и даже с бабочкой на вороте белоснежной рубашки, которую открывала изящная дублёнка, распахнутая на груди.

Марк Иванович, оставив у двери какие-то пакеты, резво просеменя к столу, на ходу кивая породистой седой головой с аккуратной стрижкой, сел, откинулся на спинку стула, заложив ногу на ногу, и устремил на меня проникновенный и весёлый взгляд.

«Так, интеллигенция. Артист. Или художник. Скорее всего, будет просить помещение под какую-нибудь студию, – попытался угадать я. – Или ремонт студии».

Марк Иванович начал издавека. С общего экономического и политического положения страны. Затем обозрел нужды нашего края, плавно перейдя к району и, наконец, городу. Излагал он складно, как лектор – готовый материал. И, в общем, не так уж длинно.

– И вот именно будущее города волнует меня больше всего. Вы и без меня прекрасно знаете, что наш суровый сибирский

климат во многом определяет многие составляющие нашей жизни. Климат на континенте, естественно, изменить мы не в силах. Надеюсь, пока. Но в случае же с нашим городом ситуация выглядит вполне решаемой. Вот смотрите...

Он просеменил к своим пакетам, достал какие-то рулоны бумаги, вернулся к столу. «Кажется, я не угадал. Но чего же ему надо?» – уже в некоторой растерянности вопрошал я себя мысленно.

Марк Иванович решительно сдвинул на край стола мои канцелярские принадлежности, расстелил большой лист ватмана. Лист норовил свернуться обратно в рулон. Я машинально прижал его со своей стороны.

– Благодарю, – продолжал Марк Иванович. – Перед вами наш город в недалёком будущем. И насколько оно будет недалёким, зависит полностью от нас с вами. А объём работ не так уж и велик. У меня всё продумано. Обратите внимание...

Я вглядывался в чертёж. Схематически он напоминал план нашего города. Вот река, вот горком, райисполком, площадь... На площади располагались нарисованные самолётики. Да что же это такое?!

– ...Город, накрытый подобным куполом, избавляется от капризов погоды, – донёсся до меня взволнованный тенорок посетителя. – Сразу решается масса проблем с отоплением, освещением, благоустройством, озеленением.

«Нет, они точно сговорились явиться ко мне в первый же день. Уж не организовал ли их кто?!» Но вот эта мысль была точно безумной, я решительно отогнал её.

– Вас, может быть, смущает недостаток средств в местном бюджете? – по-своему расценил моё молчание посетитель. – Но

расходы не столь уж и велики, как может показаться с первого взгляда. Вот я тут прилагаю смету. Она, конечно, приблизительная...

– А это что? – ткнул я пальцем в площадь на схеме.

– О! – победно вознёс над собой палец Марк Иванович. – Это решение всех наших транспортных проблем! Смотрите!

Он вновь сунулся к своим пакетам у двери, зашуршал кульками. Вернулся к столу, сжимая что-то в ладонях.

– Оп!

Над столом пролетел игрушечный пластиковый самолётик. Ударился о стенку за моей спиной, сполз на пол.

– Оп!

И ещё одно воздушное судно пролетело примерно тем же маршрутом.

– Оп!

Я тупо подумал, что конца авиаперевозкам не предвидится. Но почему-то всего лишь тремя самолётиками Марк Иванович и ограничился. Видимо, сказывалась нехватка бюджета. Новоявленный авиадиспетчер смотрел на меня торжествующе.

– Ну? – он указал за окно. – Там мною предусмотрен аэровокзал. Как с местными маршрутами, так и междугородними.

Я поднял с пола синий самолётик. «Made in China».

– Да. Экологически чистого авиатранспорта не существует. Пока. И в условиях города применять его считаю нецелесообразным, – сказал я доверительно.

– Но...

– Да, вы правы. Это всего лишь моё мнение. Поэтому, – я

тоже воздел палец к небу, – мы соберём экспертный совет. Вы ведь не возражаете?

– Помилуйте, – Марк Иванович даже зарделся от удовольствия.

– Экспертный совет с привлечением авторитетнейших специалистов из самых разных областей науки и техники.

– А я? – пискнул он.

– Непременно с вашим участием, а как же! – заверил я его. – А пока оставляйте все ваши документы. Мы обязательно их рассмотрим.

Марк Иванович собрал свою воздушную флотилию, скатал чертёж в рулон. Но стоял и мялся.

– Что-то ещё?

– Видите ли, – шёпотом пояснил он. – У меня есть завистники и злопыхатели. И они могут воспользоваться случаем.

– Каким?

– Выкрадут эти уникальные документы или скопируют. Иди потом докажи, что они мои. И все лавры тогда им достанутся.

– Понял, – коротко сказал я. Нажал кнопку. – Алевтина Карловна, принесите, пожалуйста, нашу печать.

– Ну вот, – сказал я, оставляя на бумагах Марка Ивановича чернильные круглые отиски. – Теперь в присутствии свидетелей мы их подписываем. И уже никто, слышите, никто не посмеет утверждать, что это не ваши чертежи. Вы согласны?

Марк Иванович благоговейно оглядел печати, оглядел нас со слёзной благодарностью во взоре и удалился.

– И этот тоже? – шёпотом спросила секретарша, проворачивая палец у виска.

– Увы, – вздохнул я. – День, что ли, такой?

Я отошёл к окну.

– Осеннее обострение, – сказала Алевтина Карловна.

За окном же на площади наметилось какое-то оживление. Но рассмотреть толком происходящее не успел – включилась горкомовская линия.

– Увидел? – спросил в трубке знакомый голос. – Заходи ко мне, вместе полюбуемся.

Спустя три минуты я входил в кабинет первого секретаря горкома партии.

– Здравствуй, Николай Григорьевич.

Первый стоял у окна, придерживая рукой тяжёлую портьеру.

– Иди сюда, – поманил он меня. – Видишь?

Посреди площади (пока без самолётиков) в окружении нескольких зевак на стуле располагался некий субъект с большим плакатом белой бумаги. Я разобрал несколько крупно выведенных чёрной тушью слов: «ЗАРПЛАТА... СВОЛОЧИ... ГОЛОДОВКА... ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ...».

– Пришла беда, отворяй ворота, – пробормотал я.

– Ты о чём? – спросил первый.

– О своём, о девичьем, – сказал я. – Кто это?

– А пёс его знает! – с сердцем сказал первый. – Но этого нам только не хватало. Давай-ка выйди разберись.

– Как разобраться?

– Спокойно.

Зрителей на площади прибавилось, когда я, накинув пальто, подошёл к месту события.

Мужичонка с довольно нахальной физиономией, одетый в тёплый тулупчик и обутый в валенки с галошами, горделиво, словно на троне, восседал на стареньком венском стуле. Утирая заячьей шапкой пот со лба, он в другой руке удерживал шест с плакатом. Чёрным по белому бежали слова: «Мизерная ЗАРПЛАТА обрекает меня и моё семейство на нищету. СВОЛОЧИ-начальники жируют. ГОЛОДОВКА – вот единственный шанс заставить их хоть о чём-то задуматься. Сознательные граждане, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!»

– Митрич, давно голодовку-то объявил? – раздался голос из толпы.

– Полчаса уж как, – радостно объявил вопрошаемый.

– А надолго?

– Пока совесть у них не проснётся, – и он указал шапкой на меня.

Собравшиеся оглянулись и расступились.

– Добрый день, – обратился я сразу ко всем. – Ну и чего митингуем? Да ещё и несанкционированно?

– А никто, милоч, и не митингует, – отозвалась словоохотливая бабка в сером пуховом платке. – Это Митрич вон один чего-то голодует.

– Митрич, стало быть? – обратился я уже конкретно к сидящему на стуле. – И в чём же проблема, товарищ? И почему её надо сразу на площадь выносить? Может быть, пройдем ко мне в кабинет, там всё и порешаем?

– Сами сидите по своим кабинетам, – обиженно огрызнулся Митрич. – А нам там делать нечего. У нас нет секретов от народа. А народ – он всё видит. И как вы там по кабинетам жируете.

И что нам, простым людям, перепадает. Сволочи! – вдруг заорал он. – Долой!

– Постой, постой! Ну зачем кричать? Тебя же кто-то конкретно обидел? Где у тебя мизерная зарплата? Ты вообще, где работаешь? Давай я позвоню тебе на работу, всё выясню. Если несправедливость допущена – поправим. Ну? Чего орать?

– Митрич, ты того, дело-то говори... – послышалось из толпы. – Чего глотку драть? Объясни толком. Или жена на опохмелку не дала?

– Вот! – он подскочил со стула. – Всё здесь написано! Нечего объяснять. Все они – сволочи, одним миром мазаны... Хотят мне глотку по-быстрому заткнуть! Копейку посулят, лишь бы я ушёл отсюда. А вот вам!

И он произвёл в сторону власти, то бишь меня, неприличный жест. Шапка выскользнула из его руки и упала в лужу. На что Митрич никак не реагировал, продолжая изображать рукой оскорбление. Бабка в платке подобрала шапку, отряхнула её, положила на стул.

– Срамник, – сказала он, плюнула и пошла по своим делам.

Но остальные собравшиеся расходиться не думали.

– Ну хорошо, сиди себе здесь, – миролюбиво сказал я. – Запретить я тебе этого не могу. Только глупо сидеть, когда можно решить проблему.

Я пожал плечами и пошёл к дверям райисполкома.

– И никто мне ничего запретить не может! – ярился Митрич. – Иди, иди! Знаем мы вас, решальщиков! Да здравствует голодовка! Граждане, объединяйтесь! Хватит терпеть...

И так далее.

В вестибюле молодой усатый сержант предложил:

– Юрь Васильич, может, его... того?

И показал увесистый кулак качка.

– Того... Вы бы лучше посмотрели, кого в здание пускаете! – разозлился я.

– Виноват. Но мы его уже того...

– Кого того? – не понял я.

– Ну... Того мужика с топором. Повязали.

– И где он?

– Здесь у нас пока, в дежурной отдыхает. Скоро перевозка приедет. Оформим его как положено.

– Чёрт! А ну веди меня в дежурную!

Мужик сидел в дежурной под присмотром совсем уж юного ефрейтора. Тот поигрывал дубинкой, не сводя глаз со здоровяка. И чувствовалось, что дубинку страж порядка в данный момент воспринимает как оружие личной защиты, не более.

– Отпустите его, – распорядился я.

– Но... – заикнулся сержант.

– Раньше надо было бдительность проявлять. А теперь – отпустите.

Мужик поднялся, тут же скрадывая пространство маленькой дежурной.

– Мне бы ещё сумку, – смущенно сказал он. – Вы уж извините... Нашло что-то... Неправильно я с вами говорил...

– И сумку ему отдайте!

– С топором? – шёпотом спросил юный ефрейтор.

– Конечно, с топором, – подтвердил я. – Как же он в хозяйстве без топора?

Извлекли из-под стола сумку.

– О сене не беспокойся. Сказал – вывезем.

Я вышел из дежурной. Вслед донеслось басовитое:

– А я и не беспокоюсь. Ты же слово дал!

Взбежав на второй этаж, в приёмной ощутил аромат свежесваренного чая.

– То что надо, Алевтина Карловна. Вы прямо мысли мои читаете.

– Ну, до этого пока ещё далеко. Но вот этого обормота на площади я хорошо знаю.

– Ну, совсем отлично! Установите мне его данные, где работает...

– Уже всё есть. Рудаков Егор Дмитриевич. Месяц назад уволился со зверофермы «Загородная». Работал там слесарем. Вот телефоны отдела кадров и дирекции.

Попивая горячий чаёк, набирал предоставленные номера. Картина вырисовывалась следующая.

Прямо, надо сказать, ратующий за социальную справедливость гражданин Рудаков Егор Дмитриевич среди образцово-показательных работников не числился. Равно как и среди социально полезных элементов общества. Прогулы по пьянке нередко приводили к тому, что лишали Митрича премии. Так что часть его плакатных претензий высказывалась не без оснований. А месяц назад его уволили. Так сказать, по совокупности заслуг. Да и звероферма давно не процветала. И безработных в округе хватало. Так что от балласта в лице Митрича избавились с лёгким сердцем. Но коли вопрос встаёт о голодовке и гражданин Рудаков встал на путь социального про-

зрения, не исключён вариант его возвращения на прежнюю должность.

На том мы и порешили с дирекцией зверофермы.

С чем я и поспешил на площадь.

Но она пустовала. Вернее, на ней оставался стул. Прислоненный к нему шест с требованиями обнюхивала рыжая кудлатая шавка с отвислыми сосками. Судя по её физиономии, съестным тут не пахло. Кинув в мою сторону равнодушный взор, она неторопливо потрусилась дальше.

– А домашний телефон этого субъекта у вас имеется? – спросил я без особой надежды.

Но доблестная секретарша тут же мне его начертала.

– Жена у него хорошая женщина. У нас в бухгалтерии работала. Жаль, на пенсии сейчас по инвалидности. Операция была неудачная. Терпит этого... – эмоции ранее довольно сдержанной Алевтины Карловны явно стали выходить за пределы, отпущенные должностью. Она и сама это поняла: – Извините.

После продолжительной серии гудков трубку наконец взяли. Отозвался усталый женский голос:

– Алло?

– Валентина Петровна? – продемонстрировал я осведомлённость, подсказанную мне чётким почерком Алевтины Карловны. – С вами говорит новый председатель вашего райисполкома. Меня зовут Юрий Васильевич. Как ваше самочувствие?

– Спасибо, – удивлённо ответила супруга Митрича. – Вы меня знаете?

– Работа такая, – весело сказал я. – Если есть вопросы – давайте, готов помочь.

– Да чем же вы мне поможете, – спокойно сказала она. – А на суженого моего внимания не обращайтесь. Всю жизнь такой. Поблажит да перестанет. Вы ведь из-за него звоните?

– В общем, да, – признался я. – Я тут созвонился со зверофермой, где он работал. Мне кажется, мы можем решить его проблему. Вот и хотел с ним переговорить на эту тему. Но на площади его нет... Не знаете, где его можно найти?

– Да чего его искать, – вновь удивилась она. – Никуда, слава богу, не пропадал. Хотя... иной раз лучше бы и пропал. Невелика потеря.

– Так где же он?

– Да здесь, дома. Вон сидит, пельмени лопают! Глаза бы мои не глядели...

Дальнейшие её слова потонули в шумной перебранке. Я положил трубку.

Через полчаса Митрич занял место на площади. Под тем же плакатом. Ну не нахал?..

Едва сдерживаясь, протолкался уже через толпу побольше, чем утром. Митрич вновь посмотрел на меня вызывающе.

– Значит, голодовка, говоришь? – прошипел я. – Пельмени с бульоном были или без? А со сметаной или горчицей? Не хочешь поделиться с людьми рецептом? А сто граммов под них как пошли? Не поперхнулся?

Только тут он понял, с кем разговаривала по телефону его жена.

– Товарищи! – повысил я голос. – Мы тут во всём разобрались. Проблемы, о которых говорит Егор Дмитриевич, решены. Голодовка отменяется. Не так ли, Егор Дмитриевич?

– Не молчи, гад, – добавил уже шёпотом. – Сворачивай лавочку, пока я тебя не осрамил на весь город. Газеты ещё подключу и телевидение! Посмешищем станешь!

– Да я что, – забормотал он, теряя лоск записного борца за гражданские права. – Сворачиваю, сворачиваю... Всё, начальник. Ну не прав, ну извини...

– Ну и скажи об этом людям, – не отставал я.

– Да, товарищи, – громко заговорил Митрич. – Я прекращаю голодовку. Консенсус найден! Но предупреждаю, если вновь будут ущемлены мои права, голодовка станет бессрочной!

Вот же наглец!

Минут через пять площадь опустела.

Я отдышался, привёл мысли в порядок. Если и дальше так пойдёт, чокнуться можно запросто. И тоже пойдёшь сюда с какими-нибудь бредовыми затеями...

Я осмотрелся. Определённо чего-то не доставало этой площади. Чего?

Ах да. Памятника. Некогда, казалось, несокрушимого памятника.

Памятника вождю.

ОХОТА НА ГОЛУБЕЙ

1.

— **С**айфа, – сказал я как можно жалостливее, – но ведь это же мои голуби!

– Может, и твои. Были, – сказал Сайфа.

И сплюнул сквозь зубы. Мастерски сплюнул, далеко и звучно. Мы с пацанами тоже старались сплёвывать с таким вот шиком. Но ни у кого не получалось.

– Ну вот видишь... Отдай, а?

– А я у тебя их брал? Или ты хочешь сказать, что я их украл?

Сайфа ехидно усмехнулся, а шрам на его щеке стал выглядеть просто угрожающе. И что я, третьеклассник, мог сделать шестнадцатилетнему пэтэушнику, который держал в страхе всех пацанов своей улицы? И он знал, что это голуби мои, и я знал. А толку? Самое обидное, что кто-то из наших же украл у меня и ему продал по дешёвке. Оставалось последнее средство, хоть и не хотелось к нему прибегать. И я побрёл на нашу улицу Белинского. Сзади заливисто свистел Сайфа, гоняя моих голубей.

Ладно бы голубей моих сманили угоном – это и кражей-то не считалось, сам виноват, иди потом выкупай, не жалуйся. Но ко мне-то залезли в голубятню прямо на чердак нашего дома – вот что больше всего задевало.

Юра Дружинин «работал с весами». То есть тягал во дворе

своего дома за неимением штанги железнодорожную колёсную пару. Нет, не от обычного вагона, а поменьше, от вагонетки. Но тоже тяжёленькую, я пробовал, подтянул к коленям, на что мне было сурово замечено: «Пупок надорвёшь!».

– Юр, – заканючил я.

Юра, не отвлекаясь, равномерно качал дельтовидные мышцы спины. А чего их качать, когда они у него и так на загляденье всем?

Наконец опустил отягощение на траву, подошёл к колодцу, вытянул ведро.

– Опять? – спросил он через плечо. – Полей-ка!

Он нагнулся, я стал поливать на его широченную спину с буграми мышц, черпая кружкой ледяную воду.

– У-ух! – с наслаждением вскрикивал он. – За штаны не лей!

– Что? Опять Сайфа? – спросил он, растираясь докрасна махровым полотенцем.

– Он, – уныло сказал я.

– Как же вы мне надоели с вашими голубями! Делом бы занялись! – проворчал он, впрочем, весьма добродушно.

Хороший и справедливый парень был Юра, вот только ничего не понимал в голубях. А наше повальное увлечение этой страстью считал пустой тратой времени. Бездельников он не жаловал. Но ещё больше он не любил, когда обижают слабых.

– Ладно, пошли.

Он с трудом влез в тельняшку.

Сайфа по-прежнему стоял во дворе дома, любуясь полётом бойных голубей. Одни сразу шли в столб, другие – кругами. Я залюбовался.

– О, тяжёлая артиллерия! – фыркнул он.

– Кончай, Сайфа, – миролюбиво сказал Юра. – Здоровый лоб, а с малышнёй связался. Отдай Юрке голубей.

– Всем давать – не успеешь встать, – грубо пошутил Сайфа, отчего я тут же покраснел.

Он понимал, что с Дружининым ему не сладить. Но и уступать какому-то сопляку тоже очень не хотелось. Иди потом объясняй. Уличный авторитет так просто не зарабатываешь, а потерять можно быстро.

Ещё Юра не любил долгих объяснений. Поэтому он одной рукой вдруг взял Сайфу за шиворот, другой – за штанину. И поднял над головой. А затем по плавной дуге отправил головой в небольшой стожок сена. Со стороны полёт Сайфы выглядел красиво. Не хуже кульбитов бойных голубей. Пострадавший оценивал ситуацию примерно так же.

– Ну ладно, Юр, – раздался снизу приглушённый голос. – Ну, пошутил – и хорошо. Отпусти!

– Так, значит, договорились? – вновь миролюбиво спросил Дружинин. – Отдашь?

Сайфа ещё немного попыхтел, но сдался:

– Ладно, ладно... Я же тоже пошутил. Ну отпусти!

Юра бережно положил тело оппонента на траву. Сайфа быстро вскочил, огляделся – не видел ли ещё кто его позора, стал отряхиваться. Никто не знал его настоящего имени. Может быть, даже и он сам.

– Приходи вечером, – сказал он, глядя на меня очень неласково.

– Вот и хорошо, – одобрил Дружинин. – Всегда ведь можно

договориться. Хотя чего вы тут делите, что за такое добро эти пернатые – понять не могу!

В данном вопросе позиции Юры оставались неколебимы.

А вечером Сайфа вернул мне голубей. Но не всех. «Позже – остальных», – сказал, глядя в сторону. Ну хотя бы так.

2.

Патрон «винт-410» – штука весьма серьёзная. Похож на пулемётный. Именно с его помощью я уже завалил здесь, на жаркой зимбабвийской земле, буйвола. А знаешь, батя, сколько стоит сертификат на сафари в этом благословенном для охотников всего мира краю? Даже говорить не стану. И лично я никогда бы не купил его. Да время так распорядилось. Незаметно и плавно подвело меня к полувековому юбилею. Н-да... А друзья скинулись и приобрели мне такой вот щедрый подарок: езжай, Юрь Василич, на зимбабвийщину, отведи душеньку! Ох, и отметили же мы это дело!..

А слон стоял неподвижно уже минут десять. Сильный самец стоял, упираясь бивнями в отвесный скальный выступ берега. А должен был упасть. Так мне было сказано. Именно после того, как я вогнал в него пулю этого самого убийственного «винта-410».

Стадо после выстрела взбежало на холм и оттуда настороженно посматривало вниз. Раненый слон не трубил, на помощь не звал, и остальные животные не знали, как себя вести.

Прошло ещё минут пять. Я посмотрел на егеря.

– Стреляй ещё раз, – сказал он.

– Но это же не...

– Хрен с ними, с правилами, – махнул егерь рукой. – Стреляй.

Вообще-то у меня было куплено право только на один выстрел. Но с другой стороны – сколько ещё ждать?

Прекрасная цейсовская оптика сократила расстояние в сто метров до десяти, и пуля точно вошла в предплечье слона, и по телу его словно прошла лёгкая волна. Отдача вновь ощутилась как чрезвычайно сильная.

А слон стоял. Всё так же, не меняя позы. Стояло и стадо.

Я вновь обернулся к егерю. Но тот смотрел мимо меня, будто за моим плечом происходило что-то очень интересное. Я резко повернул голову. Слон бежал на меня. Сто метров скалистых обломков сокращались примерно с той же скоростью, с которой это делала и оптика. Я вскинул карабин. И только тут вспомнил, что он не автоматический. В судорожной попытке вручную передёрнуть затвор я бросил отчаянный взгляд на егеря и одними губами взмолился:

– Стреляй же!

Он выстрелил. Мне показалось, прямо в меня. Я прынул в сторону, запнулся о валун и, падая, краем глаза успел разглядеть, что слон подгибает передние ноги...

– Ну вот, – сказал егерь, передёргивая затвор, – через полгода у вас будет чучело его головы. Прекрасный образец. Поздравляю.

Я потёр ладонью саднящий локоть. Пальцы наткнулись на мокрое, липкое.

3.

– Дядь Коль, голубка отказалась от птенцов! Не кормит! Чё делать-то?

С трудом переводя дыхание, я стоял у лестницы во дворе Пахомовых. Лестница, прижатая к дереву, покачивалась в такт равномерным движениям дяди Коли. Тот отпиливал старые засохшие ветви. С них на меня сыпались кусочки коры.

– Какая голубка? – спросил он, не отрываясь от дела.

– Ну та, что вы мне подарили!

– Раз подарил – значит, она твоя. Так и говори.

– Ну моя...

– А раз твоя – значит, и птенцы твои. Так?

– Ну да...

Я никак не мог понять, куда он клонит. И почему тянет время, когда надо всё бросать и мчаться спасать голодных маленьких птенцов.

– А раз птенцы твои, – неспешно, в такт ножовке, развивал тему дядя Коля, – значит, и кормить их должен ты.

– Как это? – не понял я.

– Очень просто, – терпеливо разъяснял дядя Коля. А может, ему просто скучно было в одиночестве стоять на лестнице и пилить толстенную ветку. – Сколько им уже?

– Пять дней.

– Уже легче. Видел, как другие голубки кормят?

– Сто раз, – гордо сказал я. – Из клюва в клюв. Зобным молочком.

– О! Видишь, ты лучше меня всё знаешь. Ну и действуй. Поберегись!

Я отпрыгнул. Отпиленная ветка с громким шорохом скользнула по ветвям, рухнула на землю и, немного покачавшись, как лодка на воде, застыла.

– Так-то лучше, – удовлетворённо сказал дядя Коля, спускаясь. – Помоги-ка. Кстати, почему тебя адмиралом Нельсоном прозвали? Ты вроде бы не одноглазый, тьфу-тьфу-тьфу?

– Да по фамилии. Неёлов-Нельсон...

– А-а... Ничего прозвище. Боевое. Бывает хуже...

Мы переставили лестницу к другому дереву.

– А где же я возьму молочко?

– Где же ты возьмёшь молочко? – задумчиво повторил дядя Коля, подбираясь к следующей сухой ветке. – Боюсь, что нигде тебе его взять.

И лестница вновь ритмично задёргалась. Обо мне словно забыли.

– Ну так как же? – напомнил я о своём существовании.

– Ты ещё здесь? – удивился дядя Коля. – Так яйцо возьми. Я разве не сказал?

– И... и что?

– Ч-чёрт! – он чуть не сорвался, пытаясь дотянуться до высоко растущего сучка. – Вот же зануда! Свари яйцо, перетри желток и корми. Чего не понятно-то?

– Как кормить-то? С пальца? – всё равно не понял я.

– И чем вас только делают? – негромко поинтересовался дядя Коля, но я расслышал. – Как голубка. Из клюва в клюв, – уже громче пояснил он. – Ну, то есть изо рта, конечно, в клюв.

– А... а как часто? – не отставал я, понимая, что уже изрядно надоел.

– Ну ты же видел, как часто голубка кормит?! – уже с сердцем спросил дядя Коля. – Каждый час.

– А...

– Если не наелся – пищит, отворачивается – сыт, – поспешил он опередить другие мои вопросы. – И всё, чеши отсюда. А то, пока ты тут ласы точишь, загнуты они!

И я помчался домой. Прямо в кухню. Именно здесь жили мои первые голуби. Под кухонным столом, за решёткой из аккуратно прибитых лично мною планочек. Голубка по-прежнему безучастно наблюдала за всем происходящим. Как и голубь.

– Ма, дай яйцо!

– Подожди, скоро картошка сварится, и сядем обедать.

– Да не мне, а для голубят.

Я стал очищать варёное вкрутую яйцо, чертыхаясь от того, что скорлупа никак не хочет вчистую отходить от белка.

Растерев желток в чашке, стал выбирать его ложкой и разжёвывать во рту до состояния кашицы. Когда, к моему удивлению, птенец охотно сунулся ко мне в рот, мама всплеснула руками:

– Да заразу же какую-нибудь подцепишь!

Вошедший в кухню отец действия мои одобрил:

– Вот, правильно. Пока на себе всё не проверишь с самого начала, так ничего в голубях и не поймёшь. И так в любом деле. А ты, мать, не переживай, это же домашние голуби, нет никакой заразы..

Голубёнок ел так проворно из моего рта, словно всю жизнь этим занимался.

– Ишь ты, – умилилась мать. – Ну ровно дитё мамку. А, отец? Собственно, отец-то и подарил мне голубей. Сходил к Па-

хомову, договорился. Но для начала мне пришлось попрыгать за учебниками. Поскольку такой щедрый дар напрямую связывался с хорошей успеваемостью в школе. И я старался. Отец сдержал слово, хоть особо не разделял повального увлечения послевоенного времени голубями. И вообще полагал, что лучше бы я занимался другим, более серьёзным делом. Хоть спортом, например.

Так я и выкармливал. Изо дня в день. Сначала яйцом, потом пережёванной кашей. Увы, выжил только один. Может, у меня на двоих просто сил и умения не хватило... Ведь ещё и голубятню пришлось построить на чердаке – ну не место же птице на кухне!

Спустя месяца полтора, когда я утром выбегал в школу, у калитки столкнулся с дядей Колей.

– Как успехи, голубевод?

Я торопливо изложил ему последние события.

– Ну молоток, Нельсон! – похвалил он. – А двоих бы ты всё равно не выкормил... Самое время посмотреть, как твой питомец летает.

– Да мне сейчас некогда на голубятню лезть! В школу пора!

– А ты и не лезь. Отсюда поднимем.

Я посмотрел на него с недоумением. Пахомов подмигнул мне, вышел за калитку, нагнулся, пошарил в придорожной яме, извлёк из бурьяна половинку кирпича.

– Учись! – сказал он и метнул каменный снаряд в сторону крыши.

Раздался грохот и треск.

– Крышу проломили! – ахнул я.

– О, взлетели! – с гордостью сказал дядя Коля, указывая на вспорхнувших в испуге голубей.

На крыльцо выскочил отец.

– Дмитрич, салют! – приветствовал его дядя Коля.

– Николай, – развёл отец руками, – я думал, кто балуется... А это ты! Уж от тебя не ожидал. Ну ведь здоровый мужик, а чем занимаешься? С детишками... Вон доску мне в крыше проломил... Ну дело ли?

– Да починю я крышу, – извиняющимся тоном сказал дядя Коля. – Ты лучше полюбуйся, какого орла твой Юрка выкормил!

Мы втроём стояли во дворе и молча глядели в бездонную синеву, в которой среди других голубей наравне кружил и мой питомец.

Правда, отец быстро вспомнил, что мне надо в школу, и конечно же погнал меня со двора. Отойдя немного от дома, я оглянулся и увидел через забор, как двое взрослых мужчин всё так же молча стоят рядом и смотрят ввысь.

4.

Я тоже раньше думал, что крокодил – тупое малоподвижное животное, добыть которого не представляет особой сложности. Подошёл к воде, жажнул в упор и всё!

Оказалось, в воде их не бьют. Он просто уйдёт в воду, и поди его ищи там. А на суше к нему не очень-то и подкрадёшься – очень осторожный, оказывается, зверь. И охотиться можно не на любого крокодила. Впрочем, это относится ко всем животным. На самку нельзя, на совсем молодого. Да и стрелять надо не куда попало, а...

– Под улыбку, – пояснил егерь.

– Под какую улыбку? – не сразу понял я.

– Смотришь на его профиль и отмечаешь, где пасть заканчивается на щеке закруглением, туда и стреляешь. Это закругление и называется крокодильей улыбкой. Ничего сложного.

И мы поехали решать эту несложную задачу.

При попытке только приблизиться к стае греющихся на берегу крокодилов – они стремительно сползли в воду и уходили на глубину. А ведь моторка наша шла на самых малых оборотах, почти неслышно пофыркивая движком.

– А почему на леопарда не получится? – вернулся я к утреннему разговору, когда лодка двинулась дальше.

– А у вас срок пребывания здесь всего неделя. Леопарда отслеживать надо примерно столько же, да потом ещё и в засаде сидеть дней... ну, сколько получится. Тут гарантий никаких. В общем, долгое это дело – леопард. О, смотри какая роскошная импала!

Вдоль берега неслась изящная антилопа со здоровенными рогами-пиками.

– Чего ждёшь, стреляй! – подбодрил егерь.

– Так у меня её в сертификате нет, – сказал я, глядя на него с недоумением.

– С импалами не проблема, решим. Этого добра у нас хватает. Стреляй! Смотри, рога какие!

Я с сомнением посмотрел на грациозно скачущее животное. Далековато, да ещё и лодка попрыгивает.

– Ну?!

Я выстрелил. И ведь попал! Антилопа крутанулась в воз-

духе, словно пытаясь рогами отбиться от неизвестно откуда прилетевшей опасности, и стремительно рухнула, подняв клуб пыли.

– Отлично! Никуда не денется. Сейчас сообщу по радиии, рога заберут.

Мы прошли вниз по реке ещё пару километров. Егерь посмотрел на карту. Поднял руку.

– Глуши движок. Сейчас подходим к берегу. Тут река делает поворот, за ним – небольшой островок. На нём их излюбленное лежбище. Подойдём пешком. Старайтесь ступать тише.

Мы выбрались на берег. Солнце стояло в зените, неся земле изнуряющую жару. Пригибаясь и ступая осторожно, стали пробираться сквозь негустой кустарник. Тем не менее вспугнули пару каких-то длинноногих птиц с пёстрым опереньем. Поглядывая на нас с укоризной, они тяжело захлопали крыльями, уходя вверх по течению.

– Всё, тихо! – прижал егерь палец к губам, показывая взглядом куда-то вперёд.

Я стал всматриваться и вскоре разобрал сквозь мешанину ветвей островок метрах в пятидесяти, а на нём с десяток крокодилов.

– Вон, видишь того, на самой высокой точке? Вот это твой и есть.

Крупный самец горделиво занимал самую высокую позицию островка. Через оптический прицел на меня взидала гигантская бородавчатая морда с устрашающе раскрытой пастью, полной зубов. И никакой улыбки я не наблюдал.

– Так улыбка только в профиль видна, – напомнил егерь.

– И как же мне заставить его повернуться в профиль? – задал я, как мне казалось, весьма уместный вопрос.

– Никак. Ждать надо, когда повернётся.

Вот такие дела, батя. Я помню, как ты любил смотреть «Клуб кинопутешествий». И значит, представляешь, что крокодил не относится к разряду самых непоседливых животных. И по прошествии получаса мне уже казалось, что указанное мне изваяние на острове не шелохнётся ни-ког-да! Тело занемело в неловкой позе спортсмена на низком старте. И если бы даже появилась возможность выстрелить, затёкшие руки с трудом подняли бы карабин. А уж прицелиться...

– Стреляй! – подтолкнул меня в бок егерь.

Крокодил действительно повернулся! Вернее, повернул голову в сторону другого крупного самца, решившего поменять свою позицию. И теперь передо мной в прицеле отчётливо рисовался профиль. И улыбка.

Плечо уже привычно и весомо получило от приклада. Гигантская пасть захлопнулась. Клинообразный подбородок, словно отключённый от питания механизм, безвольно ткнулся в траву.

– Молодец! – сказал егерь, помечая карту. – Как и положено – с первого выстрела!

5.

Расстояние от Воркуты до Салехарда – приблизительно триста километров. Самолёт пролетает за час-полтора. У меня есть знакомый штурман, он на этом рейсе уже второй год. Как человек, с детства равнодушный к авиации, я большую симпатию

испытываю к людям лётной профессии. Может быть, потому, что сам не стал одним из них. А ведь был школьный авиамодельный кружок, и незабываемые минуты на соседнем стадиончике, когда собранный своими руками из фанеры и картона аппарат, ровно шумя бензиновым моторчиком, поднимался, казалось, в самое небо... Да нет, он кружил совсем невысоко. Но вполне достаточно для мечты. А ещё голуби... Им не требовался подъёмный механизм, всё у них для полёта было с собой. От природы. Так им повезло с рождения – уметь летать. Но тут уж даже мечтать не приходилось – только наблюдать с завистью...

В окно негромко постучали.

– Мальчишки, что ли, балуются? – сказала мать, разливая чай. – Хотя в такой мороз кто ж гуляет?

– Вот мороз и потрескивает, – усмехнулся отец. – Ладно. Рассказывай дальше, как жизнь студенческая? Что Тюмень? Зазнобу себе там ещё не завёл? До какого числа каникулы?

Но в окно вновь постучали. Негромко, но настойчиво. И словно бы костяшками пальцев.

– Да что ж такое! – всполошилась мать.

Я отодвинул занавеску. За окном, кроме сумерек и сугробов, никого. А как приятно вновь оказаться в родном тёплом доме после учебного семестра, да под ароматный чаёк и знаменитые мамины пирожки неспешно рассказывать внимательно слушающим, каждое слово ловящим родителям о студенческом житье-бытье, о видах на дальнейшую жизнь.

– Да мороз это, – отмахнулся отец. – А и отощал ты, Юрка, на городских харчах.

– Понятно, не у мамы, – согласился я.

– Ещё бы! – усмехнулся отец. – Давай-ка ещё горяченького...

Но вновь постучали в окно. Я раздвинул занавески полностью. В самом углу подоконника сидел голубь.

– Это чей же такой, – всплеснула руками мать. – А ещё примета есть...

А я его сразу узнал. Что не помешало мне удивиться. Отдирая бумажные ленты от форточки, я лихорадочно соображал. Эту пару лётных голубей я подарил тому самому воркутинскому штурману. Я вообще всех моих голубей раздарил перед отъездом на учёбу – младший брат не хотел ими заниматься. И вот этот самый голубь сейчас должен был находиться на расстоянии тысяч километров отсюда.

А он, торопливо впорхнув сквозь клубы морозного пара в кухню, уже уютно устраивался на спинке стула!

Я захлопнул форточку. И мы втроём уставились на прилетевшую птицу.

– Он с Воркуты прилетел! – не веря самому себе, сказал я. – Я ж его Володьке-штурману подарил, помнишь, пап?

– Да не сочиняй! – не поверил отец. – Он небось и до Воркуты не добрался, по дороге сбежал.

– А ведь он наверняка голоднющий, – тихо сказала мать.

Мы тут же насыпали ему разной крупы, что в доме нашлось, на выбор: пшено, гречка... И он не стал заставлять себя упрашивать. Накинулся на корм с аппетитом существа, проделавшего громадную работу. А потом забился под стол, туда, где была моя первая, детских лет голубятня, и прикорнул беспамятно.

– Да нет, точно отбился он по дороге... Ну сам подумай: где Воркута, где мы, – рассуждал отец.

– Да говорю же: с Воркуты он летел, – уверял я.

– Ну да, – посмеивался отец, – Зимой. Через Урал. По каким-таким приборам?

– Да ладно вам. Как теперь узнаешь? Прилетел, живой и слава богу, – гасила спор мать.

– Постой, – встрепенулся отец, – ведь у меня где-то телефон Володьки-штурмана записан. Правда, дело давнее, как бы не изменился номер... Да и Володька небось в полётах весь...

– Давай поищем, пап!

Порывшись в многочисленных своих записных книжках, батя таки отыскал нужный номер.

Междугородка соединяла долго, щелкая многочисленными реле на всём многокилометровом пути соединения от Салехарда до Воркуты.

– Воркута, алё? Салехард вызывает, ответьте Салехарду, – металлически прозвучал голос телефонистки.

– Да, алё, – отозвался сонный, как мне показалось, голос Володьки. – Ты, Юрк? О, привет! Как жизнь студенческая?

И тоже начал спрашивать, как и отец, про зазнобу в Тюмени. Далась им моя личная жизнь! Я его еле перебил:

– Как мои голуби, Володька?

Он чего-то замялся, потом забормотал неуверенно:

– Да знаешь, не хотел говорить... Но голубь пропал. Даже и не знаю, как это случилось... Голубка у меня, в порядке, а он...

– Где пропал? Ты до Воркуты-то его довёз?

– Ну конечно! А где пропал, ума не приложу... А у голубки всё нормально. Ты не переживай, я найду ей пару...

– А я уже нашёл! – завопил я. – И у голубя моего... твоего всё в порядке!

– Откуда знаешь?

– А вот он сидит передо мной и лично докладывает!

Я радостно рассмеялся.

– Постой, постой, – Володька никак не хотел понимать. – Ты хочешь сказать...

– Ну да! Прилетел он! Так что, когда будешь в наших краях в следующий раз, забегай! Он ждёт тебя!

– Ну дела, – сказал батя, когда я положил трубку. – Чудеса!

– Чего только не натерпелся по дороге, – приложила мать ладонь к щеке.

Какая-то мысль не давала мне покоя. А, вот:

– Когда Володька появится, объясни ему, пап. Голубя он, конечно, не удержит, тот опять улетит. Но пусть обязательно выведет несколько пар птенцов. Обязательно! И получит прекрасных лётных голубей. Своих!

Голубок крепко спал. Наверное, крепче всех на земле. Ведь от Воркуты до Салехарда расстояние в триста километров. И он преодолел их отнюдь не на самолёте.

6.

– Как хотите, но я остаюсь здесь, один, – решительно сказал я, опускаясь на землю и опираясь спиной о здоровенный валун. – Вы поймите, у меня же всего один день остался. А льва нет. Куда же я без льва? Это и не охота тогда, а так... Я так и у себя мог дома поохотиться. На кабана...

– Джюри, ты же знаешь, не положено оставлять охотника одного. Не по правилам, – сказал егерь.

За прошедшие шесть дней мы почти сдружились.

– Томми, и это ты мне говоришь о правилах? После слона? Ну перестань...

Лишь шофёр взирал на происходящее безучастно. Я для него был всего-навсего очередным клиентом.

– Ладно, – махнул егерь рукой. – Давай-ка мы и впрямь объедем кругом, вспугнём его, может, он на тебя и выйдет.

Поджарый, загорелый, он легко вспрыгнул в джип, и машина тронулась. Шум мотора вскоре стих. Я положил карабин на колени, устроился поудобнее, изредка поглядывая из-за камня на лужу водопооя. Неумолчно верещали какие-то местные насекомые. Прямо как сверчки у нас дома. А я сидел в полном одиночестве посреди национального парка. Эх, батя, тебе бы сюда со мной!

Отец был страстный охотник. Но очень правильный. И соблюдал все искони сложившиеся охотничьи традиции народов Севера.

– У них учись, – наставлял он меня, пацана. – Хоть раз видел, чтобы они лишнее добывали? Рыбы, зверя берут ровно столько, сколько надо. Почём зря не бьют. Не то что наши – из азарта палят по кому ни попадя! Как в тире, прости господи, – серчал отец.

А у меня заканчивалась отпущенная сертификатом неделя охоты. И в моей коллекции из буйвола, слона, крокодила и антилопы не доставало самого ценного трофея – льва. А без него все мои предыдущие африканские подвиги лично в моих глазах не

казались столь уж блистательными. И как я буду оправдываться перед мужиками?

И ведь что самое обидное, следы львов встречались нам в изобилии, а сам зверь появляться никак не спешил.

Я выглянул из-за камня. Берег у лужи пустовал. Интересно, что за рыба тут водится?..

Отец и рыбак был правильный.

Помню, собрался он ехать в отпуск в Ленинград, к маме, то есть к бабушке моей. Дело было летом. У меня – школьные каникулы..

Н-да, поверить трудно: был Ленинград, были школьные каникулы..

– Надо что-то матери в подарок-то привезти..

– Нельму! – радостно выдохнул я.

– Да? – задумчиво посмотрел на меня отец. – А не сглазишь?

Ладно. Собирайся. С вечера поедем, на ночную.

Ночная рыбалка дело таинственное, завораживающее. Всё обманчиво, каждый звук, каждое движение – не то, что кажется. И мы плывём по Оби, среди невысокого тумана, словно в облаке..

Провяз сильно дёрнулся. Очень сильно. Так дёргала только одна рыба на реке. Мой правильный отец-рыбак сказал:

– Осётр попался. Вот и подарок. Сворачиваем рыбалку – нам достаточно.

Еле затащили сеть в лодку. И замоталось там – действительно, больше стола поленище такое... На ощупь. А темно, не видно толком, что в сети.

– Неужели осётр?

– Ну, сейчас не разглядим. До берега доберёмся, в гараже распутаем, посмотрим.

Добрались... В гараже включили свет, размотали сеть...

А там вместо осетра – во-от такая щука! С мордой, поросшей мхом. Лет тридцать ей, наверно...

Я выглянул из-за камня. Никого.

...Да, тогда у нас там, на Оби, можно было и осетра ловить. Это сейчас он в Красной книге. А раньше на рыбоконсервный завод сдавали по 100–200 осетров каждый сезон. К тому же наш осётр во много раз вкуснее каспийского! И спору тут нет! Тот – мягкий, а у нашего мясо твёрдое, потому что вода холодная. И икра наша вкуснее...

...Из воспоминаний меня вытолкнул звук. Шорох. Голову чуть повернул – лев прямо напротив. Здоровенный самец с тёмно-рыжей гривой. Ждал я его, ждал. И дождался. А пошевелиться не могу. Парализовало. От одного вида этой махины. Одно слово – царь зверей!

Тут и он меня, видимо, почуял. Запах же... Хвостом бьёт... А я по-прежнему не могу пошевелиться. Сижу, думаю, ёлки, а если он на меня сейчас прыгнет... И даже какая-то предательски рабская мыслишка появилась: пусть прыгает, да и конец всему, в первую очередь – этому страху гадскому...

И вдруг как-то сразу вспомнил, что в такие моменты нельзя бояться, а надо, наоборот, его огорошить. Я из-за камня резко так встал – он обалдел. И на мгновение оцепенел. И этого мгновения мне хватило вскинуть карабин. Расстояние – метров 50–60.

Ну, думаю, батя, выручай...

Он и выручил.

Патрон всё тот же – «винт-410» размером с пулемётный. Полетел точно. Под лопатку.

Вот это я адреналинчику хлебнул. И всё думал: а если бы он прыгнул?

7.

– Вся надежда на тебя, Нельсон!

Валерка Клауцан по прозвищу Клоун и все остальные заводилы нашего класса, обступив мою парту, молчали выжидающе.

– Юрка, ты же сам говорил, что ужасно хочешь сходить на «Фантомаса»! Чего ж молчишь? – не выдержала Наташка Подлесных с соседней парты.

Эту атаку я уже не мог отбить. И Наташка прекрасно понимала, чем меня пронять. Она вообще могла бы ничего не говорить. Одного взгляда её из-под длиннющих ресниц вполне бы хватило, чтобы подвигнуть меня и на более серьёзное действие.

– Ну а как я до этих проводов доберусь? – спросил я, понимая, что отступать уже некуда.

– А Волк у нас на что? – сказал Валерка, показывая на последнюю парту, за которой безмятежно жевал пирожок с повидлом Вовка Волков, самый упитанный и рослый пацан из всех наших шестых классов. Да и седьмых тоже. – Он тебя как на лифте поднимет и не вспотеет.

– Два пирожка, – флегматично сказал Вовка. – А в кино газировки купите.

– Во упырь, – усмехнулся Валерка. – Ладно, замётано.

До конца перемены оставалось пять минут. Мы пошли в коридор.

– Сэм и Хырля – на стрёму, – скомандовал Клоун.

Парни разбежались по разным концам коридора, чтобы сигнализировать о появлении преподавателей.

– Волк, подставляй загривок!

Вовка, сопя, опустился на карачки. Я взгромоздился ему на холку.

– Поехали!

Перед глазами медленно вниз поползла синяя краска стены, затем побелка в мелких трещинках. Упираясь левой рукой в стену, я достал из бокового кармана кусачки. Вытянул руку вверх. До проводов в серой изоляции оставалось ещё сантиметров пятнадцать.

– Ладно, слезай быстрее. Сейчас стул принесу! – распорядился Валерка.

– Это уже прямо цирковой трюк какой-то, – засмеялась Наташка. – Смотрите, не грохнитесь!

Сначала Вовка влез на учительский стул, затем я.

– Да не бойсь, – оглядывая коридор, уговаривал Клоун. – Я стул держу крепко.

Процесс действительно всё больше напоминал цирковой трюк. Вовка, причитая, что боится высоты и что два пирожка за такое дело явно мало, медленно выпрямился, одной рукой держась за стену, другой – придерживая мою правую ногу. Стул предательски скрипел.

Но кусачки устремились к цели.

– Только за пластик ручек держись, металла не касайся! – ещё раз напомнил Клоун.

Бах! Коротнуло здорово, словно выстрелили над ухом из

охотничьего ружья. Выронив кусачки, я судорожно ухватился за волосы Вовки. Тот взвыл:

– Отпусти, чёр-рт Нельсон!

– Да всё уже, всё, спускайся быстрее, – сказал Валерка, протягивая ко мне руки. – Ох и здорово бабахнуло! Браво, Нельсон! Ну, теперь «Фантомас» наш!

«Фантомаса»-то мы посмотрели. Потому как держать нас в обесточенной школе не имело смысла, и выпущенные на свободу, мы рванули в кино.

Но потом меня вызвали на педсовет. И все мы знали, что именно этим дело и закончится. Отчитали меня по первое число. Я как мог каялся. Потом в школу вызвали отца. Когда он вернулся домой, спросил:

– Ты хоть понимаешь, что тебя могли исключить? И как нам с матерью людям в глаза смотреть после этого?

– Не могли меня исключить, пап, – сказал я виновато. – Поэтому меня и выбрали перекусить провода.

– Это почему же тебя?

– Да потому что я учусь хорошо! А если бы это сделали Клоун... Ну, то есть Валерка или ещё кто из пацанов... Их бы точно исключили!

– Да? – отец посмотрел на меня задумчиво. – А то я уж начал думать, что зря тебе голубей подарил, а, Нельсон?

– Да конечно же не зря, пап!

– Слышь, мать, – крикнул отец в сторону кухни, – а с Юркой-то можно дружить!

8.

– Юрь Василич, ты уже дома?

– Ну раз звонишь на домашний, чего спрашиваешь?

– С приездом! Тут видишь, какое дело...

Председатель нашей областной секции голубеводов чего-то мялся.

– Ну не тяни, Володя!

– Бельгиец тут приехал...

– Какой бельгиец? К кому?

– Да наш брат, голубятник. Нет, он вообще-то в Россию по другим своим делам приехал. А в Москве ему сказали, что в Тюмени есть изрядные голубеводы. Он и не поленился, маханул сюда на самолёте. Вот же охота пуще неволи!

– Ну и ты, разумеется...

– Ну а кому же ещё, Юрь Василич! Покажи ты ему закрома родины – нехай обалдеет! Как говорится: не только щи и не только лаптем...

Вот, батя. Ты бы, наверно, не поверил в своё время. Да и я бы не поверил, если бы сказали. А у меня сейчас самая большая в России коллекция голубей. Ну а кому же мне похвастать, как не тебе? Ну не бельгийцу же этому...

А он с утра заявился. В сопровождении переводчицы. Невысокий, плотный такой живчик, непоседа, мсье Ганье. Жан-Поль. Почти что Бельмондо.

Он носился вдоль вольеров так, что у голубей головы кружились. И без остановки выпаливал:

– Колоссально! Грандиозно!

Переводчица за ним не поспевала. Высокие каблуки крей-

серской скорости не способствовали. Она сначала пыталась бегать от него ко мне, но потом умаялась и заняла место на середине дистанции между ним и мной. И громко транслировала вопросы и ответы в обе стороны.

– Оу! У вас и амальдины есть!

Да, в этом году в Европе в моде были амальдины – голуби жёлтого цвета в чёрную крапину. У меня такие имелись – португальские, английские короткоклювые.

– О'кей! Вот этих я покупаю! И этих тоже!

– Скажи ему: не продаются...

– Почему? Я даю хорошую цену. Большую цену!

– Да не продаются они...

– Не понимаю! Почему?!

– Переведите ему вот что...

И я начал рассказывать.

На нашей улице пацанов десять держали голубей. Всё было: и воровали, и продавали, покупали, менялись, выкупали. Сам бегал, искал бутылки по помойкам, мыл, сдавал, потом шёл выкупать голубя или голубку, которую у меня сманили. Как сманивали? Поднимали своих голубей, чужой с ними и уходил. И всё, теперь он считался собственностью нового хозяина. Хочешь вернуть – иди выкупай. У меня был рябой голубь, на котором я тоже немало заработал. Я его кидал, и он с любой точки шёл домой. Ему всё равно было, какая рядом стая. Его невозможно было заманить. И со мной частенько спорили: мол, брось ты рассказывать, давай я подниму своих голубей, а ты его бросишь, и никуда он не денется из неё. Я охотно соглашался: давай! В результате мой рябой давал круг с чужой стаей и... пошёл домой!

Но сколько времени я затратил, чтобы приучить его к этому... Сначала накидываешь с расстояния двадцать метров, потом на сто метров отходишь, затем вообще с другой улицы... А от него надо, чтобы с любой точки, как бы далеко она ни была, вернулся домой. Вот он говорит, что десять тысяч долларов предлагает? И мы спорили на деньги. Большие ли? Да, дело происходило до денежной реформы 1961 года. К примеру, билет в кино стоил пять копеек. А чтобы выкупить голубя за пять рублей, надо было ой-ой-ой сколько бутылок отыскать и перемыть. Ведь за неё давали шесть копеек! Десять помоек пройдёшь, да потом ещё отмыть посуду надо. Понимаешь?

– Шесть копеек? – повторил Жан-Поль, всё это время внимательно слушавший. – Что можно купить на шесть копеек?

– Да при чём тут шесть копеек? Не в этом дело. Переведите ему вот ещё что... Я только что вернулся с охоты в Зимбабве...

– О, сафари в Зимбабве! – уважительно кивнул бельгиец. – Мсье может позволить себе такое развлечение. Тогда понятно...

В общем, там, где дело касалось денег, Жан-Поль сразу соображал. Нет, объяснять ему надо по-другому...

– Я вот Ярославскому зоопарку подарил коллекцию голубей. Понимаешь, приехал туда, сходил в зоопарк. Вижу – вольеры, а в них почти пусто. А люди, вижу, трепетно к делу относятся, с большим желанием, страстью... Ну я и подарил. Понимаешь? Тут ещё страсть нужна!

– Страсть? – удивлённо посмотрел он на переводчицу.

И тогда я ему вот ещё что поведал.

Был у меня такой случай на рыбалке. Зловредная щука попалась. Вернее, как раз не попалась. Одну блесну оторвала, две,

три... Потом через два года на том же озере закинул... И вытащил её. Удивительное дело: башка здоровая, а сама – тощая. А почему? Я когда пасть ей открыл, там шесть штук блёсен оказалось. То есть кормиться она не могла. А всё равно хватала то, что движется. Два года так прожила – с шестью здоровенными блёснами в пасти... Понимаешь? Вот какая страсть к охоте!

– О да, – сочувственно кивнул он. – У вас и щукам еды не хватает.

ТЬфу ты! Вот же морока с этими Бельмондо. Он так и уехал. Расстроенный и ничего не понявший.

Но ты-то, отец, меня понимаешь?

ПРЫГАЙ, СИВКА, ПРЫГАЙ!

Зычный голос лейтенанта Краснова долетал с плаца аж до автопарка:

– Курсант Петряев, на месте шагом-м арш!

– Полчаса уже гоняет Гошку, – сочувственно произнёс Лёха Баранов, мой товарищ по институту, а теперь и сосед по казарменной койке.

– Ничего, Сивка хоть и худой, но жилистый, – сказал я. – Да только смысла в этом ни-ка-ко-го! Ну не сделает он из него строевика.

– Поспорить, что ли, с тобой? – без особого энтузиазма спросил Лёха. Потому что тоже сильно сомневался, что Гошу Петряева можно научить маршировать хотя бы приблизительно правильно.

– Лейтенант у нас мужик упёртый, – донёсся из-под машины голос срочника Петьки Демидова из батальона обеспечения. – Он, ежели во что вцепится, не отступит.

– У нас военную подготовку преподавал полковник в отставке. По фамилии Шепель. Страшно шепелявил. Так что и кличку не надо было выдумывать. Шепель он и есть Шепель! Ну ты-то его, Юрка, должен помнить...

– Такое не забывается!

– Помнишь, как он с нами здоровался?

Низкорослый Лёха вытянулся во фронт, одёрнул великоватую гимнастёрку, набрал в грудь побольше воздуха и выкрикнул:

– Ждраштуйте, товарищи штуденты! Мать вашу!

– Ждравия желаем, товарищ преподаватель! – отозвался я в том же духе.

Петька захохотал из-под машины:

– Хорошо вам. Институты окончили, сейчас три месяца сборов – и лейтенанты. Никакой армии...

– А потом возьмёт линейку, – продолжал Лёха, – и пойдёт вдоль рядов стрижку мерять. У кого больше двух сантиметров – гнал стричься. А вообще-то нормальный мужик был...

– А я преддипломную практику, не поверите, проходил на заводе ЗИЛ, – сказал я, протирая фару Газ-66.

– Какого ЗИЛа? Того самого, что в Москве? – заинтересовался Петька.

– Ну да. Там как раз выпускали машины ЗИЛ-130 и 131, которые шли в Камбоджу, во Вьетнам...

– В Анголу их ещё отправляли, – добавил Лёха.

– Ну и как там, на ЗИЛе? – Петька даже вылез из-под машины. – Я одно время думал туда... А вам, вишь, повезло...

– Поначалу нам, а было нас, третьекурсников, тридцать человек, не показалось, что повезло. Поставили нас обыкновенными рабочими на конвейере. А он идёт быстро, не успеваем, выматываемся...

С плаца доносилось:

– Левое плечо вперёд, шагом-м арш!

– А чего конкретно делали на конвейере? – ввязался в разговор и Лёха.

– У меня была операция – установка двигателя на раму и его заземление... На конвейере в основном трудились лимитчики...

– Это которые за жильё? Правда, там можно квартиру заработать? – Петька не на шутку увлёкся.

– Ну, квартиру – громко сказано. А угол в общежитии дают...

– Да хоть в общежитии, – глаза у Петьки загорелись. – Всё-таки – Москва!

– Во-во. Рядом с нами работали такие же молодые пацаны, как ты, ну чуть помоложе, гэпэтэушники с Рязани. Так при первой возможности они, особенно в ночную смену, лом заталкивали в конвейер...

– На фига? – удивился Петька.

– А тот шёл, становясь на дыбы, его, естественно, выключали. И пока его ремонтировали, а это где-то с полчаса, мальчишки спали вповалку. Мастер страшно ругался. Именно от него я тогда услышал, как в народе расшифровывают аббревиатуру ГПТУ: «Господи, помоги тупому устроиться!». И эти пацаны вполне соответствовали такому определению. Ну а поскольку конвейер общий, мы тоже отдыхали.

– Ну и что? Я тоже ГПТУ окончил, – пожал плечами Петька. – И ничего, устроился. Сейчас вот даже командира части иногда вожу... Ну а потом-то привыкли, на конвейере?

– Постепенно втянулись. И даже исхитрились кого-то из нас, студентов, отправлять в буфет за кефиром, хлебом, колбасой. А сами за него выполняли его норму. Поскольку на перерыв давали только полчаса, то все не успевали бы перекусить. Работали: дневная смена, ночная, два дня отдыха.

– А жили где?

– Я же говорю: в общежитии завода. Но только свободное время использовали отнюдь не для сна, а чтобы поближе познакомиться с Москвой.

– Ну и правильно! Я бы тоже! – воскликнул Петька. – Чего видели-то? Расскажи, Юр, интересно же...

– Тогда как раз открылся в Останкине ресторан «Седьмое небо». Билет туда стоил восемь рублей, чтобы постоять на крутящейся панорамной платформе один час... Ходили в Парк Горького. Там показывала свои песни только что начинавшая выступать София Ротару. «Голубые гитары» пели там. Образцов показывал свои куклы. Весёлое было время...

– Ну а толк-то был от работы на конвейере? – спросил Лёха.

– Как ни странно, да. После практики мы должны были сдать преддипломную работу. У меня ею был чертёж поворотного кулака как раз ЗИЛ-130. Сложная штука. Но практику я сдал на отлично. А за три месяца практики хорошо узнали Москву.

С плаца донеслось:

– Рядовой Петряев, на месте шагом-м арш! Стой, раз-два! Перекур – десять минут.

Я прямо физически ощутил, как облегчённо выдохнул Конь.

– Н-да, не позавидуешь Сивке, – вновь сочувственно вздохнул Лёха.

– А почему Сивка? – спросил Петька.

– А потому что – Конь, – сказал Лёха.

– Ничего не понимаю, – помотал головой Петька. – Конь почему?

– Так Гоша у нас шахматист. Мастер спорта, между прочим.

– Ну да! – присвистнул Петька.

– А ещё – иноходец, – добавил я.

– Как это? – не понял солдат.

– Видишь ли в чём дело, он когда марширует, то у него левая нога двигается синхронно с левой же рукой. И с правыми так же. Вот, смотри. Ты или я маршируем вот так.

Я промаршировал на месте.

– Видишь: правая нога – левая рука. И наоборот: левая нога – правая рука. А у него – одновременно. Понял? Так дикие лошади-мустанги бегают. Иноходцы.

Петька поднялся с ватника, который предусмотрительно постелил на цементный пол, ремонтируя машину. Сделал пару строевых упражнений. Сначала так, как он сам привык. Потом, как это делает Конь.

– Ничего себе, – покачал он головой. – Это же неудобно!

– А у него так от природы! Организм так устроен! – сказал Лёха. – И никакой лейтенант Кудрявцев исправить это не сможет.

– Ну, так уж и не сможет, – усомнился солдат. – У нас многие поначалу не могли нормально маршировать. А потом – ничего. Как говорится: сено-солома. Да и лейтенант наш не из тех, что допустит такое нарушение устава. А насчёт шахмат вот что я вам, мужики, скажу...

...Мы вышли из ангара и направились к столовой. Путь наш шёл через плац. Откозыряли лейтенанту. На Сивку было жалко смотреть. На лице Краснова проступала уже какая-то отчаянная решимость. Он посмотрел на часы.

– Курсант Петряев, на месте шагом-м арш! Стой, раз-два!

Сивка покорно остановился.

– Вот что, Петряев, шагом марш на обед. А потом сходи к командиру части и скажи... Скажи, что я послал тебя далеко-далеко... В общем, сам знаешь куда! Шагом-м арш!

– Есть! – с воодушевлением сказал Конь.

И той же неисправимой иноходью двинулся к столовой: ать-два, ать-два!

Лейтенант отвернулся и в сердцах сплюнул.

В столовой, оглядев понуро склонившегося над миской с борщом Сивку, мы с Лёхой перемигнулись.

– Слышь, Гоша, не дрейфь. Мы кое-что придумали. Сегодня же вечером дашь нам сеанс одновременной игры.

– В открытую или вслепую? – уныло поинтересовался Конь.

– А ты и вслепую можешь? – ахнул Лёха.

– А чего тут хитрого, – пожал мосластыми плечами Сивка. – Только смысл?

– Будет тебе смысл... Десять досок тебе хватит? Не много?

– Можно и больше, – равнодушно пожал плечами Конь.

– Ну, тогда лейтенант наш, – потёр руки Лёха.

Вечером после ужина, подшив подворотнички, мы собрались в ленинской комнате. Разогнали любителей телевизора, разложили доски, расставили фигуры. Сивка сел спиной к столам и вперил меланхоличный взгляд в померкший экран «Рубина».

– На всех досках первый ход e2-e4, – сказал Сивка. – И принесите мне пепельницу.

– Остапа понесло, – фыркнул Лёха и посмотрел на часы.

Минут через сорок, как мы и ожидали, в казарму с вечерним обходом зашёл лейтенант Краснов.

– Вольно, вольно, – махнул он дневальному, было приготовившемуся заорать «Курсы, смирно!».

Подойдя к ленинской комнате, лейтенант настороженно принялся.

– А кто это тут курит? – начал он грозно, появляясь в дверях.

Как говорится, картина маслом. Увидев развалившегося на стуле курсанта Петряева с дымящейся сигаретой в зубах, лейтенант ненадолго лишился дара речи.

– Встать, смирно! – скомандовал Лёха.

Громыхая стульями, все курсанты встали. Кроме Коня.

– Да тихо вы все! – цыкнул Сивка. – Мешаете же думать!

Лейтенант перевёл недоумённый взгляд на шахматные доски.

– А кто тут с кем играет? – спросил он шёпотом.

– Он, – указал Лёха на Коня. – С нами со всеми сразу. Вслепую!

Лейтенант уставился на спину Сивки.

– Он? Петряев?! – неверяще проговорил он.

– Да, – сказал Лёха. – Из десяти партий шесть уже окончены.

– И... кто выиграл? – спросил лейтенант.

– Он, конечно, Конь. Мастер спорта всё-таки, – уважительно показал Лёха на спину Сивки. – Ну, то есть курсант Петряев.

– А... а можно и мне с ним сыграть? – спросил Краснов, поправляя портупею.

– А это вы у него спросите, – пожал плечами Лёха и, отвернувшись, подмигнул мне.

План наш срабатывал на все сто. Солдат Петька днём в ангаре поведал нам, что наш доблестный командир, поборник не-

укошнительной строевой подготовки, лейтенант Кудрявцев – заядлый шахматист!

– Да мне как-то неудобно, – замялся он. – Может быть, вы замолвите за меня словечко?

Лёха, естественно, замолвил.

Спустя три часа, когда мы уже готовились к отбою, дым в умывальной комнате уже висел коромыслом. Именно туда лейтенант попросил перейти Сивку, дабы его курение в ленинской не привело к рецидиву со стороны других курсантов. И теперь под журчание струй в раковинах продолжалась командирская битва с курсантом Петряевым. И лейтенант, как говорится, не столько сражался, сколько был сражаем.

Утром, неукоснительно погоняв Сивку по плацу с часик, и вновь безрезультатно, лейтенант остановил его, покачал головой и сказал:

– Ничего, время до окончания курсов ещё есть. И надежда умирает последней. Но вы, курсант Петряев, должны понять: я вас гоняю не за то, что вы вчера обыграли меня, а потому, что мой долг сделать из вас настоящего строевика. Надеюсь, это понятно?

– Так точно! – выпалил Конь.

– Н-да, – прокомментировал Лёха, наблюдавший за происходящим на плацу из курилки, – не больно помогло. Так что, прыгай, Сивка, прыгай!

А вечером перед отбоем соперники вновь встретились в умывальной комнате за шахматной доской. И с тем же результатом. Методично разбивая оборонительные редуты лейтенанта или отбивая его авантюрные атаки, Сивка назидательно приговаривал:

– Я вас, товарищ лейтенант, обыгрываю не потому, что вы меня по плацу гоняете. А потому, что теорию дебютов учить надо более основательно. Понимаете?

Лейтенант скрежетал зубами.

А наши трёхмесячные курсы под Челябинском шли своим чередом. Нас учили водить танк и БТР, стрелять из автомата, пулемёта, наводить понтонные переправы, работать на рации... Инженерные войска многое должны уметь. И теперь, спустя многие годы, у меня только окрепла уверенность в том, что армейская закалка любому мужику на пользу. Много воды с той поры утекло. И София Ротару стала знаменитой. И Останкинская башня горела... Но кроме марш-бросков с полной выкладкой и в противогазах, поражённых мишеней на полигоне и, как следствие, получения лейтенантского звания, вспоминается и неизменное в течение тех трёх месяцев:

– Но вы, курсант Петряев, должны понять: я вас гоняю не за то, что вы вчера обыграли меня, а потому, что мой долг сделать из вас настоящего строевика. Надеюсь, это понятно?

– Я вас, товарищ лейтенант, обыгрываю не потому, что вы меня по плацу гоняете. А потому, что теорию дебютов учить надо более основательно. Понимаете?

Они оказались достойными противниками. Сивка так и не одолел науку образцовой маршрутовки. Ну не дано! А лейтенант так ни разу не одолел соперника в шахматных баталиях. Наверное, тоже не дано.

Да просто Сивка лучше прыгал!

НУ ЧТО ВАМ РАССКАЗАТЬ О НИХ?

Иосиф Юльевич глядел испытующе. Я пожал плечами:

– Да что же вам рассказать о них? Вы ведь учёные. Из Москвы. Больше меня знаете...

Иосиф Юльевич усмехнулся. Вернее, я догадался по шевелению его густой бороды, что он усмехнулся.

– В слове учёный таится убийственная ирония, – сказал он. – Мол, уже всему выучился. И теперь всех чему угодно научит.

Разговаривать было непросто – двигатель вездехода вносил свою весомую лепту.

– Но теоретически, я полагаю, вам о коренных жителях нашего региона всё известно.

Собеседник вновь усмехнулся:

– Именно, что теоретически. Теоретиков у нас хватает. Тех самых учёных, которые сидят по кабинетам. И у них, да и у меня конечно же, сложился некий классический образ представителя коренных обитателей Севера.

– И как же он выглядит?

– Да известные всем шаблоны: он простодушен, чрезвычайно гостеприимен, незлобив. Кстати, до вас мы побывали на острове Шокальского. А в своё, как вы знаете, время там стояли маяки для судов, идущих Северным морским путём.

Я кивнул. Уже давно Северный морской путь не работает.

– Ну так вот. Прилетели на остров Шокальского. Видим – избушка. Заходим. Внутри на толстых цепях подвешена кровать. Живёт там ненец, не старый. Я говорю: ты чего здесь делаешь? Мне поручили, отвечает, я здесь и стерегу. Вечером налили чаю, сидим разговариваем. Вдруг парень вскакивает: мне надо по делам. Мы: куда? Пойду зажгу маяк. Зачем? Для кого? Он так важно говорит: дед мой ещё зажигал маяк и мне передал, и я каждый вечер зажигаю маяк. И вопрошает многозначительно: а вдруг появится ледокол? Странно: да как же ты тут совсем один? Пожимает плечами: привык.

Я кивнул. Сам знал Трофима. Ведь острова Шокальского и Белый принадлежат Ямало-Ненецкому округу. Я их как-то облетал: стоял вопрос о размещении там метеостанций. Да, действительно он один там живёт. Вот насколько ответственные люди. У него оленей штук тридцать-сорок. Через него зимой проходят оленеводы, привозят необходимые продукты. Гусей на острове тьма – можно палкой бить. Рыба тоже. В общем, с пропитанием проблем нет. Но вот то, что человек в одиночестве уже сколько лет...

– Его образ добавил вам что-то новое для восприятия коренного жителя?

– Нет, – помотал головой Иосиф Юльевич. – Пока всё вписывается в известные теоретические представления. Да что я вам рассказываю? Вот вам сейчас теоретик выдаст. Вон, смотрите, как тундру рассматривает. Что твой сканер. Васятка! – окликнул он своего аспиранта, безотрывно разглядывающего окружающее через иллюминатор вездехода. – Что такое День Ворона?

Васятка уставился на нас невидящим взором и заученно затараторил:

– Вороний день: Вурна хатл на языке хантов, Урна-эква хотал – манси, Варнэ яля у ненцев. День прихода весны, традиционно праздновавшийся в день прилёта ворон. Позднее стал отмечаться 7 апреля, на Благовещенье Пресвятой Богородицы, что связано, по-видимому, с христианизацией края. Вороний день – любимейший праздник обских угров и поэтому широко отмечается во всех национальных посёлках ХМАО. В Ханты-Мансийске празднование проходит в этнографическом музее под открытым небом «Торум-Маа».

Иосиф Юльевич глянул на меня. Но из его взора я не понял: гордится он своим учеником или посмеивается над ним? А Васятка тем временем продолжал:

– В представлениях обских угров ворона-покровительница ассоциируется с женским духом, а Вороний праздник – с солнцем. Ворона считалась вестником жизни, покровительницей женщин и детей. Обские угры связывали ворону с прародительницей Калташ-эквай, помогающей при родах, или Торум-эви, небесной Девой-Матерью, принимающей облик вороны. В этот день готовили мясо оленей и других домашних животных, ходили друг к другу в гости, угощались, танцевали традиционные танцы, а также танцы, изображавшие весеннее поведение птиц. Их исполняли женщины, закрыв лица плакатами.

Иосиф Юльевич кивнул. Да нет, парень действительно много знал.

– На краю деревни совершали поры (бескровное жертвоприношение): ставили стол, а на него – жертвенную пищу для

ворон. На берёзы вешали символизировавшие солнце свежие калачи, которые съедали дети. На Казыме к этому дню готовили оленьё мясо и выставляли его воронам с просьбой: «Не троньте наших оленей и оленят». На Северной Сосьве и Ляпине ещё зимой заготавливали мясо убитого на охоте оленёнка, чтобы весной приготовить праздничное блюдо для детей.

Васятка перевёл дыхание и также монотонно продолжил:

– В преданиях ханты и манси вороны выступают покровительницами женщин и детей. Мокрый цап (стружка из мягкой древесины, которая насыпалась в детскую люльку) обычно складывали в одно место на окраине селения под пеньком. И ворона, прилетев с юга, в холодные дни садилась на эту кучку преющего цапа и грела свои лапки. А когда улетала в тёплые края, то, пролетая над селением, приговаривала: «Пусть больше появляется на свет мальчиков, пусть больше появляется на свет девочек. Когда я вернусь сюда весной, будет где лапки свои погреть». Старые люди говорят, что ворона – хорошая птица, потому что всегда радуется рождению детей...

– А какие для Дня Вороны существуют приметы и правила поведения? – прервал его Иосиф Юльевич?

Не моргнув глазом, Васятка отвечал, как на экзамене:

– В этот день нельзя шить, рубить лес, колоть дрова. Примечают: если ворона сядет на низкое дерево – весна будет скорая, а если на высокое – затяжная. Если ворона села на самую верхушку дерева – весной будет «большая вода». По количеству снега в этот день определяют, много ли будет рыбы и ягод.

– Молодец! – не удержался я. – Как по писаному!

– В том и дело, – почему-то вздохнул Иосиф Юльевич. – Терретиков у нас хватает. Отбой, Васятка.

Аспирант как ни в чём не бывало вновь уткнулся в иллюминатор. Я только тут заметил, что его борода, пусть и чёрная, весьма смахивает на растительность руководителя.

– Ну, хорошо. Вот вам соединение теории с практикой. О Золотой бабе, я полагаю, вы слышали?

Юлий Иосифович кивнул:

– Да, о ней много говорили, писали... Даже фильм сняли... До сих пор спорят: она находится на территории какого округа – Ханты-Мансийского или Ямало-Ненецкого...

– А вот вам практика. Один раз летели мы на вертолёт по служебным делам из Салехарда на мыс Каменный. Пролетели больше часа. Вызывает меня командир: Юрий Васильевич, зайди в кабину. Смотрю в иллюминатор: внизу на пригорке стоит белый чум. Из белых шкур.

– Из белых?

– Из чисто белых! Ну, вы знаете, что обычный чум – из обыкновенных серых. Н-да... А вокруг ни нарт, ни следов, ничего. Никаких стойбищ. Я говорю пилоту: Серёга, давай подсядем. Подсели. Зашли. В чуме никого нет. Но стоит на некотором возвышении кресло, покрытое шкурой...

– Белой?

– Нет, серой. Рядом – два сундука с домашней утварью. Но мы не рылись, ничего не трогали. Но чувствуется, что здесь кто-то был. Буквально недавно. Постояли мы, посмотрели. Вышли – в окрестностях и на горизонте никого не видно. А мы спешили. День-то короткий. Я говорю: давайте с делами разберёмся, а на

обратном пути подсядем. Улетели, на месте уладили дела. Возвращаемся. Но на этом месте чума нет! Следы нашего вертолѐта есть. И больше никаких.

– Как это? – собеседник чуть ли не обиделся. – Должно же было хоть что-то остаться!

– Ни-че-го! Может быть, отсюда идут слухи о Золотой бабе. Видите, ставят этот чум, там на кого-то молятся... Вот вам практика. А вы уж, учёные, разбирайтесь...

Вездеход ткнулся носом, замер.

– Приехали, – сказал мой бессменный водитель Виктор. – Выгружайтесь.

Мы спрыгнули на влажную почву берега реки. Потоптались на месте, разминая затѣкшие ноги.

– Вот тут, на берегу, разобьѐм лагерь. Костѐр, уха и так далее. Хальмер – вот там, – указал я на ближайшую сопку.

Учёные, подобно легавым, сделали стойку.

– Да, сходим туда. Но уговор, братцы, как и предупреждал: только смотреть. Ничего не трогать. Я с ненцами договорился, лично пообещал, что никаких проблем с нами у них не будет. Надеюсь, всем всё понятно.

Выгрузив рюкзаки, двинулись к сопке. Виктор остался разбивать лагерь, ставить снасти.

Взобравшись наверх, увидели то, за чем, собственно, и ехали: местное кладбище, или хальмеру. Ненцы хоронят предков в деревянных таких коробах, оставляя их прямо на поверхности, не закапывая. А рядом, тут и там, стоят вкопанные брёвна-идолы. Собственно, смотреть особенно нечего. Но приезжие (за чем же и приехали!) дотошно обошли все

захоронения, внимательно приглядываясь и чуть ли не принюхиваясь.

Через пару часов двинулись вниз. На берегу уже дымился костерок. Виктор уже потрошил рыбу.

– Муксун? – вновь проявил свои познания Васятка.

– Он, кормилец, – подтвердил Виктор.

В ожидании уха выпили немного, закусили строганиной. Васятка недоверчиво принюхивался к съестному, но всё же жевал.

Под испытующим взглядом Иосифа Юльевича я продолжил:

– Есть у нас такая фактория, называется Танама. Через неё оленеводы проходят, отовариваются там. А я туда приезжал охотиться на гусей. Ну и по долгу службы проверял, как ненцев, хантов снабжают. Прилетел я как-то, поднялся на сопку – там чум стоял. В нём две семьи живут. Зашёл я к ним. Смотрю, а они одеты в какие-то ободранные шкуры. Сапоги рваные. Что такое? Спускаюсь вниз. А со мной было несколько человек местных чиновников. Я привёл вниз с собой те семьи из чума, спрашиваю: мужики, в чём дело, почему люди в таком виде? И чум у них дырявый. С одного чиновника снял сапоги, отдал ненцам. С другого – куртку. Отдал. И предупредил: пока не наведёте здесь порядок, буду приезжать и раздевать вас. И чтобы свежим брезентом чум обтянуть, и вообще – чтобы всё, как положено. Чего вы позоритесь? Рядом фактория, которая содержится за счёт бюджета, а в ста метрах от неё две семьи нищенствуют. Как это понять? Головы опустили. И вскоре все проблемы решили...

– А что же ненцы-то всё это терпели? – не удержался Васятка.

Я пожал плечами:

– Конечно, тут не только чиновники виноваты. Может быть, и эти ребята ненцы не ходили, не просили... А Танама – очень интересное место. Там находят клыки мамонта. Берега обмываются, и всё время что-то появляется, то древний череп, то кости...

Поспела уха. Потихоньку смеркалось. Костёр требовал приношений.

– Давай-ка, Васятка, как самый молодой и знающий, пошуй-кай дровишек, – попросил Виктор.

Васятка облизал ложку и побрёл на поиски. Мы придвинулись к огню. Вспомнился мне и ещё один случай:

– У меня день рождения 24 июня. А мы, ещё будучи комсомольцами, всегда в начале августа летали по стойбищам, собирали детей в школу-интернат. В вертолёт – и увозили. А в июне нам дали задание: с 20-х чисел пролететь и посмотреть пастбища. И проследить, чтобы заезжие банды не рубили леса. Красноселькупский, Шурышковский районы у нас богаты ими. В общем, смотреть, чтобы не было незаконной вырубки. И обратно летели мы как раз 24 июня. Темнело. Присели у одной из факторий в тундре. Недалеко от Лаборовой. В фактории живёт мужик...

– Ненец? – уточнил Иосиф Юльевич.

– Да. Неразговорчивый такой, угрюмый... А за нами летел вертолёт, который развозил провизию. Но он задерживался. Я к этому мужику, здороваюсь. Он что-то буркнул в ответ. Я говорю: у меня сегодня день рождения, ты дай нам выпить, закусить, мы посидим у костра, отметим, а завтра прилетит вертолёт, я тебе всё верну. И добавил: я тебе за всё заплачу. Достаю деньги. Он зло так сверкнул на меня глазом: на фиг мне твои деньги! Я говорю:

ну дай нам. Он отрезал: нет у меня ничего. И дверь закрыл передо мной.

– А вы тогда в какой должности были?

– Я работал в Приуральском районе первым секретарём райкома комсомола... Н-да... Ну что делать? Нас четверо. Разожгли костёр, сидим. А у нас с собой ничего. И вертолёт нет, и в фактории нам ничего не дали. Сидим, болтаем, темнеет. В полночь появляется ненец, начальник фактории. Отрывисто говорит: пойдёмте в дом. Заходим. Стол накрыт: еда, выпивка. Садитесь! Сели. Наливает. Говорит: поздравляю тебя с днём рождения. И продолжает: я знаю тебя, ты в Приуралье работаешь первым секретарём райкома комсомола, наслышан, давайте выпьем. Выпили, по другой, разговор затеялся. И тут он встаёт, лезет под деревянный топчан, достаёт большой полиэтиленовый пакет. И вытряхивает из него деньги.

– Какой пакет-то? – спросил Виктор.

– Ну размером... На костюмы в магазинах такие надевают... Гора денег! Говорит: а ты хотел мне заплатить, а зачем мне деньги, сам могу дать, бери, сколько надо.

– Во даёт! – присвистнул Виктор.

– Мы ему говорим: да ты что, как же так можно, ладно мы, нормальные мужики, а какой бандит зайдёт, за такие деньги башку тебе отшибёт! В общем, он просто хотел нам показать, что в чём в чём, а в деньгах он не нуждается. Потом и вертолёт прилетел с провизией. Я говорю: пойдём, я тебе всё верну. Ничего не надо, говорит, я тебя угощаю. Даже друзьями потом стали.

– Но почему же он так вёл себя? – с недоумением спросил Иосиф Юльевич.

– Почему он так сначала себя вёл? Трудно сказать. Может, кого-то из нас не уважал. Они народ такой, если что-то не понравилось – ловить нечего.

– Да, народ такой... – задумчиво протянул Иосиф Юльевич.

Но поразмышлять нам долго не дали. Со стороны сопки раздались какие-то сердитые крики. И только сейчас мы обратили внимание на то, что Васятка подозрительно долго не возвращается. Мы подхватились и бросились вверх по склону сопки.

Наверху, судя по всему, шёл обучающий процесс. Обучали нашего многознающего Васятку. При помощи тумачков. В качестве педагогов выступали несколько ненцев. Просвещение проходило на повышенных тонах. Васятка от каждого тумачка дёргался, как тряпичная кукла, но не падал и не куксился. Мы непрошенной комиссией вмешались в процесс познания. Я как мог успокаивал разошедшихся ненцев. Они довольно быстро признали меня и потихоньку успокоились. Точнее, перестали потчевать тумачками несчастного аспиранта. Краем глаза я заметил, как Виктор деловито прячет за спину топор. Защитник..

Выяснилось, что наш многомудрый аспирант забрёл на сопку в поисках дров. И теоретически выверенным взглядом заприметил сухое бревно. Вполне, по его мнению, для костра подходящее. И оно действительно оказалось сухое. Время его высушило. То самое время, которое выветрило и резьбу с него. И только ненцы знали, что это их идол. Что, впрочем, не извиняло Васятку, и не избавило его от тумачков.

Он всю дорогу к берегу вопрошал низко висящие облака:

– Но откуда же они тут взялись?

Так что Виктору надоело, и он в конце концов пояснил:

– Это называется: народный контроль в действии. Хоть мы с ними и договорились, а они всё же решили проверить. – Он хихикнул. – И правильно сделали!

Мы вернулись к костру. Всю дорогу сердито пыхтевший Иосиф Юльевич плюхнулся на перевёрнутое ведро. Помолчав, в сердцах сплюнул:

– Эх ты, День Вороны!

– Да, – покивал головой Виктор, – народ – он такой.

И отложил топор в сторону.

На взлёт...

Бабушка

Бабушкин внук

С мамой и папой

Мой первый праздник

С сестрой Надей

На коне...

Первоклассник

Моя первая школа

Пятый класс

С братом Борей и сестрой Надей

Семиклассник

1962 год

Старшеклассник – мечтатель

Комсомольская юность

В походе

Присяга

С друзьями

Свадьба

Комсомол – моя судьба

В составе делегации

Уже есть что сказать

ӘССЕ

ХОРОШО БЫТЬ МОЛОДЫМ?

Молодёжь – наше будущее? Да. И с этим вряд ли кто станет спорить. А вот само будущее у наших современников вызывает различные ощущения. Где я и где будущее? Так спросит обыватель, поглощённый сиюминутными заботами. И что мне тогда до молодёжи и её проблем? Свои бы решить...

Но, повторюсь, это точка зрения обывателя. Человек же государственного разума, несомненно, понимает и принимает всю серьёзность и важность такого понятия, как «молодёжь», для любой страны. А уважающее себя государство, а значит, и думающее о будущем, несомненно, приложит все силы и средства для того, чтобы такой огромный энергетический, физический и интеллектуальный потенциал, заключённый в подрастающих поколениях, был направлен, не побоюсь этого слова, в соответствующее и необходимое стране русло. То есть оказался организованным. Что вряд ли оспоримо.

Опыт последних десятилетий убедительно доказывает, что политических и экономических успехов добиваются именно те государства, которые уделяют повышенное внимание молодёжи. Что устойчивое развитие демонстрируют именно те общества, которые пересмотрели систему традиционных взглядов на новые поколения, на систему взаимоотношений между по-

колениями и на их значение для политического и социально-экономического развития.

Очевидно, что стратегические преимущества будут у тех государств и обществ, которые научатся эффективно использовать человеческий потенциал, и в первую очередь тот инновационный потенциал развития, носителем которого является молодёжь.

Как же его эффективно использовать?

И тут я конечно же обращаюсь к своему опыту, к комсомольскому прошлому.

Но тут же слышу голоса... Да что там хорошего было, в вашем прошлом? Казёнщина, формализм, унылые собрания? Да вы шагу не могли ступить без «руководящей и направляющей» партийной указки! И что вообще молодёжь может?

Такие упрёки слышатся мне. И, наверное, какая-то доля справедливости в них присутствует. И в каких-то комсомольских организациях всё вышеперечисленное могло присутствовать.

А я работал не в столичных кабинетах. В Сибири, на Севере. А вы знаете, что в городе Надыме до сих пор стоит стела, на которой написано: «Город с комсомольским билетом»? Средний возраст его жителей тогда был 23–25 лет. Молодые ребята строили города! Я до сих пор помню комсомольско-молодёжные бригады Паши Бареева, Юры Гоцина – они строили молодой город Уренгой.

Мы организовывали эти самые комсомольско-молодёжные бригады. В Тюмени застоя не было! Там всё кипело. При том что да, мы не были обделены вниманием начальства самого высокого уровня. Я работал в Сургуте, в Тюмени – всех видел: и предсе-

дателя правительства, и президентов, и Генерального секретаря. В Тюмени очень многое делали комсомольцы. У нас насчитывалось 18 ударных строек – союзного значения, областного. Ни одна другая область такого не знала!

Многие начальники главков обращались ко мне, к комсомольскому секретарю в конце года, как к последней инстанции: приезжай помощи. В чём дело? Им надо жильё сдавать, а они не успевают. Что мы делали? Собирали всех молодых отделочников Тюменской области, отправляли на эти дома и проводили конкурсы. Ребята буквально за два дня полностью их отштукатуривали. Мы им вручали призы. А я у этих руководителей главков взамен для своего аппарата брал квартиры. Вполне конкретные дела вполне конкретного комсомола.

Поэтому и сейчас остаюсь при своём мнении: школа, подобная комсомолу, нужна России. Просто необходима.

Кстати, я вовсе не одинок в этом вопросе. Любые опросы показывают: подавляющее большинство опрошенных считает, что в России необходима специальная государственная программа по работе с молодёжью. И если старшие поколения чаще говорят о воспитательных задачах такой программы, то молодые – о социальной поддержке и защите, а также о необходимости создания условий для самореализации.

Итак, хорошо быть молодым?

Лучше просто не бывает

И это действительно так. И кто бы из нас, ныне поседелых и заслуженных, положила руку на сердце, не променял бы все свои регалии на возможность ощутить себя ранним весенним утром

юным и энергичным, когда сам чёрт не брат и все пути мира перед тобой?

И пусть старшее поколение считает, что молодёжь отличается от него в первую очередь распущенностью и невоспитанностью. Мы-то, молодые, полагаем, что наше главное отличие – иной менталитет, в основе которого – независимость и самостоятельность.

Но даже старшее поколение признаёт, что современная молодёжь образованнее и умнее, чем молодёжь советского периода. Правда, тут же уточняет, что она не любит работать и не ставит перед собой определённых целей в жизни. А если какие-то цели и ставятся, то в первую очередь – материальное благополучие, деньги.

А мы, нынешние молодые, уверены, что умеем работать и делаем это хорошо. Да, у молодёжи советского периода имелись определённые идеалы. Мы же нацелены на конкретный результат, прежде всего – сугубо прагматический.

О «руководящей и направляющей»

А чем, собственно, она вам не нравилась? Да, комсомол, как резерв партии, тоже пользовался партийной идеологией, но не был заидеологизирован. С другой стороны, партийная дисциплина шла и на пользу. Ведь мы были молодые ребята, не с таким уж большим опытом, горячие. Энергию нашу надо было как-то направлять.

Кадры тогда подбирали довольно серьёзно. Я, например, не мог взять себе секретаря горкома, окружка комсомола, если не согласую кандидатуру с партией, он должен был пройти со-

ответствующую школу. Считаю, это было правильно. Зато очень редко в руководстве комсомола Ямала встречались случайные люди. Тебя проверяли от и до. И только потом рекомендовали. Понятие номенклатура – хорошее, если его правильно использовать и применять. А когда в этом деле хаос и человек сам не понимает, куда и за что его толкают, ничего хорошего не получится. Тогда была система, и работала она здорово. Тебя просто так, будь ты хоть чьим сыном, никуда не брали, если у тебя нет каких-то определённых политических качеств, если ты не умеешь с людьми говорить, если некоммуникабелен. Вот так смотрели. Ну а если чего-то не мог – тебя учили. Для этого существовала Высшая комсомольская школа.

Что тогда означало исключение из комсомола? Это значит, что с молодости вся карьера полетела к чёрту. Ты уже никогда и нигде не будешь на хорошем счету. Нет, работать будешь, но на повышение не рассчитывай. И я считаю такую систему правильной. Конечно, случались и глупые решения. Молодёжь всё-таки горячая...

В Тюменской области в пору моей молодости насчитывалось 72 национальности и нации, поскольку на комсомольские стройки приезжали со всего Советского Союза. Их расселяли по общежитиям. И я своим подчинённым по комсомолу говорил: мы вас держим там, но не для того, чтобы разбирать их по национальному признаку. Есть этническая несближённость среди некоторых наций. Нельзя, допустим, азербайджанца к армянам поселить. Так что соображайте. Но были случаи, когда этому не придавали значения. И случались драки, вплоть до больницы. Конечно, таких секретарей комсомола мы снимали с работы. Этому нас тоже учила партия.

А ещё улица учила. С детства. На моей улице Белинского жили пацаны разных национальностей. Случались у нас ссоры, драки. Но никогда – на национальной почве. Из-за девчонок, из-за голубей, просто за мальчишескую справедливость, как мы её понимали.

Партия понимала: национальная проблема настолько тонкая, что с ней надо очень осторожно. Молодёжь есть молодёжь. Национальные взрывы идут не от стариков. Если вы какую-то молодёжную политику проводите, надо учитывать, что студенчество, школьники – это прежде всего огромный запас энергии, рвущейся наружу. В умелых руках – всё на своём пути снесут. А направить их – дело нехитрое. Пообещать: все последствия на себя берём. И всё. Увы, печальный опыт мы уже имеем.

Кому ты нужен?

Во времена моей юности шёл в наших советских кинотеатрах такой фильм: «Последний дюйм». Из «буржуйской» жизни. Из него мы, пацаны, помнили песню, петую густым басом:

Трещит земля, как пустой орех,
Как щепка трещит броня,
А Боба вновь разбирает смех,
Какое мне дело до вас до всех?
А вам до меня?

Разумеется, нам просто претила сама такая постановка вопроса: какое мне дело до вас до всех? Как это, какое дело? Самое непосредственное. У комсомола было дело до всех и каждого. Какова была структура организации? Центральный комитет

протягивал свои нити к каждой деревне, где только существовала комсомольская ячейка. Посредством этого управления, через районные комитеты комсомола, через городские, областные, краевые организации каждый комсомолец чувствовал себя причастным ко всему, что происходило в стране.

В каждого всматривались. И появлялся шанс у любого. Независимо от того, где он живёт. Ведь сам по себе молодой человек может быть и стеснителен. Или живёт в глухом углу. А молодёжная организация помогала раскрываться. Она подмечала: тот, допустим, изобретатель хороший, тот в чём-то другом талантлив. Изобретателя направляют в совет молодых специалистов или в молодёжное научное общество. И так далее. И ребята раскрывались. Уже заранее можно было предвидеть: из этого парня получится настоящий учёный, из этого – директор завода. Ребята делали карьеру. В хорошем смысле этого слова.

Что я ещё очень ценил в комсомоле? Настоящее комсомольское братство. Я мог приехать в любую республику Советского Союза, пусть в первый раз в какой-то город, и зайти в горком комсомола – меня всегда примут, всё для меня сделают. Существовал неписанный закон: пришёл к тебе комсомолец, независимо откуда он, самый радушный приём тебе гарантирован. Тебе сделают гостиницу. С проблемой, которую ты приехал решать, тебе помогут. И независимо от твоей должности в комсомоле. Вот пример, как надо относиться к человеку, который с тобой в одном союзе, в одной организации.

При ЦК комсомола имелось бюро международного молодёжного туризма «Спутник», которое отправляло делегации за рубеж. На международные форумы. Для любого комсомольца

была большая честь попасть на такую встречу. Скажем, на Всемирный фестиваль молодёжи. Находиться в составе делегации СССР – честь просто головокружительная.

Существовал комитет молодёжных организаций при ЦК ВЛКСМ, который работал со всеми молодёжными организациями мира. Был штаб студенческих ударных отрядов, который занимался мобилизацией студентов. В целом комсомол был очень умной структурой. Все молодёжные направления охватывал. Никто не оставался в стороне и не чувствовал себя изгоем.

Эту схему и надо было сохранить. Да, немножко перестроить, убрать идеологию, сбить излишнюю высокую пафосность, чтобы попроще с молодёжью работать. То есть оставить структуру, в которой ты себя чувствуешь востребованным членом.

Припоминается такой случай. Я из Москвы улетал, взял билет, сидел в зале, смотрю, стоит женщина довольно молодая у кассы и плачет. Наблюдаю: ни к кому не подходит, стоит плачет, а около неё девчонка. Я подошёл, говорю: женщина, что случилось, может, я чем помогу? Она говорит: неудобно говорить, но украли деньги, и мы вот с дочкой не знаем, что делать. А видно, что она не асоциальный элемент, не побирается. Чувствуется, действительно так случилось. Откуда, говорю. С Надыма. Предлагаюсь: я губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа, чем помочь. Долететь бы нам до дома. Достаяю деньги: покупай два билета. Она: да я всё верну. Адреса я у неё брать не стал. Но через две недели пришло благодарственное письмо и деньги.

Вывод? Мы в комсомоле не боялись делать человеку добро. Не спрашивая его имени и адреса. Были уверены: добро добром отзовётся.

Иных уж нет, а те – далече...

Секретарём окружкома комсомола я приехал в Новый Уренгой. Город только строился, только начали добывать газ. Среди жителей и рабочих много молодёжи, комсомольско-молодёжных отрядов. Стояла осень. А в это время года комсомольцы обычно выходили на субботник. В таких вот молодёжных городах комсомольцы сажали деревья в школах или разбивали скверы. И соответственно называли: Комсомольский, например. Помню, во время субботника один парень водитель сдавал задом на грузовике и два деревца в сквере помял. Я его останавливаю. Говорю: а ты сюда зачем приехал? Он: город строить. Я говорю: твои товарищи посадили деревья, здесь будет комсомольский сквер, и дети твои будущие, может, будут тут играть, а ты так варварски поступил. Он извинялся, конечно. Прошло время. Приехал в Новый Уренгой, уже будучи губернатором, на какое-то крупное мероприятие. В холле после выступления, когда расходились, ко мне подошёл мужчина, говорит: Юрий Васильевич, вы меня не помните? Я говорю: в комсомоле вместе работали? Нет, говорит, я два дерева сломал на машине. И продолжает: вы были правы, у меня теперь внуки в этом сквере играют.

Так мы жили – одной семьёй. И наши будущие семьи чувствовали на себе последствия наших общих дел. Осознание причастности к общему делу нас и объединяло.

Свято место пусто не бывает. Молодёжь, оставленная вниманием государства, всё равно объединяется. Например, в криминальные сообщества. Отсюда правовой нигилизм, отсутствие социальной воли, «стадный» инстинкт. Далее – деформация духовно-нравственных ценностей, размыв моральных ограничи-

телей на пути к достижению личного успеха. Вам это нравится? И кому это на пользу?

Постойте, а как же раньше молодой человек вовлекался в социальную жизнь?

Семья нынче несёт повышенную социально-экономическую нагрузку и вынуждена сосредоточиться на решении проблем жизнеобеспечения в ущерб воспитанию.

Школа, занимаясь в основном процессом передачи знаний, во многом утратила влияние на иные стороны развития личности.

Улица как институт социализации имеет возможность позитивно выступить в этой роли лишь при условии специально организованной работы по месту жительства, которая в настоящее время отсутствует.

Такие традиционные ранее институты социализации молодёжи, как внешкольные воспитательные учреждения, армия, профсоюзы, трудовые коллективы, в значительной мере утратили своё влияние.

Общественные молодёжные объединения играют явно недостаточную роль. Да и кто их нынче знает? Во всяком случае не молодёжь в своей массе. Существующие несколько движений типа «Росмолодёжь», «Наши» или «Молодая гвардия» созданы тоже при партии. Что называется, трутся у сапога. И на большую популярность заведомо рассчитывать не могут. Да только партий нынче далеко не одна.

Традиция религиозного воспитания во многом утрачена и сегодня только начинает возрождаться.

А что же государство? В постсоветский период потреби-

тельское отношение к молодёжи в сфере экономики и труда сменилось не востребованностью. Настороженное, недоверчивое отношение в сфере политики сменилось откровенными манипуляциями. Молодёжь рассматривается исключительно как электоральный ресурс. Тотальный контроль в сфере культуры сменился безразличием и передачей данной сферы под влияние массмедиа и индустрии развлечений. Назидательно-опекунское отношение в духовно-идеологической и воспитательной сферах трансформировалось в непонимание и безразличие со стороны старших поколений. Не мудрено, что лишь 10–17 процентов молодых людей считают, что государство проводит молодёжную политику. А 55–69 процентов считают, что это не делается вообще!

И тут в лидеры вырываются СМИ. Именно им сегодня в современной молодёжной среде принадлежит лидерство в формировании сознания и мировоззрения, жизненных ценностей, образцов для подражания. Но при этом продукт массовой потребительской культуры во многом способствует росту агрессии и нравственной распущенности в молодёжной среде, лишь усиливая негативные тенденции в её развитии. Поскольку сей вид бизнеса построен на культивировании потребительства, примитивных человеческих инстинктов.

Опыт – сын ошибок трудных

Ссылкина собственный опыт безконкретных предложений – старческое брюзжание. А его и так довольно приходится на долю молодёжи.

В 2002 году я оказался в составе Президиума Государствен-

ного совета Российской Федерации. Именно тогда, памятуя о большой комсомольской школе, из стен которой вышел, я приступил к разработке молодёжной доктрины. Пригласил лучших учёных России, представителей Высшей комсомольской школы, ректоров вузов, всех тех, кто всю жизнь отслеживал работу комсомола. Пригласил молодых ребят, которые состояли в комсомоле и обошлись без этого.

Все, кто принимал участие в разработке и обсуждении доктрины, были убеждены: молодёжь необходимо начать рассматривать как активную общественную силу и стратегический ресурс развития страны. Это требует в современных условиях выделения молодёжной политики в качестве одного из основных общенациональных приоритетов.

И мы выработали комсомольскую доктрину.

В основу её легли обобщение практического опыта работы федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления. Базировалась доктрина на современных теоретических представлениях о молодёжной политике, данных статистики и социологических исследованиях, на анализе отечественного и международного опыта.

Она представляла собой свод официальных взглядов и подходов государства к роли и значению государственной молодёжной политики, систему целей её и задач и основных направлений. Доктрина предусматривала необходимость коренного изменения подходов к формированию, управлению и реализации государственной молодёжной политики, устранение негативных изменений в характере отношений государства и общества к молодёжи. Нацеливалась на активизацию

действий всех органов государственной власти и институтов гражданского общества по обеспечению государственных и общественных интересов в процессе социального становления молодёжи.

Доктрина предполагала участие в программах молодёжной политики неправительственных, общественных организаций. Основывалась на положениях Конституции Российской Федерации, законодательства РФ, на общепризнанных принципах и нормах международного права.

В рамках доктрины государственная молодёжная политика была призвана создать механизмы взаимной ответственности.

Государство ответственно перед новыми поколениями россиян за социально-экономическое, экологическое, культурное состояние страны, а новые поколения ответственны за сохранение и преумножение её потенциала, обеспечение преемственности и поступательного развития.

При этом важнейшим партнёром государства в реализации основных направлений государственной молодёжной политики мы рассматривали молодёжные общественные объединения...

...Доктрину не приняли. Её даже побоялись вынести на обсуждение Президиума Госсовета. Да, она оказалась очень новой, смелой. Более того, посчитали её очень революционной.

А позже часть положений нашей доктрины уже использовали, выдавая за своё...

Итак, хорошо быть молодым? Конечно.

Но ещё лучше быть молодым не самому по себе, а в государ-

стве, которому жизненно необходимы лучшие качества новых поколений: настрой на изменения и отсутствие страха перед переменами, целеустремлённость, энергичность и работоспособность, мышление, не замутнённое давлением идеологии, желание получать новые знания и развивать интеллект.

СВОЙ МУЗЕЙ – КАЖДОМУ!

Да, я действительно считаю, было бы здорово, если бы каждый человек оставил после себя музей. В полном смысле этого слова.

Конечно, после любого человека что-то остаётся потомкам. Доброе имя, славные дела, фотографии. Или недвижимость. В конце концов, могильный холм, на который можно прийти и помянуть предка добрым словом.

Но я всё-таки говорю о полноценном музее. В отдельном, специально отведённом доме. С масштабной экспозицией, тематическими стендами, содержащими материальные носители личного прошлого.

Понятно, не каждому такое по силам и средствам. А кому-то такая идея покажется вообще бессмысленной.

Я же благодарен судьбе, что смог воплотить свою задумку в жизнь и ни разу не усомнился в целесообразности свершённого.

...Сколько помню, жена всегда ругалась: вечно ты копишь всё своё барахло, да выброси ты его! Да, я ничего не выбрасывал и не выбрасываю. И, конечно, при переезде хлопот хватает – масса больших и маленьких коробок, связок, пакетов процесс перемещения из пункта А в пункт Б серьёзно затрудняют. Но, когда начинаешь обустраиваться и раскладываться на новом месте,

тебя каждый раз, словно заново, охватывает радостное чувство, чувство узнавания – знакомства – обретения.

Детство моё прошло в Салехарде, на улице Белинского, в доме бабушки. Где же мне и было создать мой музей, как не в городе детства?

Да, слава богу, у меня имелись средства на то, чтобы приобрести двухэтажное заброшенное здание, отреставрировать его, нанять ребят-дизайнеров, с большим вкусом и мастерством воплотивших давно мною задуманное.

Вот старое бабушкино радио. По нему в июне 1941 года объявили о начале войны. Вот ещё один её старый радиоприёмник, вот её прялка.

А здесь моё самое раннее. Кружка, миска и железнодорожный костыль с 501-й стройки, где я родился. В полубиографической книге «Движим судьбой Ямала» я вспоминал о том лагере, где работал мой отец, и об обитателях 501-й. Не буду подробно останавливаться. Да, это те самые печально знаменитые лагеря. А значит – не только моя личная память. И вообще, наверное, нам только кажется, что наши персональные дела и деяния касаются только нас. На самом деле – это история нашего рода, края, страны...

Вот генеалогическое древо рода Неёловых. И я не хвастаюсь, что смог воссоздать его до столь древних времён. Хвастать тут нечем – это мой долг перед предками.

А здесь мой долг уже перед потомками – мои пластинки, мой первый фотоаппарат, первый фотоувеличитель.

Наверно, сейчас говорить об этом не модно, но я никогда не скрывал, что лучшие мои годы я провёл в комсомоле. Ему я обя-

зан большой жизненной школой. И я старался быть достойным высокого, без ложного пафоса, звания комсомольца. У меня, кажется у единственного в стране, есть все комсомольские награды: от простого значка до почётного знака ЦК ВЛКСМ. Вот куртка, в которой я шёл в составе нашей делегации, представлявшей СССР на молодёжном фестивале молодёжи и студентов в Москве. Куртка студенческого строительного отряда. Аэрофлотовская форма с тех времён, когда я три года проработал в Салехардском авиаотряде.

Вот мы сейчас улыбаемся над лозунгом «Кадры решают всё!». А ведь он актуален и сейчас. Партия очень умно подбирала кадры. Проходимцы попадались крайне редко. Да, тебе давали делать карьеру. Но и с тебя требовали, чтобы ты был порядочным, проверяли, наблюдали: можешь ли работать с людьми, доверяют ли они тебе? Школа была мощнейшая, кадровый потенциал был могучим, отбирали по-настоящему лучших.

Мы делали комсомольскую карьеру, в лучшем смысле этого слова, строго и последовательно. Я прошёл от секретаря первичной комсомольской организации до первого секретаря ведущего Тюменского обкома комсомола. И ни одну ступеньку в этой карьере не пропустил. Потом ушёл на партийную и советскую работу. И сейчас сам удивляюсь: у меня есть все удостоверения – от председателя сельского совета до члена Верховного Совета СССР. Все ступеньки прошёл: сельсовет, район, округ, область. Так, наверное, и надо строить карьеру. Тогда человек обладает знанием государственного строительства в полном объёме: как живут все субъекты страны. Хоть и немного работал на производстве – три года, но потом, будучи уже в политике,

не раз возвращался к тем моментам, когда общался с простыми шофёрами. А это такой контингент, который пошлёт на три буквы, не задумываясь! Если не можешь с ними управляться или они тебя не уважают. И я знаю, чем они жили и живут. А вот когда из лекторов попадают на высокие посты без всякого представления о реальной жизни страны и её людей – тут-то и начинаются беды...

Опять же, думаю, потомкам будет приятно осознавать, что я один из немногих, кто побывал во всех странах мира. И в каждой из них я приобретал сувенир для будущего музея. Получился весь мир в одной витрине. И в центре его стоит большой глобус, у которого, как положено, есть Северный и Южный полюс. Я побывал на обоих. Тому свидетельством моя куртка полярника и сапоги. Грамота Почётного полярника, которую мне официально вручили на Северном полюсе. Чучело королевского пингвина.

Также немодная тема – заявлять, что ты атеист. Но и этого я не скрываю. Хотя с исключительным уважением отношусь к Церкви. Да и как же может быть иначе в стране с богатейшими христианскими традициями? В стране, где для многих Вера и Храм – единственное светлое во мраке порой повседневного отчаяния? Об этом я помнил, помогая Церкви восстанавливать и строить храмы на Ямале. И не как награды, но искреннюю благодарность воспринимал многочисленные подаренные мне иконы, награды Церкви, сервиз от самого патриарха Алексия II. Всё это – экспонаты отдельного стенда. Как награды и подарки от других конфессий.

Для Тюменской епархии мы недавно приобрели автобус на

34 места за три миллиона из нашего фонда – Фонда содействия Северным и Арктическим территориям «Север наш!». Я давно с владыкой знаком – архиепископом Тюменским и Тобольским Димитрием. У них четыре сотни детей учатся в семинарии, в иконописной школе. Им автобус просто необходим, чтобы ездить по музеям, по храмам, наяву видеть рукописные творения мастеров прошлого! Как-то владыка сказал: сложно нам, всё время приходится транспорт просить, кто-то даст, а кто-то и откажет, хотелось бы иметь свой. И мы приняли коллегиальное решение в фонде: выделить три миллиона рублей и купить им автобус.

Наш фонд тоже считаю частью моего музея. Откуда появилась мысль о фонде? Я 16 лет был губернатором. Да и сам родился-вырос в приполярном круге и видел, что многие территории серьёзно обделены. Чем? Расстояния большие, транспортная схема плохая. И семьи, живущие там, просто не в состоянии дать возможность своим детям учиться там, где хотелось бы. А люди там очень талантливые. В школах-интернатах, где я часто бывал, не раз убеждался, что националы – ханты, ненцы, селькупы – люди очень одарённые от природы. У них чувство красоты природы в генах. Очень музыкальны. Прекрасный слух. Всё, что связано с природой, они чувствуют гораздо тоньше, чем мы. Замечательно рисуют. Очень хорошо поют. Наши знаменитости всемирно известны: Лена Лаптандер, Гавриил Лагей. Тот пел в художественной самодеятельности посёлка Белоярск, а потом окончил школу Ла Скала! И у меня возникла мысль создать фонд, который бы поддерживал одарённых детей. И у нас девчонка-ненка стала чемпионкой мира по шахматам в своей

возрастной категории. В основном мы занимаемся благотворительностью, меценатством для северных территорий. Поддерживаем экспедицию к могиле Баренца, чтобы поднять каравеллу оттуда. Профинансировали международный фестиваль, на который приехало много одарённых детей с Ямала. Поддерживаем ежегодные Арктические игры, которые проходят в Канаде. Рассматриваем все интересные проекты. Финансируем фильм «Тайна Снежной королевы» – главные спонсоры. Я возглавляю попечительский фонд ездовых собак. Сейчас строится мощный туристический комплекс на Ямале – мы туда завозим 30–50 хороших ездовых собак, будем использовать их для туризма.

Вообще животные – отдельная часть моего мира.

Давняя, с детства, любовь моя – голуби. Из года в год расширялась моя коллекция, основу которой заложил отец, подаривший мне, школьнику, пару диких белых за хорошую учёбу. А теперь я уже пытаюсь выводить собственные породы. И за витриной – многочисленные награды со всевозможных выставок голубей.

Я никогда, тьфу-тьфу-тьфу, не болел и не валялся в больницах. Наверное, этому во многом способствовали другие мои сильные увлечения – охота и рыбалка. Свежий воздух, нормальная физическая нагрузка во время общения с Природой позволяли мне пребывать в гармоничном отношении со своим здоровьем. И потому отдельный стенд – охотничий. Мои ножи, ружья. С ними связаны различные воспоминания. Вот мы с другом, Сергеем Корепановым, идём на охоту. Прекрасный руководитель, замечательный человек и надёжный друг, Сергей отличается удивительно безалаберным отношением к оружию. Мы

карабкаемся по горному склону. И тут я замечаю, что курки его допотопного ружья – взведены! Я ничего не успеваю сказать, потому что Сергей вдруг поскальзывается, падает, от удара о землю курки спускаются. Заряд дроби пролетает в опасной близости от моей головы.

– Чуть не убил! – рассказываем мы эту историю губернатору Тюменской области Леониду Рокецкому. Тот, памятуя о непростых отношениях тюменцев и ямальцев, лукаво комментирует:

– Так давайте я вам ещё одну охоту устрою, чтобы довести дело до конца!

Он же, во время пребывания на одном из оборонных предприятий Урала, выслушивая жалобы директора завода на слабый спрос на продукцию, в том числе ракеты, уточнил:

– А твоя ракета из Тюмени до Салехарда долетит?

– Конечно! – с воодушевлением отвечает директор.

– Тогда я бы купил одну, – вновь, не без лукавства поглядывая на меня, говорит Рокецкий...

...Впрочем, я отвлекаюсь. Да и как не отвлечься у этих стендов, где за каждым экспонатом целая история. И конечно же, повторю, не только моя.

Ну и рядом с охотничьим – рыбацкий уголок. Хотя непосредственно под трофеи охоты и рыбалки отведён другой домик, охотничий, недалеко от музея, словно продолжение его. Там чучела зверей и рыб, добытых вот этими шершавыми руками. Медведи, лось, косуля, кабан, щуки, окуни. Птицы всех видов.

Невероятное многообразие проявлений фауны и флоры всегда приводили меня в восхищение. Не знаю, кто так создал, Творец ли, Природа, но лично я рад этому безмерно. И по мере

сил стараюсь восполнять тот урон, который вольно или невольно причинил окружающему миру. Своими руками посадил аллею дубов, аллею лип. И считаю их продолжением моего музея. Помимо голубей, содержу собственный зоопарк. Особенно не афиширую, но у меня в Тюмени живут чёрные и белые лебеди, фазаны, гуси, дикие утки, которых я приручил, дикие гуси... Живут страусы, два верблюда, три маленьких американских пони, белая ослица и чёрный осёл и так далее. В общем, такая коллекция, которая мне приносит удовольствие. Эх, видел бы отец... Индюки породистые, кролики-великаны. И всё это не ради, что называется, куска мяса, а для души. Мне нравится утром встать, пойти покормить их, посмотреть, всё ли в порядке. У меня обитают павлины – вольным способом. Я их весной выпускаю, и они гуляют до самого первого снега. Спят на сосне, бегают где хотят. А! Страусы давно живут, лет восемь. Вольеры для них сделаны с будками, в которых тепло. На лето я вольеры закрываю, и в тёплое время, летом и осенью, эти странноватые птицы гуляют свободно. А у верблюдов просто навес с сеном – они там и спят...

И все они – словно тоже часть моего музея. Как и полсотни кустов разноцветных пионов, которые я обожаю за запах и буйство цветения. Мало чем им уступят в красоте кусты моих роз. Из каждой поездки привожу не только сувениры, но и какое-нибудь растение. Недавно привёз из Канады особый сорт северного тюльпана, высокого, в отличие от наших короткоствольных, ярко-алого... Жаль, конечно, что наш ямальский климат не позволяет выжить многим экзотическим растениям, уж я бы нашёл им место в моих питомниках...

Один из самых дорогих моему сердцу стендов: фотографии с известными людьми, моими добрыми знакомыми. Тут и покойный ныне Виктор Черномырдин, Рэм Вяхирев, другие именитые политики. Выдающиеся наши мастера культуры – Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, с которым не раз ездили на различные олимпиады, Владимир Винокур. Анатолий Карпов, другие великие спортсмены. Помню, как наш прекрасный композитор Александра Пахмутова сказала:

– Я музыку могу написать к любому тексту, хоть к квитанции из химчистки!

Она и замечательный поэт, её муж Николай Добронравов, мои хорошие знакомые.

Комсомол давал возможность побывать и в различных молодёжных лагерях отдыха. Вспоминается эстонский «Ноорус». Там я познакомился с поэтом Глебом Горбовским и поэтом Виктором Гином. Буквально на моих глазах они написали песню «Папа, подари мне куклу», и я стал первым её слушателем. Там же подружился с композитором Александром Морозовым и его супругой...

Люди, с которыми нас свела судьба, стали частью моей памяти, а значит – и музея. Но ведь и я стал частью их памяти! Всегда помню о том, какое впечатление останется от меня у людей.

И спасибо им, люди тоже меня помнят! В моём архиве множество писем со словами благодарности. Некоторые из них я приведу на страницах книги. Чтобы воздать должное этим неравнодушным людям, которые помнят добро. А значит, и сами на него способны.

Вот письмо из Железноводска:

«Уважаемый Юрий Васильевич! В День Вашего рождения решил обратиться к Вам с этим письмом. Обращаюсь как ветеран ВОВ, защитник блокадного Ленинграда и патриот рыбной промышленности, проработавший много лет инженером-энергетиком на Салехардском к/комбинате и Ямалгосрыбтресте 20 лет механиком узла связи треста. Трудился рядом с замечательными людьми, много сделавшими для становления и развития комбината как передовика рыбной промышленности страны. Я до сих пор внимательно слежу за развитием родного производства и города Салехарда при Вашей помощи. Веду переписку с ныне здравствующими соратниками и друзьями.

Хочу выразить Вам глубокую благодарность за то, что Вы обращаете большое внимание и вложили большой труд в реанимацию затухающего в последнее время нашего родного предприятия, проявляете большую заботу о ветеранах предприятия!

В день Вашего рождения и наступающего в 2010 году юбилейного года округа от всей души поздравляю Вас с этими замечательными событиями в Вашей жизни. Искренне желаю Вам крепкого здоровья, семейного счастья, добра и мира, благополучия в Вашей семье! Долгих лет жизни, наполненной удачной деятельностью по руководству округом! Любовью близких и уважением друзей и коллег по работе.

Пусть Ваши дни идут легко
И просто замечательно.
Удача светит маяком,
И ждёт успех блистательный!
Пусть будут верными друзья,
Дела благополучны.

И будет всё, как Вы мечтаете,

А может, даже лучше!

Желаю Вам ещё много лет руководить округом, чтобы он процветал и приносил Вам удовлетворение от Вашего много-трудного труда на благо России!

С глубоким уважением Миллер Юрий Николаевич».

Порой именно такие бесхитростные строки берут за душу сильнее, нежели профессиональные. Потому что здесь – чистое, искреннее чувство. Подобное же испытал я, получив такое незатейливое на первый взгляд стихотворное послание. Если бы не подпись:

«Отдыхать приехали мы в Китен,
В небольшой болгарский городок:
Два Серёжки, Алёшка, Гришка,
Юрка, Ольга и Маринка.
Здесь мы дружно отдыхаем,
И компьютер изучаем.
Здесь мы учимся опять
Нашим телом управлять.
Напрягаться, расслабляться,
Прыгать, бегать, загорать,
Далеко не заплывать.
И конечно же морским воздухом дышать.
Здесь мы не соскучимся,
Петь, говорить научимся.
Давайте же скажем спасибо тому,
Кто сил не жалеет для нас.

Давайте же скажем спасибо тому,
Кто денег находит для нас.
Давайте же скажем спасибо, друзья,
Неёлову Юрию Васильевичу –
Губернатору и администрации
Ямало-Ненецкого округа РФ
За счастье наших матерей,
За мир и радость для детей.

II отряд лагеря “Ямал-2000”
Дети с ограниченными возможностями».

Приложение к детскому посланию разъясняет происходящее:

«Совет капитанов лагеря труда и отдыха “Ямал-2000” выражает глубокую признательность Губернатору Ямало-Ненецкого автономного округа Юрию Васильевичу Неёлову за создание лагеря “Ямал” в Болгарии. Ваши усилия, направленные на организацию и поддержку лагеря, не пропадут даром. Тепло болгарского солнца и счастливые дни в кругу друзей мы увезём на Ямальскую землю, как самое радостное воспоминание.

С уважением совет кэпов смены “Одиссея успеха”».

Как ни банально это звучит, но жизнь у нас одна. И если взрослый человек многое может вытерпеть и что-то даже изменить в своей судьбе, то ребёнок запомнит детство именно таким, какое оно, единственное, у него есть. А нашим ребятишкам пришлось оказаться со своим детством порой не в самых лучших временах и условиях. Я старался как мог добавить им в их

совсем нежные годы побольше солнца, тепла, участия. Удалось ли? Судите сами:

«Благодарственное письмо члену Совета Федерации Юрию Васильевичу Неёлову

Организационный комитет Всероссийского конкурса юных вокалистов “Солнечный зайчик” выражает глубокую признательность за большой вклад в развитие детско-юношеского творчества, выявление и поддержку талантливых детей, за возможность раскрыть их творческий потенциал и показать высокий художественный уровень сценического мастерства, большую плодотворную работу в области становления и расширения культурных и дружеских связей между регионами.

Надеемся, что объединившись вместе в деле воспитания подрастающего поколения, мы сможем сделать будущее наших детей процветающим и счастливым.

Директор Муниципального культурного центра г. Рязани,
Генеральный директор конкурса В.В. Колчаев».

Особенно радует меня география происходящего. Слава создателю, одарённым детям рады везде. И в Республике Коми:

«Уважаемый Юрий Васильевич!

Примите мою искреннюю благодарность за участие делегации Ямало-Ненецкого автономного округа в межрегиональном фестивале детского творчества “Сияние Севера” и научно-практической конференции Союза городов Заполярья и Крайнего Севера “Нравственное и эстетическое воспитание детей и подростков в условиях Севера”, который проходил в столице Республики Коми – городе Сыктывкаре с 28 марта по 1 апреля 2000 года.

С уверенностью могу сказать, что нашими общими усилиями состоялся великолепный праздник детского творчества. И впредь при поддержке фонда культуры “Север” мы сможем внести реальный вклад в духовное развитие подрастающего поколения Российской Федерации XXI века.

С наилучшими пожеланиями Глава Республики Коми Ю. Спиридонов».

И в солнечном Сочи, где в январе сего года проходил XV Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского творчества «Надежды Европы»:

«Члену Совета Федерации Юрию Васильевичу Неёлову

Ваша поддержка дала прекрасную возможность одарённым детям принять участие в конкурсе и показать свои творческие способности и высокий исполнительский уровень. Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество в развитии детского и юношеского творчества и сохранении национальной культуры.

Президент фестиваля А. Акиньшин

Генеральный директор В. Томин».

Как всегда, гостеприимно принимает детей столица:

«Благодарственное письмо члену Совета Федерации Юрию Васильевичу Неёлову

Детский Благотворительный Фонд “Арт Фестиваль – Роза ветров” благодарит Вас за поддержку детского и юношеского творчества.

Помогая талантливым детям сегодня, Вы инвестируете буду-

щее российского государства. Недаром говорят, что настоящая щедрость по отношению к будущему заключается в том, чтобы всё отдавать настоящему.

Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество в деле сохранения и умножения культурного наследия России.

Почётный президент конкурса, депутат Государственной Думы РФ М.И. Гришанков».

А одарённые дети не только пляшут, поют и рисуют. Перед ними ещё увлекательный мир спорта:

«Благодарственное письмо губернатору Ямало-Ненецкого автономного округа Неёлову Юрию Васильевичу

За активное участие в организации и проведении Вторых открытых Всероссийских юношеских Игр боевых искусств-2009 5–15 сентября 2009 г. г. Анапа

Сопредседатели РСБИ

Генеральный директор Госкорпорации “Росатом” С.Б. Кириенко

Министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации Ю.П. Трутнев».

А мир спорта, направляя энергию подрастающего поколения в социально полезное и значимое русло, никак не может оставить нас стоять в стороне:

«Всероссийская общественная организация Клуб юных хоккеистов “Золотая шайба” имени А.В. Тарасова

Благодарность

Неёлову Юрию Васильевичу

В знак признания Вашего вклада в развитие и становление популярного движения среди детей и подростков в стране, организацию и проведение соревнований Клуба “Золотая шайба”, активную работу по физическому и нравственному воспитанию подрастающего поколения – Ваше имя занесено в Книгу Почёта клуба “Золотая шайба”

Примите благодарность и поздравления.

Правление Клуба “Золотая шайба”».

Но Сочи, Москва – это всё хорошо и славно. Но как можно забыть нашу российскую глубинку:

«Уважаемый Юрий Васильевич!

От имени Администрации Псковского района, коллектива школы и детского сада деревни Неёлово выражаю Вам искреннюю благодарность за оказанную помощь в техническом и гуманитарном обеспечении образовательных учреждений. Ваша активная благотворительная деятельность в самых различных сферах, Ваше неустанное стремление делать добрые дела вызывают заслуженное уважение. На посту сенатора Федерального Собрания, в качестве Президента Фонда содействия северным и арктическим территориям “Север – наш” Вы вносите весомый вклад в развитие российской глубинки и являетесь достойным примером честного и добросовестного служения Отечеству.

Желаем Вам дальнейших успехов в работе, надёжных партнёров и удачи во всех начинаниях! Крепкого здоровья, счастья, благополучия!

Глава Псковского района В.В. Шураев».

Увы, не только детям нужна помощь. В периоды экономических неурядиц остаётся без поддержки наша отечественная культура, чего никак нельзя допустить, памятуя о тех же детях, рискующих оказаться в культурном вакууме:

«Оргкомитет VIII Международного конкурса-фестиваля “Рождественская карусель” выражает благодарность члену Совета Федерации Неёлову Юрию Васильевичу за финансовую помощь и предоставленную возможность участия на нашем фестивале солисток Центра эстрадного творчества “Салехард” (руководитель Надежда Прыжанкова). Выступление Ваших солисток было ярким и незабываемым событием на нашем фестивале. Желаем успехов в работе и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

С уважением президент Фестиваля Г.Г. Калинина».

«Оргкомитет VI Международного музыкального фестиваля-конкурса “Звёздные врата Владимира” выражает

Благодарность

За помощь в подготовке организации конкурса ММФК

Члену Совета Федерации

Неёлову Юрию Васильевичу

Президент фестиваля Л.Р. Сёмина».

«Благодарственное письмо

Выражаю искреннюю признательность и благодарность

Неёлову Юрию Васильевичу,

Губернатору Ямало-Ненецкого автономного округа

За поддержку и организацию гастролей коллектива государ-

ственного учреждения “Курганский театр кукол «Гулливер», лауреата и дипломанта международных, российских театральных фестивалей.

Примите самые искренние пожелания добра, здоровья, жизненных и творческих удач, осуществление всех замыслов и планов. Ваше внимание к культуре является гарантом дальнейшего развития Российских профессиональных театральных традиций.

Начальник Управления культуры Курганской области В.Н. Денисова».

«Благодарность

Губернатору Ямало-Ненецкого автономного округа Неёлову Ю.В.

Уважаемый Юрий Васильевич!

Коллектив Муниципального учреждения культуры “Ленино-Снегирёвский музей” сердечно благодарит Вас за заботу и помощь, оказываемую нашему музею через столь большие расстояния. Искренне желаем Вам огромных творческих успехов в нелёгком и очень нужном людям труде, претворения в жизнь самых смелых проектов и воплощения самых заветных мечтаний! Желаем вашему региону культурного и экономического процветания, а народам, населяющим его, – всеобщего благополучия.

С уважением!

Директор музея М.А. Горбунова».

И, конечно, не отдадим забвению память о наших земляках, защитниках, ратоборцах времён 1942–1945 гг.:

«Благодарность

Уважаемому Юрию Васильевичу Неёлову!

Руководство и Попечительский Совет некоммерческого благотворительного фонда “Мемориал Сибирякам” благодарит Вас за вклад в строительство памятника воинам-сибирякам защитникам Москвы в Великой Отечественной войне и заносит Ваше имя в “Книгу Памяти”.

Президент Фонда, генерал-лейтенант авиации С.Я. Тимохин
Председатель Попечительского Совета Фонда, Дважды Герой Социалистического Труда В.И. Долгих».

Очень приятно чувствовать себя причастным к масштабным делам наших нефтяников и газовиков:

«Открытое акционерное общество “Нефтяная компания Таркосаленфтегаз”

Свидетельство

За трудовой вклад в обустройство и развитие Восточно-Таркосалинского месторождения и в связи с десятилетним юбилеем

Награждается

Юбилейной медалью

Неёлов Юрий Васильевич

Генеральный директор ОАО “НК «Таркосаленфтегаз»
В.И. Гиря».

Помним мы и создателей нефтегазового комплекса в Западной Сибири:

«Тюменская областная Дума

Благодарственное письмо

Губернатору Ямало-Ненецкого автономного округа Неёлову Ю.В.

Уважаемый Юрий Васильевич!

Областные мероприятия, посвящённые 80-летию со дня рождения Бориса Евдокимовича Щербины, по общему мнению, стали достойным проявлением любви, признательности и уважения, которые тюменцы испытывают к этой выдающейся личности. Приятно отметить, что Вы не остались в стороне от замечательного дела, откликнулись на инициативу Тюменской областной Думы и поддержали усилия оргкомитета, оказав ему существенную финансовую помощь. Спасибо. Желаю Вам здоровья, счастья, благополучия. Пусть и в Новом году Вас отличают добрые движения души!

Заместитель председателя Тюменской областной Думы, заместитель председателя Оргкомитета И.П. Маров».

Губернаторы, главы самых различных регионов и ведомств страны, мы всегда помнили, что работаем ради интересов державы:

«Губернатору Ямало-Ненецкого автономного округа Ю.В. Неёлову

Уважаемый Юрий Васильевич!

В связи с наделением меня полномочиями губернатора Воронежской области хотел бы поблагодарить Вас лично, руководителей органов АПК и всех сельских тружеников за плодотворное сотрудничество в период моей десятилетней работы на должности Министра сельского хозяйства Российской Федерации.

Совместными усилиями нам удалось преодолеть негативные тенденции девяностых годов и встать на путь устойчивого роста. В сельское хозяйство пришли крупные инвестиции. Заметно выросли объёмы производства, а в прошлом, 2008, году получен второй за всю историю России урожай зерна – 108 млн. т, установлен абсолютный рекорд по урожайности зерновых – почти 24 ц/га – года. Из страны – импортёра зерна Россия в последние годы превратилась в одного из крупнейших в мире экспортёров. Наметились положительные изменения в животноводстве. Особенно динамичное развитие получило производство мяса птицы и свинины. Птицеводы перешагнули рубеж производства мяса 1990 года, более того, они по всем показателям могут соревноваться с зарубежными производителями передовых стран.

Отечественное сельское хозяйство в своём развитии переходит на новый технологический уровень. Всё активнее используются такие современные рыночные инструменты, как кредит, лизинг и страхование, значительно укрепились все формы хозяйствования, в том числе фермерство, новое дыхание получило кооперативное движение. Улучшается финансово-экономическое положение хозяйств, растут доходы сельских тружеников. Немало сделано для социального развития села, в частности, для закрепления молодых специалистов путём предоставления им благоустроенного жилья на льготных условиях.

В основе перемен – новая государственная аграрная политика, которая была выработана сообща – федеральным центром и регионами. Её основы заложены приоритетным нацио-

нальным проектом “Развитие АПК” и получила своё развитие в Законе “О развитии сельского хозяйства” и в пятилетней Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья, продовольствия.

Достижение этих результатов было бы невозможно без тесного взаимодействия Министерства и субъектов Российской Федерации, личной активной Вашей позиции и самоотверженной работы селян, всех работников агропромышленного комплекса.

Уверен, что добрые конструктивные деловые отношения, которые сложились между нами, сохранятся и в дальнейшем.

С глубоким уважением А.В. Гордеев».

Но при всей масштабности наших дел никто не вправе забыть, что за ними – судьба конкретного человека с его ежедневными нуждами и чаяниями:

«Губернатору ЯНАО Ю.В. Неёлову
Приёмная семья В.А. Колесник,
г. Салехард, ул. Пионерская, дом 9
Благодарственное письмо
Уважаемый Юрий Васильевич!

Наша семья выражает Вам сердечную благодарность за оказанную помощь в приобретении жилья для нашей приёмной семьи и за помощь по уплате налогов на доход в виде индивидуального дома. Мы с мужем и наши дети всегда будем помнить об оказанной поддержке с Вашей стороны нам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Да благословит Вас Господь Бог в Вашем труде и поможет Вам!»

Нет, мой музей я создавал не для того, чтобы хвастать. В него не продаются билеты и здесь не ждут восторженных посетителей. Это моя личная жизнь, в которую я иногда впускаю только близких людей. Именно им, а затем и потомкам адресованы пояснительные слова, сопровождающие экспозицию с телевизионной панели.

Именно им адресован мой музей с незатейливым именем «Река с простым названием Жизнь».

А правда, здорово было бы, если б каждый оставлял, уходя, свой музей, свою реку с простым названием... И тогда бы потомки, стоя на её берегу, может быть, яснее и строже понимали своё предназначение и долг перед домом, родиной, Природой...

А САДИТЬСЯ ЛУЧШЕ... НА ВОДУ

«Самолет ATR-72-200 авиакомпании «ЮТэйр», выполнявший рейс Тюмень – Сургут, упал утром второго апреля 2012 года при взлёте в 40 километрах от аэропорта Роцино. На борту находились 43 человека – 39 пассажиров и 4 члена экипажа. Погиб 31 человек, в том числе весь экипаж. Выжить удалось 12 пассажирам».

Из СМИ

Недавняя трагедия не только наполнила сердце болью и состраданием. Но и заставила меня в очередной раз попытаться понять, что для меня небо и летающие в нём машины.

Детская страсть к авиации удовлетворялась мною всё-таки довольно странным образом. Вынужден признать. Ну да, окончил авиационный вуз, и даже работал в авиаотряде. Но – на земле. Небо оставалось столь же недостижимым, как и в те далёкие мальчишеские годы, когда запускал я ввысь авиамодели, собственноручно склеенные из фанеры и картона, или голубей.

Но «пройдя земную жизнь до середины» и произведя нехитрые подсчёты, я вдруг обнаружил, что с каждым годом мой

налётный стаж начинает всё больше превосходить часы, проведённые в воздухе кадровыми командирами авиалайнеров. Такие повороты судьбы..

Самолёт шёл на посадку. Из Тюмени в Домодедово. Из иллюминатора бизнес-класса уже отчётливо просматривалась взлётная полоса. Как и то, что полоса эта, вопреки всем требованиям, отнюдь не пустовала. Что за чёрт? Какой-то чёрный квадратный предмет... Машина? И чего она делает там, где ей в это время быть никак не положено?

А самолёт снижался. Неужели командир не видит?!

Увидел. В последний момент... Да нет, в кино бывает в последний... А может, всё-таки и в последний, самолёт вдруг резко поднял нос, заваливаясь влево, и пошёл вновь набирать высоту... Очень хотелось постучать в кабину пилотов и спросить: в чём дело?

Однажды я уже стучал в неё. Будучи губернатором, летел из Ноябрьска в Тарко-Солинск на вертолёте Ми-8. Совещание там срочное наметилось. Летели в авральном порядке, несмотря на явную непогоду, снег. Но экипаж у нас был опытный, и не в таких переделках оказывался. Летим. Я сидел у иллюминатора, набрасывал тезисы к выступлению. Вдруг – резкий удар! Да такой, что я вылетел из кресла, описал кульбит и ударился о кабину пилотов. Тук-тук, есть кто дома? Вертолёт негодующе взвыл, но в опытных руках быстро утихомирился, войдя в привычное состояние. И я обрёл привычное состояние в кресле, собрал бумаги. Дальше летели без приключений. А когда сели, спросил я у командира:

– Что за ...?!

– ЛЭП-500, – отвечает тот спокойно. – Задели колёсами.

ЛЭП-500? Я помотал головой.

– А... а как же такое может быть?

– У нас это запросто. Прокинули её недавно. Никого не предупредили. На картах у нас её нет. Из-за снега не видно. – Он помялся. – Вы уж не сообщайте никому. Сами знаете, как у нас разбираются. И не угадаешь, кто крайним будет.

– Добро. Молчу. Итак повезло.

Мы осмотрели машину. Действительно, повезло несказанно. Высоковольтные провода ЛЭП-500 пришлись ровно на середину колёс вертолёта. И выбросили его из себя, как камень из рогатки. Придись они чуть повыше, кувыркаться бы нам до самой земли...

Да и на земле фокусов хватает. Приземлялись мы как-то в Домодедове. Вдруг – громкий хлопок. Самолёт подкинуло, как телегу на ухабе. Затем второй хлопок, третий, машину кидает. Хорошо, что все пристёгнуты. И тут лайнер развернуло, и он боком пошёл по полосе... У него, оказывается, при посадке лопнули аж три колеса! Нас потом целый час тащили по полосе до терминала. Так что слушайте, когда стюардессы просят пристегнуться.

Но не все слушаются. На Ан-2 летели из Салехарда в Аксарку. Я после отпуска на место работы возвращался. Ан-2, или кукурузник, как в народе его кличут, старенькая, но добротная машина, уверенно урчал над тундрой. Зима. Пролетели Харсаим. А тут он перестал урчать. То ли износился вконец, то ли задумался. А из иллюминатора видно – остановился. И командиру не оставалось ничего другого, как принимать решение садиться,

планируя на ровную желательную площадку. А таковых в доступности имелось отнюдь не в избытке. Лишь гладь застывшей Оби.

В салоне, как и положено, поднялась паника. Тётки вопили. А чего вопить-то? Я завязал шапку покрепче под подбородком, пристегнулся, откинулся на спинку кресла и стал молча ждать.

Приземлились вроде бы вполне благополучно. То есть оторвало крыло о торос и шасси, салон превратился в кучу из смешавшихся людей, коз и багажа. Но почти все целы, не считая синяков и ушибов. Лишь одна тётка от удара об кабину сломала шейку бедра. За бортом было очень холодно. Минус сорок. Пилоты не могут связаться с Салехардом. Мы с ребятами сняли куртки, эту женщину обмотали. А сами вокруг самолёта бегали, чтобы не замёрзнуть. Через час только пилоты дозвонились. Прилетел вертолёт, нас загрузили, повезли в Салехард. Пока долетели, тётка умерла в вертолёте. От переохлаждения. Хотя уже и «скорая» ждала на полосе.

Студентом из Тюмени через Берёзов летел в Салехард. Каникулы, зима, январь. И вдруг не то дым, не то туман в салоне. И ничего не видно. Руку перед глазами не разглядишь. Запах сырого пара. Паника. Почти по привычке шапку покрепче завязал. Самолёт затрясло. Очень неприятно, когда ничего не видишь – где ты. Пилоты бегают. Самолёт, трясясь, пошёл на снижение, через полчаса всё успокоилось. Сели в Берёзове. Что это было? Может, разгерметизация временная... В общем, полёты – это сплошной стресс.

А стресс и переохлаждение у нас, как известно, снимают водкой, каковой и оказалось в избытке на борту гидроплана, летевшего через два года после посадки того злополучного Ан-2 на речной лёд.

Перелетали мы в посёлок Тазовский. Лететь долго. На гидросамолёте. Я был в должности первого секретаря окружка комсомола. Экипажи мы хорошо знали, и они нас. Я летел с другом, первым секретарём райкома комсомола Славой Ламбиным. Долго летели.

Второй пилот вышел из кабины:

– Ну чего, комсомол, скучно лететь?

– Скучновато, – признаётся Славик. – Ну а что делать?

– Как это, что делать? У нас в дальней дороге всегда найдётся, что делать. Закуска есть? Ну так раскладывайте!

– Ничего себе. Это как же они, за штурвалом? Датые? – удивился я.

– Не положено, конечно, – поясняет Славик. – Но в принципе на Севере это всегда было в порядке вещей. Не то чтобы в хлам, но по сто граммов. Как на фронте.

Второй вернулся с бутылкой. Выпили. Затем и командир с нами тоже треснул. Я уже особо не удивлялся. Подлетаем. Нормально приземлились. Подходим к причалу.

Из кабины вышел второй пилот. И по лицу видно, что не рад он этой посадке. Что случилось?

– В Тазовском идёт проверка. Всего лётного состава. Инспектор сейчас придёт проверять наш Ан-2, – безрадостно поведал второй и ушёл в кабину совещаться с командиром.

– Всё, Славка, мужикам труба, лётные книжки заберут и всё, – сказал я, спускаясь на причал.

Славка посмотрел на меня задумчиво. А парень он смыслённый. Комсомол этому во многом способствует. Кричит командиру и второму пилоту:

– Быстро выходите на причал, быстро!

Они выскочили.

– Что случилось?

Тут-то и случилось. Славка их быстренько одного за другим в воду столкнул. Меня аж передёрнуло. Холодрыга! Тазовское – это же Обская губа. Там вообще всегда вода холодная.

Летуны из воды, ничего не понимая, орут:

– Ты что, с ума сошёл, придурок?!

А инспектор уже по причалу идёт. Мы их вытаскиваем. Славка достаёт бутылку спирта. Полстакана одному, столько же второму.

– Что тут у вас происходит?! – возрился на происходящее инспектор.

А посмотреть есть на что.

Два мокрых как гуся пилота, с них течёт, а они рукавами занюхивают.

Мы и объясняем суровой проверяющей инстанции:

– Мужики поскользнулись, упали, мы им для сугреву по полстакана спирта и плеснули.

Старый воздушный волк только кивнул: да, видел, тут нет вопросов.

А потом почему-то подмигнул Славке.

Так и спасли летунов. Комсомольской смекалкой.

Мужики потом не раз нас благодарили.

К чему я это всё? Да всё к старым прописным истинам. Не прощает небо расхлябанности. Рано или поздно наказывает. И уж точно не оно виновато в наших трагедиях. Его красоте и величию наши жертвы совсем не нужны. И манит оно нас с

самого детства не для того, чтобы потом надсмехаться. Так что пристёгивайтесь крепче, начиная с земли. То есть ко всем своим важным жизненным полётам готовьтесь тщательно.

Ну а коли придётся садиться в авральном порядке, то делайте это на воду.

Счастливых полётов!

А на оленях лучше

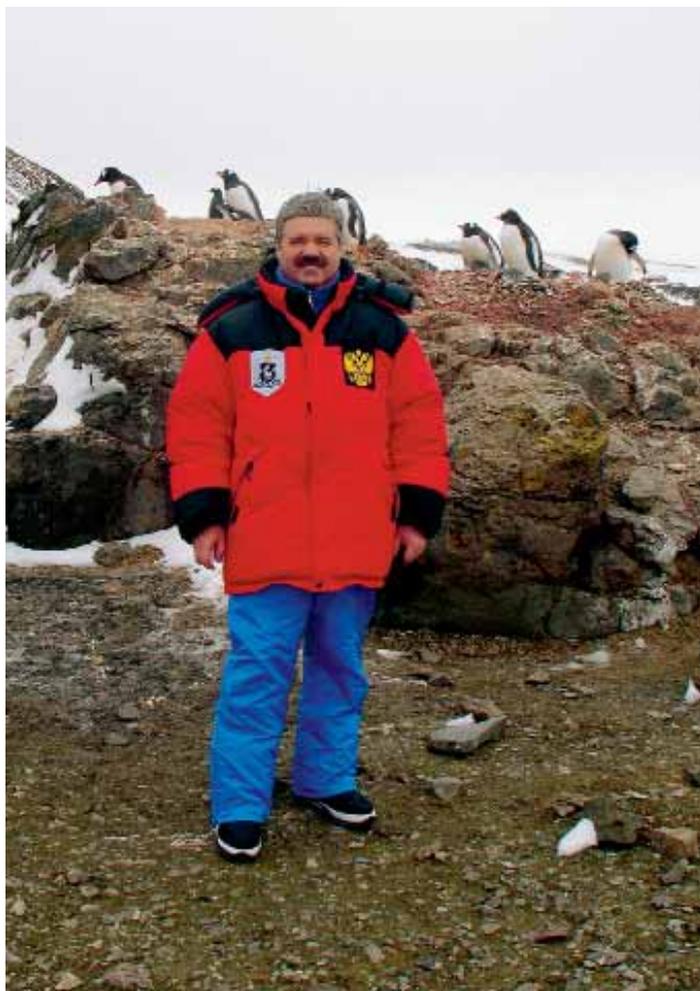
С молодоженами Нового Уренгоя

С сыном на рыбалке

Поцелуй друга

Антарктида 2008 г. С пингвинами

Чудо-рыба

Голубки

С дядей в Тарко-Сале

Хороший улов

Вот такой умный друг

В музее Mercedes. Штуттгарт

Шапка для охотника

На верхушке мира

Проводы барка «Седов» в кругосветку. Май 2012 г.

С капитаном

Хорошее настроение

○ TEX, KTO...

Наверное, я бы не состоялся как губернатор, если бы не помощь и поддержка тех людей, с которыми мне просто повезло встретиться на жизненном пути. То, что я на всех выборах всегда получал не менее 70 процентов голосов, – и их заслуга тоже.

О ТЕХ, КТО РЯДОМ НАВСЕГДА

Всех их уже нет с нами. Я горд дружбой с ними. Многому у них научился. Но дороги они не только мне. Но и России, патриотами которой являлись. И каждый из них на своём месте делал большие нужные дела. Побольше таких – Россия стала бы другой.

Фарман Курбанович Салманов

Родился 28 июля 1928 года в Шамхорском районе Азербайджанской ССР. Член-корреспондент РАН, доктор геолого-минералогических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, лауреат особо ценимой среди учёных-нефтяников Губкинской премии, заслуженный геолог РФ, почётный работник нефтяной и газовой промышленности.

Около сорока лет проработал Фарман Курбанович в Западной Сибири. Руководил крупными геолого-поисковыми работами, открыл 150 уникальных нефтяных и газовых месторождений, в том числе и Самотлор. Почётный работник нефтяной и газовой промышленности, почётный гражданин Ханты-Ман-

сийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, города Сургута, штата Техас и китайского города Цзиньчжоу. Автор многих книг, народный избранник в России и в родном Азербайджане. Кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени.

Его называли Фарман Неукротимый за стойкость духа и мужество.

Имя советника председателя совета директоров ООО «НГК «Итера»» Фармана Салманова занесено в общероссийскую энциклопедию «Лучшие люди России». Словом, человек-легенда.

Выдающийся геолог России в сапогах прошёл всю Тюмен-

скую область от и до. Меня связывали с ним не только производственные отношения, но и дружеские. Мы познакомились, когда я работал первым секретарём Тюменского обкома комсомола, а он был начальником главка Главтюменьгеологии. Главк базировался в Тюмени.

Познакомились при любопытных обстоятельствах. Мы оба были кандидатами в члены бюро обкома партии. Нам полагались государственные дачи. Так случилось, что мы оба отказались принять ключи от них. Нас пожурили: почему это все берут, а вы отказываетесь? При первой же встрече он сказал: молодец, что отказался, и молодец, что не струсил! Так сблизились. Он здорово помогал комсомолу. Человек неординарный, он имел 27 выговоров за социальную сферу! Почему? Он строил спортивные дворцы, футбольные поля, клубы. А по документам проводил их как промышленные объекты. Поэтому министерство выписывало ему выговоры за «нецелевое использование средств». И за этот авантюризм я его очень уважал.

Попадали мы с ним и в любопытные жизненные ситуации. Он тогда работал начальником главка, а я первым секретарём обкома комсомола. И ко мне приехал первый секретарь ЦК комсомола Виктор Максимович Мишин. Приезжал он баллотироваться в депутаты Верховного Совета СССР от Тюменской области. В поездке по территории Ханты-Мансийского округа и по всем его ударным комсомольским стройкам нас сопровождал Фарман Курбанович. В это же время приехал министр геологии СССР Лев Ровнин. Сидим мы вчетвером за столом. А гости наши не пьют. Фарман спрашивает: Юр, что такое? Я шепчу: боятся люди, понятно – под контролем. Фарман предлагает: давай я

сделаю всё, чтобы мы с Виктором Максимовичем выпили, а ты – с Ровниным. Зачем так надо было? Мне от Мишина требовалось разрешение на постройку гаража для обкома, поскольку мы своего не имели, а ходили побирались. А Фарману Курбановичу требовалось разрешение от Ровнина на строительство спортивного комплекса в Тюмени. Задуманное удалось. Салманов получил для меня у Мишина разрешение на строительство гаража, а я у Ровнина – соответствующее разрешение для Салманова! Увы, тогда приходилось действовать и так, что называется, не в официальной обстановке. Курбаныч имел уникальную способность говорить тосты – мне кажется, он мог бы напоить и собаку.

Затем он переехал на работу в столицу первым заместителем министра геологии СССР. Я ушёл из комсомола и стал губернатором. Но мы постоянно встречались. Я к нему заходил в Москве. Очень гостеприимный человек, он прямо в офисе просил секретаршу отварить картошечки, у него всегда была наша малосольная рыба. Посидим, по сто граммов выпьем. Очень любил он Север и всегда вспоминал о нём, жалея, что уехал. Впоследствии его прихватила серьёзная болезнь, он умер и похоронен в Москве.

На всю жизнь у меня останется добрая память о человеке, который имел стержень и не боялся высказать своё мнение на самом высоком уровне: хоть министру, хоть председателю правительства. Никогда не юлил и не тёрся у сапога. Много я перенял у него. Человек большого мужества и душевной доброты.

В июне 2009 года в Сургуте, в мемориальном комплексе геологов-первопроходцев, открыт бюст Героя, установлены мемориальная доска и памятный знак. В 2008 году самолету Ту-154М

компании «ЮТэйр» (бортовой номер RA-85805) присвоено имя первооткрывателя сибирской нефти Фармана Салманова.

В Сибирском научно-аналитическом центре ежегодно проходит научно-практическая конференция молодых ученых Группы компаний «СибНАЦ» «Салмановские чтения».

В Салехарде 23 июня 2009 года торжественно открыли памятник Фарману Салманову, созданный тюменским скульптором Николаем Распоповым.

В Томской области спущен на воду пассажирский теплоход, который с начала навигации 2008 года курсирует из Салехарда по Оби и Обской губе. По моему предложению современному судну присвоено имя Фармана Салманова.

В июне 2008-го я направил министру природных ресурсов РФ письмо, в котором содержалось ходатайство о переименовании Утреннего нефтегазоконденсатного месторождения. «Называя в честь Ф. Салманова месторождение углеводородов, мы отдаём должное выдающемуся геологу, первооткрывателю месторождений, организатору геологического производства в Западной Сибири, так много сделавшему для становления топливно-энергетического комплекса в ЯНАО, учёному с мировым именем», – подчеркнул я в письме. В сентябре 2008 года Утреннее нефтегазоконденсатное месторождение, расположенное на территории Гыданского полуострова Ямало-Ненецкого автономного округа, переименовано в честь Фармана Курбановича в Салмановское.

Константин Викторович Ерёменко

Хотя конечно же для миллионов болельщиков он навсегда останется в памяти как Костя Ерёменко. Лучший футболист мини-футбола XX века, заслуженный мастер спорта. Член Совета Федерации. Основатель мини-футбольного клуба «Динамо-Ямал». В годы правления Ерёменко клуб выиграл Кубок УЕФА, шесть раз – чемпионат России, четыре – Кубок России.

Я не так давно с ним познакомился. Лет восемь назад. Совершенно случайно – в «Президент-отеле». Разговорились. А у меня многие мальчишки в Тюмени хотели играть именно в мини-футбол. Почему? Север, лето два-три месяца, остальное время – зима, мяч не погоняешь. И потому увлекались мини-футболом в спортивных залах. И я предложил ему: давай создадим у нас футбольную школу твоего имени? Костя дал согласие, мы подписали соглашение.

И действительно создали школу имени Константина Ерёменко. Из прессы: «В октябре 2004 года губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Юрий Неёлов подписал постановление об открытии в Новом Уренгое государственного ... учреждения “Ямало-Ненецкая окружная детско-юношеская спортивная школа мини-футбола Константина Ерёменко”».

Он приезжал к нам по моей просьбе, проводил мастер-классы. Наши пацаны смотрели, вытаращив глаза, – они-то знали, кто такой Костя Ерёменко. Но при всей своей знаменитости он оставался парнем очень скромным, никогда не выпячивал своёя, очень корректный. И очень жаль, что в такие молодые годы сердце его не выдержало – на одной из тренировок он упал и

скончался. Очень жаль. Я участвовал в похоронах, в возведении ему памятника. Футбольная школа его имени продолжает успешно работать.

Из прессы: «Новый Уренгой посетили Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Борис Грызлов, член Совета Федерации Федерального Собрания, президент МФК «Динамо» России Константин Ерёменко, губернатор ЯНАО Юрий Неёлов...

Затем в администрации Нового Уренгоя прошло заседание Попечительского совета, основная тема которого – реор-

ганизация мини-футбольного клуба “Динамо-Москва” в мини-футбольный клуб “Динамо-Ямал-Газпром”. Как отметил председатель нижней палаты российского парламента, данное историческое решение было принято в целях реализации социальной политики на Ямале, развития мини-футбола как доступного вида спорта для широких слоев населения округа, формирования инфраструктуры и повышения уровня детского мини-футбола. Это стало возможным, так как сегодня в Ямало-Ненецком автономном округе создана хорошая база для развития спорта вообще и мини-футбола в частности.

Затем делегация побывала на тренировке воспитанников учреждения дополнительного образования детей Ямало-Ненецкой окружной Детско-юношеской спортивной школы имени Константина Ерёмченко. Встреча с детьми прошла в тёплой и дружеской обстановке, нашлось немало общих тем для обсуждения. Юным спортсменам Нового Уренгоя были вручены памятные подарки. Последним пунктом программы значился матч по мини-футболу между сборной Нового Уренгоя и командой “Единая Россия – Звёзды футбола”, который прошёл в деловом центре “Ямал”. В ходе встречи новоуренгойская команда смогла оказать достойное сопротивление сопернику, который не проиграл еще ни одного из сыгранных шестидесяти матчей. В составе команды Бориса Грызлова играют такие мастера спорта и гордость России, как Дмитрий Аленичев, Константин Ерёмченко, Валерий Гладилин, Дмитрий Ананко, Алексей Прудников и др. Счёт матча открыл заслуженный мастер спорта РФ Дмитрий Аленичев. В первом периоде голевые моменты создавались у ворот обеих команд, и на перерыв команды ушли со счётом

4:3 в пользу Нового Уренгоя. Во втором периоде спортсмены-единороссы смогли переломить ход игры и показали высокий уровень мастерства. Встреча закончилась со счётом 7:4 в пользу команды “Единая Россия – Звёзды футбола”. По завершении матча губернатор ЯНАО Юрий Неёлов поблагодарил всех за интересную игру и стремление к победе, вручил спортсменам команд памятные кубки и медали».

Виктор Степанович Черномырдин

Легендарная личность. Хотя, с другой стороны, простой, нормальный русский человек. Никогда не срывался и не позволял себе грубить или повышать голос. Всегда помогал мне, подсказывал. Приятно работать с руководителем, который тебя понимает. Кроме того, он избирался депутатом Верховного Совета СССР от моего округа. Я возил его по нему. Балагур, знающий массу анекдотов, за словом в карман не лез. Да это и так все знают.

Приехали в Ноябрьскнефтегаз. Коллектив в зале собрался в основном из конторских служащих. А был как раз тот период, когда особо не любили власть. Зарплату выдавали тушёнкой. В общем, нелёгкие времена, и баллотироваться было сложно. Я предупреждал его: вы, Виктор Степанович, как-то уж полаяльнее... Он вышел на трибуну, рассказывает о работе правительства, о положении в стране. А в первом ряду сидит такая толстая ехидная баба из управления и говорит: откуда вы высосали эти данные? Виктор Степанович, ни на секунду не помешкав, спокойно отреагировал: сосать не по моей части. Зал грохнул. Напряжение упало. Я потом выступил, поддержал: вы поймите, сам председатель правительства баллотируется от нашего округа, это для нас большая честь. И люди его поддержали, он успешно избрался.

Мне приходилось с ним бывать и в неофициальной обстановке. Был у него дома, на даче. И в Киеве, когда он стал нашим послом на Украине. Кто-то, может быть, сочтёт его отправку на Украину понижением. Я так не думаю. Он был человек слова и

дела. Его попросили, и он поехал. Никаких аппаратных игр. Если помните, тогда самые сложные вопросы были газовые. А он прекрасно в них разбирался. Президент его поэтому и попросил. И Виктор Степанович сказал: если надо для страны, я поеду. Он не искал какой-то выгоды для себя. Умница и молодец. И я горд, что в моём архиве есть вот такой документ:

«Почётный Золотой ДИПЛОМ

За активное участие в подготовке Всемирной Кругосветной экспедиции ЮНЕСКО “Великой Северной Тропой” по странам Полярного бассейна, посвящённой 2000-летию юбилею Рождества Христова.

Награждается памятной золотой медалью и настоящим почётным золотым дипломом

Губернатор Ямало-Ненецкого Автономного Округа

Юрий Васильевич Неёлов

Председатель Международного

Оргкомитета экспедиции

В.С. Черномырдин

Руководитель экспедиции

Почётный полярник

С.А. Соловьёв»

Из прессы: «Пятница 28 мая 1999 г.

САЛЕХАРД. На официальное предложение губернатора Ямала Юрия Неёлова баллотироваться в Государственную Думу РФ от Ямала Виктор Черномырдин ответил согласием. На состо-

явшейся пресс-конференции Юрий Неёлов ещё раз разъяснил свою позицию в отношении кандидатуры Виктора Степановича. «Это человек, который имеет мощные связи и в Москве, и за пределами России. У него сложились хорошие отношения с нынешним правительством и президентскими структурами. Меркантильных интересов у Черномырдина нет. Учитывая его опыт, я считаю, что другой альтернативной фигуры у нас в округе быть не может. Он хорошо знает и наш регион, и газовую отрасль. Во время прошлой предвыборной кампании он детально изучил проблемы округа. Следует отдать должное – более половины обещаний, которые он тогда давал, уже выполнено, и он намерен выполнить их до конца»».

Из прессы: «Бывший премьер-министр российского правительства, экс-глава Газпрома, а ныне Чрезвычайный и Полномочный Посол России на Украине Виктор Черномырдин счита-

ет безосновательными опасения некоторых европейских стран по поводу выполнения Россией экспортных поставок газа в Европу. наших природных ресурсов хватит на ближайшие 100 лет и нашей стране, и нашим зарубежным партнерам, – заявил он. – Слава богу, у нас есть Ямал с его шельфами. Запасы только одного Бованенковского газоконденсатного месторождения чего стоят! Нам с Ямалом повезло! – заметил В. Черномырдин».

Пётр Михайлович Латышев

Его, до этого заместителя министра МВД, первым назначили Полномочным представителем президента в Уральском федеральном округе. Он приехал, резко взялся за дела. Так и следовало. Потому что его главная задача – привести региональное законодательство в соответствие с федеральными законами. Такое поручение дал ему президент. Затем полномочия представителей расширили. Они стали заниматься и кадровыми проблемами, демографической ситуацией и другими.

У нас не сразу сложились с ним хорошие отношения. Я не любил никогда льстить начальству. Не стеснялся высказывать своё мнение. Не всем такая позиция нравилась, наверное, и ему тоже. Я не хотел, чтобы мне кого-то назначали без моего желания. Но потом он приехал на Ямал, посмотрел на отношение ко мне людей, на то, чего мы добились. И изменил обо мне мнение. Отношения у нас стали очень хорошие. Он меня везде и всегда поддерживал.

Помню, как-то возник некий казус по награждению меня орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Он поехал в Москву, пошёл в Администрацию Президента, в наградной отдел, меня с собой повёл, отстоял мою кандидатуру. Аргументировал: как так, эти люди в самое трудное время удержали на своих плечах Россию! Хотя зачем Петру Михайловичу нужны были эти хлопоты, казалось бы? Так я получил награду благодаря его усилиям. А ко мне были претензии такого рода: а как вы работаете с нефтяниками, а почему там зарплату не платят... Да по всей стране тогда зарплату не платили!

Умер он скоропостижно – не выдержало сердце. А я храню от него и такое послание:

«ПОЛНОМОЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУТЕ
БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Уважаемый Юрий Васильевич!

Благодарю Вас за работу по выполнению поручения Президента Российской Федерации по оказанию помощи в восстановлении объектов социальной сферы в Чеченской Республике. Восстановление Ямало-Ненецким автономным округом комплексного центра социального обслуживания населения в г. Гудермесе Гудермесского района является весомым вкладом в

процесс стабилизации экономической и социальной ситуации в Чечне, способствует скорейшему налаживанию нормальной жизни на этой многострадальной земле. Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия и новых успехов в созидательном труде на благо Отечества.

С уважением, П. Латышев

18 февраля 2004 г.».

Василий Тихонович Подшибякин

Этот человек-самородок всю жизнь провёл на Ямале. Все месторождения – от маленьких до крупных – были ему прекрасно известны до мелочей. Рабочий день его начинался в семь часов утра, когда он по рации связывался со всеми геологоразведочными вышками. Знакомился со сводкой и после этого принимал решения. Как член окружкома партии, присутствовал на всех съездах, потому что его очень уважали. Он многое сделал для экономики не только Ямала, но и страны.

А мне запомнилось такое мелкое житейское происшествие. В одной из газет как-то появилось объявление о подписке на со-

брание сочинений Джона Голсуорси: «Уважаемые подписчики, сообщаем, что поступили очередные тома “Голос Оursa”». Василий Тихонович, человек умнейший и образованнейший, очень смеялся.

О героической эпохе освоения Ямала, эпохе открытий крупнейших месторождений нефти и газа в Заполярье, о том, как коренные народы Севера воспринимали это время, сложно немало стихов и песен. На высадку первого десанта освоителей в Новом Уренгое известный хантыйский поэт Роман Ругин откликнулся поэмой «Огнедышащий край», посвящённой лауреату Ленинской премии, Герою Социалистического Труда Василию Тихоновичу Подшибякину.

Когда он умер, по моей инициативе в Салехарде поставили памятник.

На нём как завет будущим поколениям выбит девиз: «Идти вперёд, искать и не сдаваться!», которому сам Василий Тихонович следовал всю свою жизнь.

Его имя носит одна из улиц и микрорайон города. А наши имена теперь связывает и ещё одно событие.

Из прессы:

«Комиссия по наградам при губернаторе Ямало-Ненецкого автономного округа рекомендовала совету директоров авиа-транспортной компании “Ямал” присвоить имена двум воздушным судам. Так, Airbus A320-214 с бортовым номером VQ-BNR 1054 предлагается присвоить имя экс-губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Юрия Васильевича Неёлова. Второй самолёт будет носить имя выдающегося советского геолога Василия Тихоновича Подшибякина».

Константин Иванович Миронов

Начинал свою деятельность как инструктор окружкома комсомола. Потом второй секретарь... Вообще прошёл путь от рядового маслёнщика на катере до первого секретаря окружного комитета партии. Был истинно предан партии. Доброжелательный по натуре, он тем не менее нам не позволял особо распоясываться, строго спрашивал. Но и всегда относился с пониманием.

Помню, он пригласил меня в кабинет. Я встревожился: зачем? Чего я опять натворил?

Он сразу успокоил: всё нормально. «Ты, Юра, только пойми меня правильно. Тебе пришла медаль “За освоение недр Западной Сибири”. Под номером пять. А у меня начальники главков таких медалей не имеют! Поэтому извини, но я пока вручу её тебе только в кабинете. Вот когда всем награды придут, я скажу и о твоей».

Это был действительно необходимый политический ход. Не стоило людей настраивать против меня: мол, молодому – и сразу награда. В то время как крупные руководители объединений, которые действительно добывали нефть и газ, таких наград ещё не имели. Но это стечение обстоятельств. Получилось так, что я занимался ударными комсомольскими стройками. А ЦК комсомола имело свою квоту на эти медали. Медали же по партийным и хозяйственным квотам ещё не пришли. И у меня никакой обиды не было, я всё понял, всю справедливость его поступка. Тем более что он похвалил меня: молодец, это дорогая медаль для нас, для ямальцев.

А в декабре этого года мы отметим десятилетие со дня открытия в Салехарде памятника Миронову Константину Ивановичу, первому секретарю Ямало-Ненецкого окружкома КПСС.

Евгений Моисеевич Нигинский

В 1981 году руководство Главтюменьгеологии во главе с тем самым легендарным Фарманом Салмановым пришло к решению создать первое тогда в Советском Союзе ведомственное лечебное учреждение, обслуживающее геологов.

На должность главврача поликлиники для геологов пригласили Евгения Моисеевича Нигинского.

Прошло много времени. самого разного. В том числе и не очень благоприятного для нашей медицины. В своё время я взял эту поликлинику на полное содержание округа. Почему? Большинство ушедших на пенсию геологов, нефтяников, газовиков оставались в Тюмени на постоянное место жительства. Естественно, у них были проблемы со здоровьем. Мы сделали хороший ремонт в клинике, обновили оборудование. Подобрался очень хороший коллектив. Обслуживались там только вот эти достойные люди.

Но меня с Евгением Моисеевичем связывали и чисто человеческие отношения. Он хорошо знал моего отца. В своё время работал на севере, в Салехарде, где и познакомился с отцом. И они вместе ездили на охоту, на рыбалку. И всегда, когда я оказывался в Тюмени, он передавал привет отцу, о котором хранил самую тёплую память.

В 2003 году ушёл из жизни основатель медсанчасти «Геолог» Евгений Моисеевич Нигинский. Более 20 лет он руководил ею, с момента основания до последних дней своей жизни. Евгений

Моисеевич – Почётный гражданин Ямала, заслуженный врач Российской Федерации, лауреат премии им. Ю.Н. Семовских.

И я поликлинику геологов переименовал в поликлинику имени Евгения Моисеевича Нигинского. Там теперь висит табличка.

О ТЕХ, КТО РЯДОМ

Но жизнь не останавливает-ся. Вот уже два года как я не губернатор, а член Совета Федерации. И меня по жизни вновь сопровождают люди, которым я тоже благодарен, у которых многое перенимаю.

Матвиенко Валентина Ивановна

Я её помню по комсомолу. Когда был ещё молодым первым секретарём Тюменского обкома комсомола, а она – членом бюро ЦК ВЛКСМ. Была первым секретарём Ленинградского обкома комсомола. Но уже тогда она казалась нам недосягаемой. Симпатичная, высокая, уверенная в себе, прекрасный оратор. Видно, что деловая, властная. Затем по комсомольской жизни она ушла учиться в Дипакадемию.

И уже позднее мы встретились, когда я стал губернатором Ямало-Ненецкого округа, а она уже была заместителем председателя правительства и вела социальные вопросы. Нам приходилось не раз встречаться. И я окончательно убедился в её деловых качествах. Она никогда не обещает того, чего не может

сделать. Я не раз обращался к ней с вопросами, которые несли свою специфическую северную нагрузку. И она всегда их понимала.

Затем, когда она стала губернатором Санкт-Петербурга, а я всё ещё был губернатором ЯНАО, мы подписали соглашение, в рамках которого мы строим жильё в Питере для наших ямальских ветеранов. Питер поставляет нам часть своей продукции. Культурные связи осуществляются. В Санкт-Петербурге учатся много наших студентов – в горном институте, институте имени Герцена. В кадетском корпусе ребяташки наши воспитываются. Мы построили общежитие для наших ямальских студентов. Она приехала, посмотрела: да, ни один субъект так не сделал, как вы. На открытие нашего представительства в Северной столице приезжала, оценила.

Я ни разу не помню, чтобы я попросился на приём, а меня за-

ставили ждать. Приезжал в Смольный, не ждал ни минуты, меня сразу принимали. Всегда впечатление от неё, как от человека делового, чёткого, ясного.

И я рад, что она сегодня возглавляет Совет Федерации. Такие люди и с таким опытом работы России просто необходимы. Чтобы создать новую, небюрократическую страну, которой нужно законодательство, а не пути и возможности его обойти. Мне кажется, она полностью на своём месте.

Миронов Сергей Михайлович

Да, сегодня к нему относятся так: оппозиционер, и всё такое прочее. Ну а я задаю вопрос. Кто создал партию «Справедливая Россия»? Не администрация ли президента? И чего, теперь обвинят мужика, взявшегося за дело, которое ему поручили? Поэтому я его уважаю. За прямоту, за незаурядный ум.

Когда Сергей Михайлович работал в Совете Федерации, всегда меня поддерживал. Предлагал здесь высокие должности. Я отказывался, говоря: давайте я поработаю рядовым, присмотрюсь пока. Он приезжал ко мне на Ямал. Коммуникабельный хороший человек.

Считаю, что нам надо быть терпимыми к тем, кто по каким-то причинам не поддерживает политику «Единой России». Она и не сможет стать нормальной партией, если у неё не будет

здравых оппонентов, которые станут указывать: делается что-то не то и не так. Ведь и так ошибок натворили будь здоров! Без оппонентов, без подсказок со стороны не будет «Единая Россия» партией, уважаемой народом.

Я не думаю, что «Справедливая Россия» Миронова напоминает партию сверхоппозиционеров. Он нормально относится к тому, что делает правительство, президент. Просто он говорит: но есть же альтернатива, вы посмотрите, приглядитесь, хорошее и мы предлагаем! Поэтому у меня к нему самое доброе отношение.

Грызлов Борис Вячеславович

Своеобразный человек. Корректный, интеллигентный. Предан президенту, предан стране. Я с ним много встречался. Он мне много помогал. Устраивал моих депутатов. То, что Комарова Наталья Владимировна стала председателем одного из комитетов Госдумы, – его заслуга. Он сделал это, решил. А у меня всего-то было два депутата. А она стала председателем комитета, да ещё какого – ведущего! По природным ресурсам и природопользованию.

И ещё большая заслуга, что он помог мне через Госдуму провести закон о том, что Газпром стал платить налог на имущество по месту. А основное его имущество – на Ямале! Это и трубопроводы, заводы, месторождения, буровые вышки. И то, что бюджет округа за сотню миллиардов перевалил, – его заслуга.

Строев Егор Семёнович

Академик, умница. Он ко мне приехал на Ямал вместе с Рэмом Вяхиревым, чтобы открыть газопровод в столице Ямала – Салехарде. Парадокс! Девяносто процентов российского газа поступает с Ямала, а его столица оставалась негазифицированной. И вот когда мы с Рэмом Ивановичем решили

эту проблему, за 350 километров с Лонг-Югана провели газопровод до Салехарда, мы зажигали факел открытия на вышке – Егор Строев, Рэм Вяхирев и я! Так газ пришёл в Салехард.

Потом он пригласил меня в Орловскую область. Принял очень гостеприимно. Мы тоже заключили договор. Ведь у нас же всё завозное. Я у них покупал продукты для округа. Так и сложились добрые отношения, которые длятся и по сей день.

И когда он работал председателем Совета Федерации, всегда относился к новому поколению политиков по-отечески, поддерживал, понимал, что мы – молодые, что нам учиться надо.

Чилингаров Артур Николаевич

Уникальный человек. Герой Советского Союза, Герой России. Мы давно с ним знакомы, еще до того, как он оказался в Госдуме. Познакомились, когда он баллотировался от Ненецкого округа.

Я вместе с ним летал на Северный полюс, получил звание «Почётный полярник России».

Поддерживал он меня на выборах, когда меня избирали губернатором Ямала. И я его всегда поддерживал, помогал. Когда он проводил круглые столы, я всегда приезжал. Если нужно – выступал.

А сейчас мы с ним вместе работаем. Он председатель Экспертного совета по Арктике и Антарктике при председателе Совета Федерации, а я его заместитель. Первое своё выездное заседание комитет провёл в Тюмени по теме «Пути и методы освоения Центральной Арктики» на базе Сибирского научного центра Тюмени. Где есть вся база данных: геологическая, геофизическая, экологическая.

Рыжков Николай Иванович

Нас связывают долгие годы знакомства с этим деловым, очень опытным человеком. А познакомились, когда я был народным депутатом СССР, депутатом Верховного Совета СССР. Он был председателем правительства. Я частенько отстаивал и пробивал интересы города Сургута, поскольку баллотировался от него. И находил у него понимание. Я всегда видел, что он, конечно, сердце рвал за Россию.

Он со мной советовался, когда мы хотели выдвинуть Богомякова Геннадия Павловича, бывшего первого секретаря Тюменского обкома партии, на пост министра нефтяной промышленности. Но эта пена, этот новый состав депутатов не пропустил его именно как бывшего секретаря обкома партии. Глупость, конечно. Поэтому так часто потом и менялись министры нефтяной промышленности, которые ничего собой не представляли. А Богомяков потянул бы эту должность. И большая польза была бы для России.

А у Николая Ивановича я работал в антимонопольной комиссии при Совете Федерации. Сейчас мы трудимся вместе в одном Комитете по местному самоуправлению и делам Севера. Очень хорошие, чисто дружеские отношения. Встречаемся и в неформальной обстановке. Я ему очень благодарен за то, что всегда чувствую его поддержку.

Собянин Сергей Семёнович

С новым мэром Москвы мы знакомы очень давно, с тех времён, когда он ещё работал в Ханты-Мансийске, в Кагалыме. Мы вместе ездили на рыбалку, на охоту. Потом сложилась ситуация, когда надо было избирать губернатора Тюменской области, и мы сделали ставку на Сергея Семёновича. Я ездил с выступлениями по Тюмени, Тобольску, югу. И тогда Ямал дал ему больше всех голосов – почти 80 процентов. И если бы не было этого процента, он бы не выиграл.

Человек не простой, своеобразный. Очень деловой, очень работоспособный, мыслящий. Думаю, что, будучи мэром столицы, принесёт с собой немало нового. Конечно, работёнка ему досталась не дай бог, не позавидуешь. Но, думаю, он сделает много хорошего для Москвы. Потому что этот человек никогда не работал ради должности. Он предан президенту, он в команде и сделает всё, чтобы не подвести её. Хочу пожелать ему успехов.

О ДРУЗЬЯХ

Корепанов Сергей

Сегодня возглавляет Тюменскую областную Думу. А в своё время мы вместе работали. Он – первым секретарём Ямало-Ненецкого окружка комсомола, а я – на посту второго. Он-то и взял меня в команду. Потом он ушёл работать в партию. Так по жизни дружим, работаем.

А случались с нами довольно любопытные сюжеты. Ведь мы оба – рыбаки, охотники, собиратели грибов и ягод.

Осенью по Малой Оби ездим собирать дикую чёрную смородину. Поздней осенью выезжаем на несколько дней. Набираем всегда по три-четыре ведра.

И вот мы как-то раз собираем, а пошёл дождь, ливень. Но терпим. Собрали пару вёдер. Пора и передохнуть, переночевать. А мы знали – недалеко избушка. Мы в неё, затопили печку, развесили мокрое бельё, поставили варить уху. Слышим – шум мотора. В окошко выглянули – нет никого. Сидим полуголые. Вдруг заходит мужик: парни, пустите переночевать, мотор забарахлил, а у меня с собой две дочери, ездили с ними ягоды собирать...

А мы мокрые насквозь, уже настроились посидеть хорошо. Ну что делать? Отказаться – не в наших традициях. Напялили мокрую одежду. Встретили гостей. Переночевали. Утром они уехали...

...Я уже был членом Верховного Совета СССР, РСФСР, а он работал первым секретарём Шурышкинского райкома партии. А районный центр – посёлок Мужики. Мы с ним взяли отпуск. Поехали на глухаря. Нам сказали где. Подъехали – точно. На лиственнице сидит мощный, здоровый глухарь. Подползли. Договорились: на раз-два-три стреляем. Давай! Ба-бах! Смотрим: глухарь упал. А справа поднялась стая – штук сто! Как говорится, слона-то я и не заметил...

...Поставили сетку на карася. Утром – поплавки утонули. Сели на лодку резиновую – и туда. Караси попались стандарт-

ные, классные. Мы полную лодку загрузили. Ещё чуть-чуть – и вода захлестнёт. И вот мы еле гребли. А озёра искали методом тыка. Никто не знал, какая в них рыба и есть ли вообще. Наудачу. Удача улыбнулась.

...Охотились на лося. Выследили. Выстрелили. Ранили. И он пошёл к озеру. Я ещё раз выстрелил. Опять попал. А зверь идёт в озеро. И утонул! Мы обалдели. Туша не тонет. Она всплывает. Но нашего лося нет. Мы видели, как он вошёл в озеро и утонул. Сидим, недоумеваем. Подъехал знакомый хант Макара. Мы спрашиваем: слышь, старик, а бывает так, что лось утонул? Нет, говорит он, должна туша всплыть. Мы ему объясняем, а он не верит. Оказалось что? Когда лось зашёл в озеро, ноги увязли в иле. Его засосало. Всплыл он только часа через четыре.

...Едем мы на рыбалку. А у нас в лодке на сетке лежит ружьё, двустволка курковая. А охотничий сезон ещё не открыт. Останавливает нас рыбнадзор: куда? Мы говорим: на рыбалку, вот сетка. А почему ружьё, охота запрещена. Мы говорим: это ружьё у нас как балласт. Ну-ка дайте. Берёт ружьё, пытается его открыть, а оно старое, проржавевшее. Тьфу, что вы с таким ружьём делаете? Да мы его как грузило привязываем. Ладно, охотнички, езжайте.

Симонов Юра

Есть у меня друг. Со школьной скамьи дружим. Старше меня на год. Интересный парень. Он окончил Горьковский институт инженеров водного транспорта. Работал в порту. Затем я взял его к себе в комсомоле поработать. Потом он трудился на государственной службе.

Я помню, когда окончили школу, поступили в институты, но молодость ещё давала себя знать, мы себя проверяли – насколько храбрые. А у нас в Салехарде стояла вышка высотой метров 60–70, которую первоначально хотели сделать телебашней. Но стояла пустая, без монтажа. И вот мы с ним решили: не струсим? И полезли на эту вышку, чтобы доказать себе, что не слабаки. Залезли. А как глянули вниз... Оказывается, слезать куда сложнее и страшнее. А площадка наверху без покрытия, досок нет, не встать, не передохнуть... Страху натерпелись. Руки-ноги тряслись.

Из этой же серии – доказать себе, что не трусы: тёмным вечером пойдём на кладбище? И пошли. Хотя помню, что если бы что-то там зашевелилось, доска какая-нибудь высунулась, я бы в обморок упал.

Вот так себя проверяли.

Дружили. Я к нему в институт приезжал, он ко мне – в Тюмень. Дружба не знала расстояний.

Харлан Витя

Тоже мой друг со школы. И так же окончил институт инженеров водного транспорта. Работал в речном порту, потом – капитаном сухогруза.

В школе он бегал за девчонкой, звали её Наташа Емельянова, с большой русой косой. А существовали и ещё претенденты на её сердце. Витя как-то пригласил её кататься на коньках, а мы в магазине напротив из окошка следим, чтобы ему не накостыляли.

Парень спортивный, он самбо занимался, меня приучил. Так что в институте я год занимался самбо. Пока в одной из тренировочных схваток мне руку не сломали.

Занимался Витя и спортивной гимнастикой. Чем тоже меня увлёл. И я год в секцию ходил. Всё тогда было доступно для молодёжи.

Пермяков Слава

Наша надежда и опора в юности. Он здоровый парень был. И в драке мы ставку на него делали. Мы-то были по-субтильнее. Не то что он числился за-ядлым хулиганом – просто нас в обиду не давал.

Вспоминается эпизод. У нас в городе было педучилище. А там учились одни девчонки, и мы туда ходили. Шли мы как-то оттуда с танцев. А парни со Второго отделения – поселение такое в городе – на нас полезли. Нас четверо, их побольше, но мы им наваляли. Идём дальше. Вдруг слышим, сзади звук: будто ружьё заряжают. Оборачиваемся, бегут парни, которых мы лупили. И один из них – с ружьём. А добраться до него, выхватить ружьё уже не успеваем. Мы кричим: что ты делаешь, придурок! И врас-сыпную. И тут он начал стрелять! Досталось нам. Кому в задницу, кому ещё куда. Но парня мы того поймали, ружьё отобрали, напинали, но в милицию не сдали. Он потом приходил, извинялся...

А у Славы Пермякова до сих пор дробины в руке катаются под кожей.

Логуновский Вадим

Тоже наш друг. Учился он не очень хорошо, имея при этом нестандартный ум. Элементарно занимал первые места на всех олимпиадах по физике, по математике. А олимпиада предполагает нестандартный подход к решению задач. Тут одних знаний из учебника мало. Повторяю: учился с тройки на четвёрку. Но преподаватели физики и математики его очень уважали, потому что он всегда мог предложить необычный путь решения. И вообще был большой умница – мы с ним всегда советовались, если что-то не понимали или не знали. Сейчас он на госслужбе на Ямале.

С друзьями. Крайний слева Вадим Логуновский

БОЛЬШОЕ ДЕЛО – СВОЯ КОМАНДА

Есть такое озеро Бал-Банты. На границе Ханты-Мансийского округа и Ямала. Там очень хороший кедрач, мы туда ездим, собираем орехи. А озеро очень богатое окунем, щукой. Как-то раз мы приехали. Плывём по озеру на лодке. Неприятный запах доносится. А когда пристали к берегу, развели костёр, решили сходить посмотреть, что так благоухает. Протухшим чем-то пахнет. Может, лось упал?

На вёслах сидел Толя Сеитов, мой помощник. Подплыли. Говорим ему: ты здесь оставайся, а мы пойдём проверим. Идём на запах. Чем дальше, тем вонища страшней. Подходим. Видимо, рыбаки здесь специально сбрасывали рыбы головы как приваду для медведей. Перед нами кусты, ёлки, и вонь – из-за них. Выхожу из кустов... Ба! Метрах в десяти здоровенная медведица и два медвежонка. Жрут головы. Медведица присела на задницу, на меня как глянула... Откуда прыть взялась. Я через эти ёлки сиганул – и бежать обратно к лодкам. Подбегаем, прыгаем в лодку. Я Сеитову: Толик, отгребайся быстрее, медведица. А он: да ладно пугать-то. И тут она появляется на берегу. Тут он как приналёг, так и с мотором бы быстрее не получилось – через миг оказались на середине озера.

Я шестнадцать лет руководил округом. Много приходилось летать. А округ – 750 тысяч квадратных километров. И летать

приходилось в основном на вертолѐтах. У меня был экипаж с командиром Сергеем Сущевским. Класный пилот со всеми допусками, профессионал высшего класса. Что называется, вертолѐтчик от бога. В любую точку и в любую погоду может сесть. Второй пилот – Федя Волков. Бортмеханик – молодой парень Андрюха. Они прекрасно знают Ямал: все озѐра, все буровые.

Ожидался как-то приезд большого начальства, и нам в связи с этим предстояло посетить одно месторождение в районе Нового Уренгоя, проверить подъезды, дороги, где надо площадку отсыпать.

А уже весна с оттепелью. Подлетаем к месторождению, посмотрели. Место нормальное. Пилот: давай вот здесь сядем. А он хорошо эти места знает. Давай. Подсаживаемся. Проверили – почва твердая, нормально. Пилот глушит двигатель. Все вместе пошли, встретились с руководством, поговорили. Ладно, пора лететь дальше, нам ещё на одно месторождение надо успеть. Подходим к вертолѐту. А он завалился на один бок – колесо ушло в почву. Лопасть едва не достаѐт каких-нибудь двух сантиметров до снежной поверхности. И чего тут делать? Весна. А рядом трубопровод. Торф тёплый, видно, подтаял. При посадке выдержал, но дальнейшее давление машины – нет. Чего делать? Взяли лопаты, ломы, стали подкапывать второе колесо. Немножко выровняли. Серѐга говорит: рискну, попробую завести. Мы ему говорим: ты что, чуть-чуть лопастью цапанѐшь, тебя сразу перевернѐт. Он говорит: отходите, я всё равно попробую. Иначе – ЧП. Вертолѐт с губернатором. Ну ладно, Серѐга, давай. Мы отошли метров на сто. Он один в машине. Завѐл. Чуть приподнял, сразу дал форсаж.. Вырвал машину. Перелетел на пло-

щадку, куда мы пешком уже подошли.

Вот такой уникальный пилот. Много раз спасал больных. Когда в условиях отсутствия видимости на зажжённые костры садился, брал людей, а ещё бы час задержки, и человек умер бы. На его счету десятки спасённых людей. Он ещё и сейчас работает, но, насколько я знаю, собирается переезжать в Тюмень, выходить на пенсию.

Долгие годы работает со мной водитель Виктор Нестеренко. Трудился он ранее у геофизиков, геологов, нефтяников, газовиков. Прекрасно знает всю технику: работал на вездеходах, на катерпиллерах, на трубовозах, на всей технике, которая имела на Ямале, когда осваивали целину. Скромный, преданный, толковый.

Ехали мы с ним в один из районов на гусеничном вездеходе. Весна, надо было проходить ручьи. И вот высокий подъём. Вездеход не идёт вверх, сползает и всё. А объездов нигде нет. А недалеко мост старой железной дороги сталинской. Залезли мы на него, набрали там костылей. Виктор вбивал их в гусеницы. Продвигались на какое-то расстояние, вытаскиваем костыли, вбиваем заново. Так и влезли наверх. За счёт смекалки. И много других серьёзных моментов у нас с ним было. Замерзали мы в минус 50, когда сломался вездеход. Жгли костры, пока ребята из МЧС нас не подобрали...

В общем, большое дело – своя команда!

С В.В. Путиным

Заседание «Команды»

Рабочии будни

Лучший подарок... голубь! Инаугурация

Крепкий договор

С Архиепископом Тобольским и Тюменским Димитрием
и Верховным муфтием Центрального духовного управления мусульман
России Талгатом Таджуддином

...посадить дерево

«Витязи» на Ямале

Дегустация ямальских деликатесов

Церковь в Антарктиде

Обдорская крепость

Северяне встречают гостей

С тундровичком

Голосую за...

Рисую на интерактивной доске

На съемках фильма «Тайна Снежной королевы»

Награждение спортсменов

С символом мира

Награды за «голубиное хобби»

Накормим всю страну

С юбилеем

В деревне Неёлово Псковской области. Мы все теперь родственники

С главой Псковского района Владимиром Шураевым

С директором Неёловской средней школы Владимиром Дмитриевым

Подарок от юного художника деревни Неёлово

Ты будешь губернатором Ямала

Да! Север – моя судьба

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Н.И. Рыжков. Мужество высказаться / 7

РАССКАЗЫ

Любовь детсадовская / 15

Партия деда Матвея / 34

Кубинский шторм / 45

Тундра со всеми удобствами / 61

Пустое место на площади / 80

Охота на голубей / 98

Прыгай, Сивка, прыгай! / 125

Ну что вам рассказать о них? / 134

ЭССЕ

Хорошо быть молодым? / 169

Свой музей – каждому! / 183

А садиться лучше... на воду / 206

О ТЕХ, КТО...

О тех, кто рядом навсегда

Фарман Курбанович Салманов / 232

Константин Викторович Ерёменко / 237

Виктор Степанович Черномырдин / 241

Пётр Михайлович Латышев / 245

Василий Тихонович Подшибякин / 248
Константин Иванович Миронов / 250
Евгений Моисеевич Нигинский / 251

О тех, кто рядом

Матвиенко Валентина Ивановна / 253
Миронов Сергей Михайлович / 256
Грызлов Борис Вячеславович / 258
Строев Егор Семёнович / 259
Чилингаров Артур Николаевич / 260
Рыжков Николай Иванович / 261
Собянин Сергей Семёнович / 262

О друзьях

Корепанов Сергей / 263
Симонов Юра / 266
Харлан Витя / 267
Пермяков Слава / 268
Логуновский Вадим / 269

Большое дело – своя команда / 270

Литературно-художественное издание

Юрий Васильевич Неёлов

И СНЕГ БЫВАЕТ ТЁПЛЫМ

Редактор: А. Яковлев
Корректор: Л. Станкевич
Дизайн: А. Архутик
Вёрстка: А. Колганов

ООО ИД «ЛУЧ»
Свидетельство о регистрации № 706.951 от 30.09. 1994 г.
127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5а
Тел./факс (495) 685-66-02
E-mail: litucheba@mail.ru
Адрес сайта: www.lych.ru

Генеральный директор Л.И. Карханина

Формат 70x90/16
Печать офсетная
Гарнитура GaramondC
Усл. печ. л. 19,0
Тираж 2000 экз.
Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru